

ЧФ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

2008 выпуск № 2 (16)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Новиков В.В. О перспективах социальной психологии	5
Козлов В.В. Радость и печаль творчества	7
Клюева Н.В., Дорфман Л.Я. Феноменологический метод исследования в консультационной психологии: методологический анализ и опыт применения	26
Косов А.В. Становление мифосознания и социальная стратификация	34
Момот В.А. Теоретико-исторические аспекты изучения феномена посттравматических стрессовых расстройств как следствие боевой психической травмы	45
Познанская А. П., Лидерс А.Г. Имплицитные теории семьи в психологии	53

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Карпов А.А. Игровая зависимость. Исследования, опасности, проблемы виртуальных казино	70
Матюшкова С.Д. Особенности формирования гендерной культуры в условиях среднего образования	78
Радина Н.К. Социально-психологические последствия миграционной политики государства (на примере переселенцев из СНГ в Германию)	85

Соколова И.Ю. Потенциальные возможности личности и их развитие в системе непрерывного образования	93
--	----

ЭКСПЕРИМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ

Будякова Т.П., Мокринская Н.В., Тарова С.А. Восприятие судьи участниками уголовного судопроизводства	98
Григорьева Е.В. Подходы к исследованию идентичности: интегративная позиция	111
Гусева Т. Доверие к себе как условие гармоничных отношений личности с самим собой	119
Мазур Ю.О. Тренинг личностного роста как средство развития просоциального поведения	122
Сапожникова О.А. Исследование взаимодействия систем организационных и индивидуальных ценностей с помощью методики OCAI	129
Щеколдина А.А. Проблема профессиональной самореализации специалиста в области управления персоналом (на примере поиска работы профессионалом в сфере рекрутмента)	133
Флоровский С.Ю. Макиавеллистические установки руководителей как фактор регуляции совместной управленческой деятельности в условиях различного организационно-культурного контекста	150
Наши авторы	160

ISSN 1812-1985

*«Придумать можно все,
кроме психологии»
Л.Н.Толстой*

.....
Человеческий фактор
.....

СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

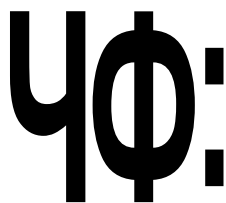
.....

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ

Основан в 2000 году в Ярославле

2008

№ 2 (16)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Свидетельство о регистрации — ПИ № 77–15751

Подписной индекс Агентства «Роспечать» — 36053

СОЦИАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГ

Выпуск № 2(16) 2008

ЖУРНАЛ
ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ

Основан в 2000 году

Главный редактор журнала «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР» **В.В.Новиков**

Главный редактор серии
«Социальный психолог»
В.В.Козлов

Главный редактор серии
«Проблемы психологии и эргономики»
В.М.Львов

Главный редактор серии
«Общество и власть»
Д.П.Пискарев

Редакционная коллегия серии «Социальный психолог»

*А.В.Карпов, В.В.Козлов, В.М.Львов,
В.А.Мазилев, Н.В.Клюева,
И.Н.Карицкий, Н.П.Фетискин*

Редакционный совет серии «Социальный психолог»

*Г.В.Акопов, И.П.Волков,
А.Л.Журавлев, Т.П.Емельянова,
М.М.Кашапов, Ю.А.Клейберг,
Г.М.Мануйлов, В.В.Марченко,
В.И.Назаров, Р.С.Немов, Н.Н.Обозов,
Б.Д.Парыгин, Ю.П.Поваренков,
А.Л.Свенцицкий, В.Е.Семенов,
В.А.Урываев, А.В.Филиппов*

Оригинал-макет: М.Н.Федоров

УЧРЕДИТЕЛИ ЖУРНАЛА:

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ
ЭРГОНОМИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ЦЕНТР
ЭРГОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И РАЗРАБОТОК МИНПРОМНАУКИ
РОССИИ

ИНСТИТУТ ИННОВАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ

Адрес редакции:

150057, г. Ярославль,
ул. Матросова, дом 9, офис 206
Тел.: (4852) 728–394;
факс (4852) 478–666.

Адрес издателя и распространителя:

ООО «Исследовательская группа
“Социальные науки”»
249031, г. Обнинск, а/я 1023
Тел.: (48439) 74–126. E-mail: ig_socin@mail.ru

Отпечатано на Фабрике офсетной печати. 249039, г. Обнинск, ул. Королева, 6
Формат 70x100/16. Тираж . Заказ №

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Новиков В.В.

О ПЕРСПЕКТИВАХ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Мир развивается, как известно, по спирали, но каждый виток этой спирали похож и не похож на предшествующий. Изменяющийся мир требует новых осмыслений вообще и новых дефиниций и обязательных коррекций в объяснении старых феноменов. Но этот необходимый «пересмотр» научного инструментария не есть сплошное отрицание имеющихся потенциалов и зафиксированных позиций, но их объективно необходимая ревизия.

Принято считать, что социальная психология — непорочное дитя двух родителей: психологии и социологии. При этом упускается из виду, что без самой грешной земной экономики никакого ребенка не выросло бы. Не следует забывать об этом и сейчас, в период так называемой переходной экономики.

В нашем обществе — это затянувшийся переход от экономики разверстки, то есть надзора государства за выполнением адресных заданий каждому хозяйствующему субъекту с твердыми ценами к экономике рынков (товаров и услуг, ценных бумаг, инвестиций и т.п.) со специфическими законами ценообразования, спроса и предложения, налоговым террором и т.п. без достаточно строгих и четких «правил игры», к которым так привыкли все бюджетники, существующие теперь по «остаточному принципу».

Совершенно очевидно, названный переход затягивается, следовательно, в XXI веке мы живем вместе с ним. Психологи — и теории, и практики — обречены на неопределенный период жить по выше названному «остаточному принципу».

При этом следует помнить и еще один экономический феномен, называющийся «трансформацией». Этот термин из гнезда: эволюция, изменение, модернизация, структурирование, реституция и т.п. «Трансформация» обозначает перемены еще недостаточные для окончательного перелома ведущей тенденции, однако, уже обеспечивающие необратимость нового. Трансформация влечет за собою изменение «правил игры», но не их стабилизацию. Так что ждать окончательного «перехода — перелома» в общественном развитии России, согласно экономическим теориям, нам еще долго.

Чтобы развиваться далее осознанно, социальной психологии «задано» ориентироваться не только в российских перспективах экономического развития, но и в мировом масштабе.

Социальная психология была, есть и будет зависимой от экономики: при том не только от обыденной экономической реальности, но и от экономической науки. Что касается последней, то там тенденции на XXI век зацикливаются, в первую очередь, на так называемых моделях интернационализации и глобализации. И это не чьи-либо идеологические происки, а реальные пути дальнейшего существования человеческого общества, по крайней мере, в начале XXI века. Обе названные тенденции считаются ведущими, ибо без совместного (интернационального) создания и обслуживания крупнейших (глобальных) корпораций не только прокормить растущее человечество, но и просто выжить по отдельности бесперспективно...

Разумеется, при нашем российском менталитете (феномене, бесспорно, социально-психологическом) можно снова положиться на «авось» или разбрестись по «своим национальным квартирам» и выживать по одиночке, что, *de facto*, уже наблюдается. Более того, иногда кажется, что нам, россиянам, другого и не дано: мешают мифы, привычки, соблазны...

Тем не менее, давайте вместе хотя бы немного попытаемся разобраться в нашем общем «багаже»: с чем же мы уходим из века двадцатого и вступаем в век новый, говорим ли на общем, желательно все-таки, русском языке, можем ли мы помочь друг другу, если не выбрать собственную нишу, то скорректировать взятое направление в творческой работе? Кстати, давайте попытаемся сравнить, можем ли мы отстаивать свою науку на том же, что и экономисты, интернациональном уровне, вписываясь в неизбежную глобализацию?.. Не забывая же, вправду, в собственные щели!

Начнем с констатации того положительного, что есть в нашей науке. Это, как ни парадоксально, с роста авторитетности нашей профессии, с роста объема наших социально-психологических публикаций в стране и в мире. Сегодня в России издается немало газет и журналов психологического содержания, буквально, как блины, пекутся новые и новые книги, появилась даже «библиотека социальной психологии». Конечно же, это явление диалектическое и, уже поэтому, неоднозначное. С ростом социально-психологических изданий в России, в том числе и на иностранных языках, наблюдается не интернационализация, а чистая американизация нашей науки. Ее собственные российские достижения размываются, а, нередко, и просто не замечаются.

В последние годы понятие «кризис» стало в нашем отечестве всеобъемлющим, в том числе и буквально в каждой общественной науке. При этом причины, бесспорно, несут объективный характер: политика и экономика страны уже длительное время находятся в глубочайшем упадке, образование и воспитание существуют «по остаточному принципу».

Автору в период смены государственного строя в России довелось побывать в ряде вполне благополучных стран, расположенных в Австралии, Азии, Америке и Европе. И всюду прогрессивно, а точнее, объективно настроенные педагоги отмечают резкое возрастание негативных явлений в их городах и других селениях: рост алкоголизации, наркомании, проституции, других антиобщественных проявлений, а, в конечном счете, и преступности всех видов и форм. В откровенных дискуссиях на многих международных научных конгрессах и симпозиумах не раз приходилось слышать нелицеприятные упреки, а иногда и прямые негативные оценки происходящего в нашей стране разложения общества, доказывающего отрицательное влияние и на человечество, в целом. Чаще всего, в таких случаях приходится, с сожалением, занимать так называемую оборонительную позицию и пытаться страстно и, по возможности, аргументировано информировать иностранных коллег о том, что ученые России уже давно не только комментируют кризисное состояние нашего общества, но и ведут настоячивые поиски выхода из него.

Следует отметить, что простая констатация идеологических провалов бывшего СССР и деидеологизированная неопределенность нынешнего правительства не воспринимается нашими критиками всерьез, они хотят услышать от нас и разобраться сами, что же, все-таки, имеется в нашем позитиве. И, как показывает опыт, лучше всего «прежние идеологические противники» воспринимают наши поиски глобальных теоретических решений и, более того, охотно участвуют в их разноуровневых обсуждениях. По мнению автора, разумеется, весьма субъективному, наибольший интерес в подобных дискуссиях вызывает именно поиск общенациональных идей и парадигм нашего дальнейшего развития в едином с ними мире. На мой взгляд, большую перспективу в этом смысле имеет интегративная психология, разработкой которой интенсивно занимается в последнее время В.В.Козлов и вся Ярославская школа психологии.

Козлов В.В.

РАДОСТЬ И ПЕЧАЛЬ ТВОРЧЕСТВА

В процессе формирования интегративной психологии (Козлов, 1999) мы заявили, что ее прагматическая цель — изменение структуры и формы сознания человека, обретающего в результате способность мыслить, рефлексировать, действовать адекватно в соответствующей социокультурной среде и на существенном уровне трансформировать *homo sapiens* и *homo habilis* (человека разумного и умелого) в *homo ludens* и *homo creasoficus* (человека играющего и творящего мудрость).

Вне сомнения, мы не отказываемся от целей, которые были поставлены в конце XX столетия. Эта цель является идеальной и предельной — вызовом жизни не только для психолога, но и любого человека.

Но фокус наших усилий сменился. В настоящий момент мы четко понимаем, что цель человеческого существования — самореализация, самопроявление.

Качественно отличительным признаком такой личности является способность и интенция творить. Именно неистовый поиск, нахождение и присутствие этого человека-демиурга в творческих, эвристических (расширенных, потоковых, ресурсных) состояниях сознания, выделяет его из основной массы людей.

В современной психологии в основном к творчеству относятся как состоянию исключительному и уникальному.

Мы должны развеять этот миф.

Мы должны констатировать, что человек экзистенциально предопределен творить и любой миг его жизни — это творчество реальности, ее семантическое реконструирование.

И человеческое пребывание, «бытие в мире», главным и определяющим образом связано с творчеством его сознания: творением реальности.

Не **тварность** человека — базовая характеристика, а **«творность»** — творчество в мышлении, эмоциях, поведении — в игре, учебе, труде — в спорте, искусстве, научном познании, языковой практике.

Мы согласны с точкой зрения А.В.Брушлинского, который не выделяет креативность как особое психическое образование и считает ее основным признаком всякого мышления. Мышлению, обусловленному предметной деятельностью, он отводит доминирующую роль в творческом процессе. «Всякое мышление хотя бы в минимальной степени всегда есть искание и открытие существенного, нового (нового для данных конкретных индивидов), и, поэтому оно всегда является в той или иной мере продуктивным, творческим, самостоятельным» [2, 32].

Человек экзистенциально обречен на свою «творность» — процессуальное творение реальности в ощущениях, эмоциях, образах, символах, знаковых системах.

Самая главная игра человека — это игра сознания и реальности.

И человеческое сознание входит в структуру мира (в сферу бытия человека), и объективированное бытие вливается во внутренний мир человека.

Вне сомнения, реальность всегда субъективна и рождается из взаимодействия человека с опредмеченной (предметной) средой на уровне когнитивном (познание, интроспекция, рефлексия),

эмоциональном (вчувствование, олицетворение, анимация) и моторно-поведенческом (освоение мира и себя самого через двигательные действия).

Одновременно с этим эксперименты с гипостимуляционными и гиперстимуляционными методами, индуцирующими измененные состояния сознания, показывают, что демиургово качество человека может быть достаточно индифферентно к самой предметной реальности, даже к таким базовым характеристикам, как пространство и время.

Сознание — активное, открытое, целостное, саморазвивающееся неструктурированное пространство энергии, способное наполнять внутреннюю и внешнюю реальность смыслом, отношением, переживанием и действием.

Сознание «рожает» факт нашего существования в каждый момент жизни.

В конце — концов — неважно, присутствует реальная предметная реальность или нет.

Актуальность исследования «поточных состояний сознания» (ПСС) формируется несколькими причинами.

– Во-первых, возникла необходимость теоретического осмысления психологии и феноменологии пиковых творческих состояний сознания;

– Во-вторых, в настоящее время требуется определить условия продуктивности активного творчества;

– В-третьих, в психологии существует необходимость исследования такого состояния, которое, безусловно, являлось бы оптимальным при выполнении человеком различного рода деятельностей.

Необходимо всестороннее исследование потокового состояния сознания и его влияние на продуктивность деятельности, так как до настоящего времени тема была мало изучена, несмотря на ее актуальность.

Теоретическое значение выбора темы исследования заключается в том, что при

изучении внутренних механизмов, содержания и феноменологии «поточного состояния сознания», выявляется воздействие этого состояния на психику, личность. Практическое же значение работы — на основе ее результатов наступает возможность внедрения феномена ПСС в каждодневную деятельность для повышения эффективности ее результатов.

Наиболее яркий пример того, сколько радости, подъема чувств, глубокого удовлетворения приносит само совершенное действие, а не их результат, является собою игра.

Существует целый ряд разнообразных форм трудовой деятельности, которые ориентированы в первую очередь на процесс, а не на результат: художники, скульпторы, поэты, композиторы, писатели нередко проводят дни и ночи напролет за работой, ничего не замечая вокруг себя; но, завершив произведение, могут тотчас потерять всякий интерес к нему. Процесс созидания настолько привлекает и поглощает их, что ради него самого они готовы жертвовать многим: не спать, голодать, не иметь гарантии в обязательном признании своего продукта, ни в материальной организации. Страницы истории искусства изобилуют примерами поистине трагической судьбы и действующих лиц. То же самое можно сказать о труде ученых, архитекторов, режиссеров, менеджеров, руководителей производства и представителей других профессий, неустанно бьющихся над решением поставленных задач; об актерах, о спортсменах и танцорах, которые действуют, прежде всего, ради самого процесса и глубоко переживают его.

На мой взгляд, «захваченность» самим процессом деятельности наблюдается не только в так называемых творческих профессиях. «Упоение» процессом труда может наблюдаться в деятельности оператора, токаря, маляра, плотника, повара.

На возможность отделения мотива от цели и перемещение на саму деятельность указывал еще С.Л.Рубинштейн (1940) [15; с. 176]. В работах в рамках его школы разрабатывается теория «психического как процесса». Эта теория, с одной стороны, специально указывает на дифференциацию психики на процесс и его продукт; а с другой — исходит из отношенческого единства этих составляющих, изучая тем самым продукт только в соотношении с психическим процессом. «Психическое существует, прежде всего, как процесс — живой, предельно пластичный и гибкий, непрерывный, никогда изначально полностью не заданный, а потому формирующийся и развивающийся... только в ходе непрерывно изменяющегося взаимодействия индивида с внешним миром» (Брушлинский, 1984).

«В ходе непрерывного и изменяющегося взаимодействия внешнего и внутреннего возникают все новые, ранее не существовавшие продукты, средства, способы осуществления процесса и другие детерминанты, которые сразу же включаются в дальнейшее протекание процесса в качестве его новых внутренних условий» (Брушлинский, 1979). Эту непрерывную взаимосвязь процесса и продукта, когда продукт, предшествующий деятельности выступает одновременно и как внутренне условие последующей, А.В.Брушлинский считает главной характеристики психического как процесса и видит в ней основу действительного психического развития, то есть развитие характера и способностей человека.

Работы американского психолога М.Чиксентмихали исходили из той же научной парадигмы, так как они прямо нацелены на экспериментальное изучение деятельности, мотив которой в первую очередь ориентирован на процесс, а не на результат (Csikzentmihalyi, 1990).

Продукт такой деятельности автор видит в развитии навыков и способностей человека, в росте и становлении его личности. Анализ его работ позволяет выявить главные свойства и механизмы деятельности, ориентированной на процесс [3].

Для уточнения психофизиологических механизмов, вызывающих ПСС, нами были проведены экспериментальные исследования, в которых приняли участие 42 оператора в возрасте от 24 до 45 лет.

Внимание обследуемых не акцентировалось на целях эксперимента.

Исследования выполнялись в рамках оценки профессиональных качеств, что обеспечивало высокий уровень мотивации обследуемых.

В течение примерно одного часа они выполняли привычную для себя операторскую деятельность, моделирующую отдельные элементы управления летательным аппаратом и представляющую собой решение типовых модельных задач по сбору и обработке визуальной информации, требующей реализации наглядно-образного и вербально-логического ее преобразования.

Результаты опроса обследуемых позволили выявить среди них группу из 4 человек, у которых наиболее четко можно было выявить основные элементы ПСС. Анализ результатов тестирования показал, что все обследуемые этой группы входили в число лиц, показавших значимо лучшие результаты, чем остальные. Уровень их профессиональной подготовки позволял им довольно легко справиться с предлагаемыми тестами, однако непривычность условий проведения и соревновательность с другими обследуемыми требовала поддержания непрерывного внимания, высокого уровня концентрации и мобилизации.

Как показали результаты исследования физиологических параметров, в про-

цессе эксперимента у всех обследуемых происходили выраженные изменения в деятельности ряда физиологических систем, что подтверждает многочисленные данные, имеющиеся в литературе по физиологии труда (Ж.Шеррер, 1973). Наблюдалось увеличение ЧСС, повышалось артериальное давление. Об увеличении потребления кислорода миокардом свидетельствует повышение индекса Робинсона в 2–2,8 раза. Значительное нервно-эмоциональное напряжение, сопровождающее процесс тестирования, приводило к снижению вариационного размаха ритмокардиограмм до 0,1 с. Потребление кислорода увеличивалось в 2–3 раза. Кратно возрастала частота дыхания и минутная вентиляция легких. О возникновении признаков гипервентиляции свидетельствует возникновение дисбаланса между потреблением кислорода и выделением углекислого газа, который составил в среднем по группе за время исследования 510 ± 67 мл.

Особенность лиц, имевших признаки состояния «потока» состояла в значительно меньшей физиологической цене деятельности.

Но наиболее значимое отличие заключалось в значительно большей величине дефицита CO_2 за время исследования, которая существенно превышала средние значения по группе и составляла 1250 ± 83 мл. Происходило и снижение напряжения CO_2 в крови, о чем свидетельствует значимое уменьшение $PE_T CO_2$ (с 41 ± 2 до 30 ± 3 мм.рт.ст.).

Анализ результатов оценки параметров внешнего дыхания показал, что причиной выраженной гипоксии у обследуемых явилась относительно мало выраженная гипервентиляция во время выполнения операторской деятельности. Сравнение с другими обследуемыми не выявило значимых различий величины минутной вентиляции легких. Более детальный анализ параметров внешнего

дыхания показал наличие явных признаков повышения эффективности газообмена в легких. Увеличивалась альвеолярная вентиляция, снижалась вентиляция мертвого пространства, увеличивался коэффициент использования кислорода.

Причина указанного парадокса выяснилась при изучении ритма и временных характеристик фаз дыхательного цикла. Оказалось, что характер дыхания у выделенной группы лиц имел признаки «связности», вывод о чем можно сделать из значений вариативности дыхательного ритма, которая была более чем в два раза ниже, и продолжительности выдоха, которая была на 65–90% выше, при практически прежней частоте дыхания.

Интересные закономерности выявлены нами при анализе электрической активности головного мозга. После периода подавления альфа ритма, появления признаков десинхронизации и высокочастотной активности, имевших место у всех обследуемых, у лиц в состоянии «потока» наблюдалось парадоксальное для ситуации активной операторской деятельности нарастание медленноволновой активности.

Известно, что в состоянии расслабленного бодрствования у большинства здоровых взрослых людей на ЭЭГ регистрируется регулярный альфа-ритм максимальной амплитуды. Этот ритм может изредка прерываться, очевидно, в связи с реакцией активации за счет внутренней психической активности обследуемого.

При занятии человека каким-либо видом деятельности, которая вызывает повышенное эмоциональное напряжение или требует высокой степени внимания, на ЭЭГ возникает состояние, называемое десинхронизацией. Представления о связи «уплощения» ЭЭГ с повышением активации и нарастания амплитуды альфа-ритма со снижением уровня функ-

циональной активности достаточно хорошо согласуется с данными исследований зависимости ЭЭГ от психических процессов. Показано, что при умственной нагрузке, визуальном слежении, обучении, то есть в ситуациях, требующих повышенной психической активности, закономерно снижается амплитуда ЭЭГ и возрастает ее частота (Ch.Becker-Carus, 1971; F.Mori, 1973).

Считается, что наличие медленноволновой активности в обычных условиях является показателем патологического режима работы мозговых систем и даже при отдельных периодах высоко амплитудных разрядов дельта- и тета-волн отмечается снижение уровня внимания, бодрствования и точности слежения (Л.Р.Зенков, М.А.Ронкин, 1991). Вопреки представленным выше литературным данным, в наших исследованиях отмечалась выраженная медленноволновая активность при высоком качестве деятельности и меньшей ее физиологической цене, которая увеличивалась к 15–30 мин исследования параллельно с нарастанием дефицита CO_2 и степени гипоксии.

По своей энцефалографической картине, деятельность в состоянии высокой концентрации и собранности на выполняемой задаче, то есть в «потоке», имеет весьма большое сходство с неглубокими медитативными состояниями (Т.А.Hirai, 1981; M.Murphy, S.Donovan, 1988).

В контексте данной статьи следует отметить происходящее завоевание западного рынка электронными приборами для биологической обратной связи и подпорогового программирования. Предыстория вопроса такова. После цикла исследований медитации дзенских монахов было установлено, что в состоянии «дза-дзен» резко возрастает интенсивность альфа ритма и происходит синхронизация частот биоритмов мозга обоих

полушарий. Обычно эти частоты несколько различны.

Вскоре после этих исследований в русле идей биологической обратной связи были разработаны портативные приборы, осуществляющие стимуляцию мозга через электрические датчики, наушники и светодиоды. Оказалось возможным навязывание мозгу человека ритмов, характерных для разных состояний сознания. Например, низкий бета-ритм частотой 15 Гц интенсифицирует нормальное состояние бодрствующего сознания. Высокий бета-ритм частотой в 30 Гц вызывает состояние, сходное с тем, которое возникает после употребления кокаина, Альфа-ритм частотой в 10,5 Гц вызывает состояние глубокой релаксации.

По ряду предварительных данных в этом состоянии мозг производит большое количество нейропептидов, повышающих иммунитет. Тета-ритм частотой в 7,5 Гц способствует возникновению состояния, характерного для глубокой медитации. При низком тета-ритме частотой в 4 Гц иногда возникает переживание, получившее в литературе название «путешествие вне тела» При частотах ниже 4 Гц возникает сильное стремление заснуть, трудность сохранения бодрствующего сознания. С помощью современных портативных приборов легко вызывается состояние «сверхобучения» или «подпорогового программирования». Оказывается, в этом состоянии человек является чрезвычайно восприимчивым к запоминанию новой информации.

На современном рынке имеются тысячи всевозможных разновидностей аудиокассет для подпорогового программирования (для изучения языков, отучения от курения, снятия стресса, избавления от лишнего веса, настройки на различные жизненные ситуации).

Таким образом, используя терминологию нейролингвистического програм-

мирования, можно сказать, что связанное дыхание служит при этом для «якорения» состояния «потока», а часто, судя по многочисленным наблюдениям на тренингах по интенсивным интегративным психотехнологиям, базовым триггером этих состояний. Более того, существует реальная возможность создавать физиологические и нейропсихологические предпосылки для вызывания ресурсных, творческих состояний личности — процессы осознанного связанного дыхания.

Кроме того, детальная физиологическая проработка указанной концепции на более представительном статистическом материале может потребовать коренного пересмотра фундаментальных положений психофизиологии труда, и, в частности, нормирования нагрузки, ибо серьезная и ответственная работа в состоянии «потока» может приносить большее наслаждение, чем любая, самая «крутая» форма досуга и наполнить человеческую жизнь большим смыслом. Самое важное — помочь реализоваться личности, самоактуализироваться при помощи самого простого и доступного для человека — связанного, циклического дыхания [13; с. 126–129].

Радость творчества

Три последние парадигмы психологии — гуманистическую, трансперсональную и интегративную — объединяет одинаковое понимание цели человеческого существования на земле: самореализация, самоактуализация, самопроявление. Самопроявление — это реализация в жизни сущностных сил человека — витальных, интеллектуальных, эмоциональных, полное проявление его Самости, потенциальности. На наш взгляд, самоактуализация не обязательно должна принимать форму творческих усилий, выражающихся в создании про-

изведений искусства. Родитель, спортсмен, студент, преподаватель или рабочий у станка — все могут актуализировать свой потенциал, выполняя наилучшим образом то, что они делают; специфические формы самоактуализации очень разнообразны. Именно на этом высшем уровне иерархии потребностей люди сильнее всего отличаются друг от друга.

Наши многолетние исследования показывают, что притягательная сила творческих (ресурсных, эвристических, потоковых, расширенных) состояний сознания обеспечивается рядом важных признаков. Как показывают нейропсихологические, психологические и социально-психологические эксперименты, которые проведены нами в последние 17 лет, они сводятся к следующим качественным отличиям (признакам, свойствам):

1. Трансценденция Эго. В эвристическом акте сам действующий субъект исчезает, то есть «чувство себя», «Я-ковость», самосознание и самоидентичность теряется.

Отсутствие Эго в сознании не означает, что человек теряет контроль над своей психикой или над своим телом. Эго растворяется на высшей точке управления ситуацией, действия человека становятся средством выражения и реализации своего «Я» как системы взаимодействия с действительностью.

В творческом процессе человек настолько вовлекается, погружается в то, что он делает, что у него исчезает осознание себя как чего-то отделенного от совершаемых им действий. Творчество имеет ярко выраженный онтологический характер. В процессе творчества создатель нового (произведения искусства, научного открытия, текста, дома, изделия) является творцом, творцом своей жизни, демиургом — продолжателем плана Бога. В процессе творчества возникает единая когнитивно-ментальная структура созна-

ния человека, которая, растворяя «Я» в деятельности, растворяет деятельность в «Я».

В некотором смысле — творчество — всегда забывание себя, некое заклатие, жертвоприношение «Я».

В результате трансцендирования (выхода за пределы своего «Я») происходят существенные изменения в ценностно-смысловой сфере личности, начинают действовать механизмы сверхсознания. Здесь человек испытывает дистанцированность от других людей, погружается в собственное интеллектуальное переживание. Уединение становится сродни самотворчеству, выступает как необходимое условие для «труда души». «Секрет писательства заключается в вечной и невольной музыке в душе», — пишет В.В.Розанов [15], В.В.Кандинский ищет «душевные законы» искусства, а Б.Шергин призывает «расправить крылья» души. Душа неопределима статично, но только процессуально. По определению В.В.Розанова, «душа есть страсть», страсть «наслаждения миром» [15].

В этом аспекте мы можем вспомнить мысль А.Маслоу о творческом состоянии одиночества и что одиночество является одним из отличительных признаков самоактуализирующейся личности. Человек в таком состоянии представляет собой своеобразный телесно-духовный континуум. Он осмысливает себя метафизически.

В творческом состоянии человек может привносить трансцендентный смысл во внешнюю реальность, и может извлекать его оттуда.

Наше понимание творческого акта как расширенного состояния сознания имеет несколько значимых аргументов:

– Эго перестает быть «кожным». Личность не идентифицирует себя только тем, что находится под кожей, она расширяет свои границы, растворяется в знаковых системах (научное, литератур-

ное, поэтическое творчество), в других людях (коммуникативное взаимодействие — «упоевание общением»), в природе (в эстетическом восприятии, медитации, экстремальных видах спорта), технических объектах (гонщика с автомобилем, токаря со станком, программиста с компьютером и др.).

– Личность становится частью действующей системы, большей, чем его индивидуальное «Я». За счет интроецирования деятельностной среды, пространства ее реализации, само Эго становится «расширенным» в аспекте идентичности.

– Возникает интеграция всех языков сознания (ощущения, эмоций, образов, символов, знаков) и чувственного отражения опредмеченной реальности в мышлении личности, синтетические способы познания и интерпретации мира, при которых задействованы всевозможные виды чувственно-логического опыта.

– В творческом акте человек действует как источник своих сущностных сил. К.С.Станиславский замечал: «Творчество требует полной сосредоточенности всего организма — целиком» [17]. Осваиваемая и порождаемая деятельностная среда предстает как адекватное, истинное отражение глубинных интенций личности, его потенциальности. Человек существует в опредмеченной деятельностной среде как Демиург, создатель, который и творит ее, и отображает себя в ней наиболее полно и целостно.

– Творчество дает возможность проявить ресурс витальности человека, его энергии, жизненных сил. Не только воодушевление, прилив сил ассоциированы с творческим процессом, но и возможность почти невероятной интенсивности усилий в длительное время: без пищи, без сна, без отдыха.

2. Трансценденция времени. Мы еще в начале 90-х годах эксперименталь-

но доказали искажение восприятия времени в расширенных состояниях сознания. Вне сомнения, такого рода искажения существуют и в «потоке». В творческом состоянии сознания человек теряет адекватное чувство времени. В основном возникает феномен искажения временных промежутков в сторону их сокращения (час как несколько минут, день как час) или возникает аутизация такого уровня, когда восприятие времени полностью исчезает и личность «обнаруживает себя» во временном промежутке — «уже утро оказывается».

Искажение восприятия времени связано с аутизацией сенсорных систем (в том числе кинестетической и слуховой, которые играют самую важную роль при точном различении промежутков времени). Феномен также связан с подавлением таких психофизиологических механизмов восприятия времени, каковыми являются разноуровневые биологические ритмы, связанные с удовлетворением биологических потребностей.

Человек «забывает» не только привычно дышать с характерным личностным паттерном, переходя на биологическое (животное) связанное дыхание.

У человека меняется режим питания. Часто в творческом процессе человек «постится», «забывая» покушать, может длительное время не пить, меняется ритм удовлетворения выделительных функций.

Трансценденция времени, искажение базовых его переменных (длительность, скорость протекания и последовательность) в эвристическом потоке обусловлен, таким образом, психофизиологическими механизмами. Но нам бы хотелось сделать некоторые дополнения, которые продиктованы нашим исследовательским опытом:

а) Искажение восприятия длительности временных периодов существенно зависит от «поглощенности» деятельно-

стью. Интеграция мира, который находится в человеке (психосемантический предметный мир), и мира, в котором находится и действует человек (предметная физическая среда) в творческом процессе приводит к ситуации, когда привычные способы картирования времени подавляются. Это подавление привычных механизмов структурирования времени приводит к искажению его восприятия.

б) В творческом акте нивелируется граница между объектом и субъектом, между тем, что есть (предметная среда) и тем, что есть для субъекта (индивидуальное психосемантическое пространство). Творчество происходит в полном присутствии в «здесь и сейчас», растворении личности в происходящем процессе. Это некий аналог архаического восприятия реальности (презентизм первобытного мышления), когда мир распаковывается в ежесекундном присутствии. «Между секундами есть брешь, которая называется вечностью» (Козлов, 1993). В творческом процессе происходит некое «выпадение» из континуума линейного времени: из привычного «прошлое-настоящее-будущее» в полное присутствие «в здесь и сейчас» — без всего, что было, и без всего, что будет. Пиковые творческие состояния открывают врата вечности. У меня есть подозрение: творчество особо притягательно тем, что дает вкусить нектар бессмертия.

в) Третьим дополнительным истоком трансценденции времени являются особые эмоциональные состояния, которые возникают в ходе творческой деятельности. «Душой исполненный полет», как Пушкин описывал творческий процесс, сопровождается чрезвычайно неординарными эмоциями. Б.Л.Пастернак говорил о «радости, получаемой от жизни», «счастье существования».

Чувства многообразны: эстетический восторг, мистический экстаз или инстаз, трепет, таинственность, чувство парения

души, ликования, наслаждения процессом деятельности, изумления-умиления открытием, упоения действием, радости бытия.

Чувство упоения следует отличать от чувства удовольствия, которое также может приносить процесс деятельности. Удовольствие можно испытывать без приложения каких-либо усилий, поэтому оно не ведет к росту и развитию личности. Чувство же упоения не может возникнуть без полной отдачи сил.

Ресурсное состояние сознания имеет непостижимое величие эмоционального состояния. Само понятие наслаждения не настолько точно раскрывает содержание состояния. Мы можем, наверно, выделить две возможные версии эмоциональных паттернов, сопровождающих «поток»:

– творческий экстаз, который связан с сильным возбуждением, часто безудержной энергией и восторгом, неуправляемостью, мощными эмоциями, граничащими с безумием и социальной неадекватностью (аналог религиозного экстаза);

– инстаз — более дисциплинированное, систематическое и потому сохраняющееся во внутреннем сознании. В ресурсном состоянии сознания мы всегда можем дифференцировать мыслящего субъекта, мышление как процесс и мыслимое как содержание деятельности. Когда эти три составляющие сливаются друг с другом и растворяются в единстве — это и есть ресурсное состояние сознания.

Инстаз мы бы обозначили как *глубокую медитацию на истину*. А в эмоциональном состоянии — это тихое умирание-восторг-радость и созерцательность.

Поэтическое «Счастливые часов не наблюдают» является точным описанием влияния эмоционального состояния на восприятие времени в творческом процессе.

3. Трансценденция пространства — индифферентное отношение к качественным характеристикам пространства, их трансформация или полная отрешенность от этих качеств.

Основным механизмом возникновения этого феномена является трансформация объективного пространства среды в субъективный предметный мир личности.

Мы можем рассматривать этот феномен в трех аспектах:

Во-первых — индифферентность по отношению к физическим характеристикам пространства. В творческом состоянии сознания личность перестает замечать такие важные параметры как эстетические характеристики (красиво-безобразно) и все образные переменные, которые находятся за пределами деятельностной активности, звукошумовые характеристики (человек как бы перестает слышать), температурные (тепло-холодно), обонятельные, вкусовые и даже степень удобства (комфорт-дискомфорт, удобно-неудобно).

Во-вторых, трансценденция социальных характеристик пространства: теряется половая (мужчина-женщина), интеллектуальная (умный-глупый), эстетическая (красота-безобразность), социально-иерархическая (крупный начальник-подчиненный, богатый-бедный) значимость других людей. Во многих смыслах человек становится полнезависимым, не ориентированным на суждения и отношения окружающих.

Состояние и стратегия по отношению к другим (другому) великолепно описано в стихотворении А.С.Пушкина «Поэту».

*Поэт! Не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,*

*Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.
Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуй плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.*

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;

Всех строже оценить умеешь ты свой труд.

Ты им доволен ли, взыскательный художник?

*Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,*

И в детской резвости колеблет твой треножник.

В-третьих, происходит сужение стимульного поля восприятия пространства до значимых, референтных, обеспечивающих деятельность переменных.

Трансформация качеств пространства может сводиться к антропоморфизации природных объектов и вещей. Известно, что человек может воспринимать свойства того или иного объекта как со стороны самого объекта («космический холод»), так и со стороны субъекта («холодок между лопатками»).

Человек способен перевоплотиться в неодушевленный предмет, видеть его как бы «изнутри», вступать в «диалог с вещами», истолковывать их поведение с точки зрения человеческих мотивов. Иначе говоря, сознание человека спонтанно стремится к одухотворению, анимации всех объектов, с которыми он контактирует.

Он наделяет животных и растения, неодушевленные предметы и отвлеченные (высокоабстрактные) понятия человеческими свойствами — сознанием, мыслями, чувствами, волей (антропоморфизм). Так, скрипач олицетворяет (персонифицирует) свою скрипку, программист — компьютер, плотник — топор, водитель — машину. Средневеко-

вые рыцари одушевляли свой меч, моряки парусного флота — корабль. Существует религиозная персонификация мира (пантеизм, абсолютная идея, Бог, Универсум, Мировая Воля, Брахман, Высший Разум).

Феномен антропоморфизации природы и вещей, созданных человеком (рукотворный мир, или «вторая природа») как партнеров по «общению», имеет, видимо, глубокие корни в человеческой психике. Сами способы восприятия и действия с предметами внешнего (добавим — и внутреннего) мира включают в себя «позицию партнера» по общению. Их можно рассматривать как трансрациональные протофеномены сознания человека, позволяющие ему осуществлять с природой «a livre ouvert», что в переводе с французского означает — действовать без подготовки, «читать по раскрытой книге», «петь с листа».

Человек выступает в функции трансцендентного субъекта, которому истина дана «как на ладони», и он действует «как по нотам», записанным в партитуре природы. В этом аспекте мы очень много писали об «изначальном состоянии сознания», при котором личность теряет свою субъектность и «растворяется в одухотворенном космосе» (Козлов, 1999).

4. Трансперсональность — в результате трансцендирования Эго происходит замещение этого смыслового пространства идентификаций надличностной феноменологией. У человека, на фоне трансценденции Эго, возникает состояние Боговдохновенности Демиурга: «Мысли льются», «Идеи падают с небес», «Открывается Канал», «Бог творит»...

Творчество происходит. Не человек, не личность творит, а через человека происходит творчество. И этот процесс не только озарен таинством, мистерией творчества, но и наполнен переживанием реализации своей миссии, высшего

смысла бытия в мире, исполнением предназначения.

Ресурсное состояние жестко ассоциировано переживанием функции трансцендентного субъекта, которому истина дана «как на ладони» и мир открыт и сущностно понятен. Но при этом не по твоей воле, а по «Его». Если творчество происходит, то оно «боговдохновенно», ты, твое сознание, твое Эго просто являются инструментом проявления и раскрытия истины жизни.

Мы предельно хорошо понимаем, что термины, которые здесь употребляются, весьма ненаучны. Но нужно понимать, что само творчество часто проживается как мистическое состояние, которое ты «заслужил», «достиг», которое с тобой «случилось».

Как мы уже указывали выше, ресурсное состояние сознания — это экстатическое или инстатическое состояние, «захватывающее» человека. В этом состоянии доминирует мотивационно-эмоциональная сфера мышления, а не рационально-логический интеллект и доминирует духовность как направленность к высшим силам личности.

Самосознание человека релевантно ощущению демиурга. В процессе творения не столько человек создает те или иные идеи, образы, лингвокреативные (языкотворческие) символы и знаки, сколько продуктивные идеи «создают» человека — в их власти находятся увлеченные своими действиями люди. Действующая личность раскрывается как «*causa sui*» (причина себя). Так, личность со-творяет себя и «о-творяет» (открывает другому) — в моментах выхода за границы себя (в межличностное пространство) и своих возможностей (знаний, умений, способностей), представленности себя в других людях (бытие человека в другом человеке) и воспроизводстве другого человека в себе.

Подлинный смысл ресурсных состояний сознания — это не столько погружение вглубь бесконечного антропокосмического для того, чтобы найти для себя нечто новое, сколько постижение глубины конечного «Я», чтобы найти неисчерпаемое и обрести духовное измерение бытия.

Человек на этом пути «взращивает» в себе не только Субъекта Деятельности, но и Субъекта Мира. В любом случае происходит глубокое постижение мира, самого себя и преобразование-обогащение сознания человека. Это и есть блаженство человеческой деятельности. Вообще говоря, это и есть Деятельность Человека.

Творческое состояние сознания связано с рождением всего нового и прекрасного в мире и в самом человеке, в выходе за пределы известного, за границы предустановленного, простирании субъекта в новые пространства знаний, способностей, умений, трансперсональных переживаний.

5. Апрагматичность — непрактичность, бессеребрность, немонетарность творческих состояний сознания, их ориентированность на процесс выполнения деятельности, а не на результат.

Для ресурсного состояния истинно и ценно лишь то, что происходит в процессе выполнения деятельности, какими состояниями он наполнен, а не практическая действенность цели и результата. Более того — часто к нарисованной картине художник теряет всякий интерес, а писатель к написанной книге, хотя в них вложено неимоверное количество энергии, жизни и времени. Часто творцу не так важно, как повлияет эвристический процесс на общественную и индивидуальную жизни. Явные практические плоды, на мой взгляд, чужды ресурсным состояниям сознания. Само творчество и является манной небесной.

Настоящее творчество ни купить, ни продать невозможно.

Творец и не променяет творчество ни на какие блага в мире.

Творчество, те психические состояния, которые сопряжены с ним, являются самым высокой наградой для человека в мире.

Кто был уже награжден — это знает.

Итак, феноменология творчества как процесса и состояния сознания, показывает нам, что люди, которые переживают это состояние, оказываются целиком поглощены своим занятием.

Они испытывают глубокое удовлетворение от того, что они делают — и это чувство приносит сам процесс деятельности, а не его результат.

Они забывают личные проблемы, видят свою компетентность, обретают опыт полного управления ситуацией.

Они переживают чувство гармонии с окружением, «расширения» себя, их навыки и способности развиваются, личность растет.

Насколько эти элементы опыта присутствуют, настолько субъект получает наслаждение от своей деятельности и перестает беспокоиться о внешней оценке, становится полнезависимым, свободным — «имеет наглость быть».

Естественно, что такой опыт является оптимальным для человека.

Он позволяет упорядочить случайный поток жизни субъекта, дает базовое чувство опоры: в каждый данный момент субъект может сконцентрировать все свое внимание на осознанно выбранной деятельности.

Он позволяет пережить свою глубинную миссию, судьбоносное предназначение, мгновенно забыть то, что его разрушало и было сиюминутным, наносным — грязной пеной на волнах жизни.

И самое важное — в ресурсном состоянии сознания человек «творит себя» — не только «образовывается» (то есть

приобретает знания, умения, навыки), но и сам «образует мир»: создает свое понимание, свое видение мира, проектирует и строит собственную жизнь, решает, куда ему идти, о чем думать, с кем взаимодействовать и общаться.

Печаль творчества

Убил комара, который долго бил крыльями оконное стекло. Солнечное утро и через форточку густо пахнет весной. Он забыл, что пища со свежей утренней кровью сидит рядом и можно было бы не жаждать света и простора, а тихо сидеть в теплой душной комнате и иногда сыто посасывать соки моего большого тела...

Комар мне напомнил человека, потерявшего творческий поток и жаждущего его.

1. Тоска по творчеству

Трагизм творчества в сокрушительной силе эмоций, связанных с потерей возможности творить.

Реакция на потерю отличается по силе и продолжительности переживаний.

И, когда интенсивность шоковая, потеря грозит смертью или безумием, но всегда тоской.

Потеря возможности творить нарушает нормальный жизненный цикл и привычное состояние баланса не только с окружающей средой, но и с собой. Потеря творчества является травмирующим событием, которое может быть как внешним ударом, так и внутренним, все более усиливающим напряжение. Потеря способности творить может быть единственным катастрофическим происшествием (потеря слуха у музыканта) или серией небольших неудач, которые обладают кумулятивным эффектом (невостребованность серии картин у художника, научных статей ученого, проектов изобретателя...).

Тоска по творчеству загоняет человека в уязвимое психоэмоциональное состояние, раздражительность, тревогу, усиливает напряжение и беспокойство.

Тщетное усилие вновь достичь творческого потока проходит несколько стадий.

1) В начале предпринимается попытка использовать собственные привычные методы решения проблемы. Для некоторых это кофе, «длинная сигарета», для кого-то прогулка по лесу, уборка рабочего места. В основном для любого творческого человека есть некий ритуал как внутренняя настройка на «поток творчества», проявленный вовне как последовательность действий.

2) Когда это не помогает и беспокойство усиливается, то мобилизуются ранее не использовавшиеся резервные методы и стратегии преодоления. На этой стадии деятельность, ассоциированная с творческой энергией, как бы «откладывается». Личность предпринимает действия, которые уже не связаны с содержанием эвристического проявления (разобраться с бумагами, сходить к другу в гости, съездить на дачу). На поведенческом уровне мы можем предположить, что человек отвлекается от творческой задачи и отступает от намерения вновь пережить «парящей души мгновение». Но ситуация внутренне связана с озабоченностью содержаниями творческой деятельности, сознание (где бы ни гуляло, что бы ни делало тело) сфокусировано на отсутствии творчества. В обыденности это описывается как «душа не на месте»: беспокойство, тревога, тоска нарастают.

3) Если резервные стратегии не могут помочь в инициации творческого состояния потока, напряжение продолжает возрастать до предела. В этот момент какой-нибудь катализирующий фактор (слово, взгляд, запертая дверь к соседу) может стать «последней каплей», приводящей личность в состояние мощного

духовного кризиса, сопровождающегося личностной дезорганизацией и прекращением сопротивления.

Для человека, который вкусил творчество, потеря его возможности является особым духовным кризисом, создающим угрозу базовым экзистенциальным потребностям, личностной автономии и благополучию. Тоска сопровождается чувством потери себя, своих наиболее важных атрибутов, способностей, лишает возможности самореализации и опоры. Кризис ставит задачу выживания личности, роста и совершенствования.

К большому сожалению, зов этого кризиса личность редко слышит как приглашение к духовному самосовершенствованию. Как показывает исследовательский опыт, обычно личность выбирает другие пути:

А) **Пресная жизнь.** Личность постепенно восстанавливается до достижения состояния равновесия без потуг творческого созидания. Человек выбирает стадную жизнь «как все», соглашаясь с идеями, что он «уже все сделал, что мог», «уже все написано и сказано», «зачем мучаться, хоть поживу как люди»...

Б) **Смерть и рождение.** Личность принимает вызов кризиса и решает его чашу испить до дна. Человек выбирает усиливающееся состояние беспокойства, тоски, непонимания, «потери себя», усиление изначального ощущения депрессии, депривации и скорби. И, брошенный судьбой, проживающий ложь жизни, абсурд существования, дно отчаяния, покинутый правдой и Богом, он превозмогает боль и свой вой в ужасе ночи на кладбище надежд.

Он превозмогает глухие уши людей, судьбы и неба.

И затем — пробуждение надежды и ожидания, новых сил, свежих соков жизни.

В этих муках смерти и одиночества рождается Демиург, сильный духом, тво-

рящий до последнего выдоха и сохраняющий потенциальность творца.

В) Безумие. Когда личность не может справиться с шоковой интенсивностью захлестнувших эмоций, высока вероятность наступления патологии сознания.

Это может быть помрачение сознания, когда человек теряет связь не только со своим Эго, но и с пространственно-временными характеристиками внешней реальности. Возможно притупление эмоций или крайний аутизм...

Также возможно творческое галлюцинаторное замещение реальности. Человек может стать Богом, творящим космос и все существующее, бредить гениальными стихами, великими научными открытиями, писать книги, по сравнению с которыми премудрости Эклизиаста просто глупость, создавать новую философию жизни...

Галлюцинации могут также иметь параноидальный характер, когда «враги» не дают работать, «кругом заговор», «порчу наслали»...

Базовых реакций у личности не так и много:

- Девальвация контакта с миром;
- Убегание в «иную» творческую реальность;
- Борьба в бредовой симптоматике.

Г) Самосожжение. Эта реакция на потерю творчества в основном встречается у мужчин, для которых она ассоциируется с девальвацией смысла жизни. Возникает классическое аутоагрессивное поведение. Чувство неприкаянности, отчуждения, апатия, неверие в личные перспективы, снижение творческой и витальной активности в результате потери ресурсного состояния сознания приводит к замещающему поведению, к деструктивным суррогатным переживаниям. Суррогатные переживания «прилива творческой энергии» касаются измененных состояний сознания, которые индуцируются в основном алкоголем, нарко-

тиками, лудоманией, экстагическими переживаниями от участия в тоталитарных сектах.

Замещение вполне оправдано феноменологически, так как приводит к состояниям трансценденции времени, пространства, Эго, истым трансперсональным переживаниям, апрагматичным по характеру.

Как правило, самосожжение является процессуальным, растянутым во времени заклинанием Эго, актом самоуничтожения.

В истории мы знаем множество случаев, когда творческие люди «сгорали» в алкоголе. Это не только известные для нашего поколения Владимир Высоцкий, Джо Дассен и Борис Ельцин. Это десятки тысяч поэтов и писателей, художников и ученых, спортсменов с мировым именем и певцов, политических лидеров и бизнесменов.

Если мы проанализируем действие алкоголя, наркотиков, игровой зависимости, курения табака, то найдем множество состояний, которые напоминают состояние потока.

Д) Суицид. Смерть является быстрым и решающим способом разрешения кризиса потери творчества. Пессимизм в представлении будущего, безнадежность, чувства малоценности и ненужности, брошенности, отверженности и собственной бесполезности приводят к суициду. Суицид — это следствие огромной дыры в структуре Эго, которая образована невозможностью творить. Суицидальный кризис возникает при невозможности преодоления препятствия в достижении жизненно важной цели (творческого состояния) способами, сформированными на основе предыдущего индивидуального опыта.

На уровне феноменологии кризис потери творчества нами определяется как острое эмоциональное состояние, характеризующееся психическим напряжением, тревогой, нарушением когнитивной

и поведенческой активности. Оно характеризуется сильными отрицательными эмоциями, чувством неопределенности, беспокойства, тревогой, вплоть до дезорганизации, фиксации на абсурде жизни вне творения, переживаниями собственной несостоятельности, беспомощности, одиночества, безнадежности, а также пессимистической оценкой собственной личности, актуальной ситуации и будущего, выраженной затруднениями в планировании деятельности. Личность теряет энергию, общую витальность. Уменьшается коммуникативность, личность теряет социальные связи.

Именно высшая степень дезинтеграции приводит к суицидным намерениям и к смерти.

И абсурд бытия вне творчества приглашает разрушительную и всепожирающую энергию бога смерти Танатоса.

Творец не боится смерти, а боится тварной жизни.

Для него смерть — это выбор и его бессознательное стремление к духовному перерождению.

Священный зов, инвокация смерти, — это последний сакральный ритуал, выражение предельной и последней свободы Творца.

2. Забвение себя

В радостях творчества мы обозначали трансценденцию Эго, когда в эвристическом акте личность как бы исчезает, теряется «чувство себя», «Я-ковость», самосознание и самоидентичность.

Мы правильно отметили, что творчество — это забывание себя, некое заклание, жертвоприношение «Я».

В результате трансцендирования (выхода за пределы своего «Я») в творческой деятельности происходят существенные изменения в ценностно-смысловой сфере личности, начинают действовать механизмы сверхсознания, и вроде бы мы должны только поощрять это.

Но в этот момент происходит социальная аутизация личности, дистанцированность от других людей и, как следствие, — отгороженность от реальности, безразличное и индифферентное отношение даже к значимым другим. Личность погружается в собственное нарциссическое интеллектуально-эмоциональное переживание, в котором нет места отношениям к другим и взаимодействию с другими.

Это уединение направлено на самотворчество.

Творчество всегда выражение предельного эгоизма.

И как всякий эгоизм, он морально индифферентен по отношению к социальному окружению.

Ницшеанское «Творящие — будьте тверды» является намеком на ту социальную репрессию, которая всегда возникает как реакция на свободу эвристической личности от тварного стада.

То, что в творческом акте человек действует как источник своих сущностных сил и отображает себя в нем наиболее полно и целостно, является эволюционно целесообразным для развития человеческой цивилизации, так как способствует преумножению многообразия.

Одновременно, это многообразие таит в себе не только опасность «быть не как все», «социальным идиотом», но и стать отверженным.

Человеческое сообщество редко смотрит на Демиурга как на эволюционный потенциал.

Оно видит правду, насколько творящий поглощен собой и нивелирует отношения, интересы, мотивы, ценности и чувства других.

Творящий роет себе яму социальной неприязни.

В конце концов, он и находит себя на дне этой ямы забвения в одиночестве, непонятости и презрении.

И, на мой взгляд, это не такая дорогая цена за наслаждение творческим потоком.

3. Проглоченный вечностью

Забывание, забвение, трансценденция Эго связано, как мы уже указывали выше, с искажением восприятия времени в расширенных состояниях сознания.

Пиковым является «выпадение» из континуума линейного времени, из привычного «прошлое-настоящее-будущее» в полное присутствие «здесь и сейчас» — без всего, что было, и без всего, что будет.

Может быть, глубокая регрессия личности за счет «растворения в деятельности» по аналогии с инфантильной захваченностью игрой в детском возрасте погружает человека в переживание вечности.

Может быть, идентификация с творческим аспектом Шивы, Бога, Демиурга, посвящает личность в архаическую глубину социального бессознательного, давая вкусить нектар бессмертия над линейным потоком времени.

Вне сомнения, это роскошное переживание, проявляющее глобальную интенцию человека к свободе и власти над временем.

Но потеря адекватного чувства времени грозит многими материальными и социальными последствиями.

Подавление биологических ритмов, связанных с удовлетворением биологических потребностей, приводит к нарушению регулярности в питании, питье, сексе. Фрустрация потребностей приводит не только к физическому истощению, но и нервно-психическим расстройствам. Этому также способствует фактор нарушения режима труда и отдыха. Человек, захваченный творчеством, плохо засыпает от перевозбуждения, не спит по ночам, выбывает из общего социального ритма труда и отдыха.

Сам отдых лишается смысла. Человеку начинает казаться, что он «зря тратит время», «впустую проводит время», часто сам отдых вызывает напряжение, ощущение абсурдности происходящего...

Захваченность процессом деятельности в расширенном состоянии сознания приводит к социальным последствиям не только косвенно. Личность теряет пунктуальность, везде опаздывает, иногда перестает ходить на работу, пропускает даже очень важные для социального выживания контакты с референтными лицами. Это кардинально меняет установки к человеку даже в ближайшем окружении. Он становится «ненадежным».

Особые эмоциональные состояния, которые возникают в ходе творческой деятельности: эстетический восторг, мистический экстаз или инстаз, трепет, таинственность, чувство парения души, ликования, наслаждения процессом деятельности, изумления-умиления открытием, упоения действием, радости бытия хотя и очень важны для самой личности, но обладают деструктивным характером. Люди начинают воспринимать творящего как эмоционально неадекватного — «не от мира сего», «блаженно-го», «без царя в голове». Их захваченность эмоциями особого свойства приводит к тому психологическому феномену, который обозначается как «эмоциональная аутичность», сильно способствующая социальной дезадаптации. Распространенное выражение «смех без причины — признак дурачины» напрямую переносится на творца, вызывая злорадство и презрение стада. Особенно это явно, когда человек находится в творческом экстазе, сильно возбужден безудержной энергией и восторгом, неуправляем, его состояние граничит с безумием и социальной неадекватностью. Ничем не лучше инстаз. Глубокая медитация на истину, тихое умиление-восторг-радость и созерцательность в

профаническом мышлении вызывают непонимание и смех.

Особо тяжелые последствия имеют феномены неадекватной оценки длительности времени. Человек может месяцами и годами заниматься творческим процессом, забывая про свое тело, людей, деньги, материальные блага, карьеру, имидж. В некотором смысле он «выпадает» из жизни. Это «выпадение» лишает человека множества «радостей смертных»: питание, секс, вещизм, удовольствие движения, общения, любовь, отцовство, наслаждение социальным успехом... Человеческая, очень человеческая жизнь проходит мимо. В процессе творчества это не очень волнует личность, но когда эвристический поток кончается и уже не приходит, и, когда человек понимает, что вечность не его удел, и жизнь коротка — вот где дно отчаяния. Самое страшное — когда ты уже не умеешь и не можешь радоваться человеческому, а демиург истощен, лира разбита, а Муза, как любая шлюха, уже давно греется в более сильных объятиях.

4. Хаос творчества: вне стен

В творчестве, как мы уже указывали выше, существует феномен трансценденции пространства, который проявляется как безразличие к характеристикам пространства и отрешенность от этих качеств: неважно, где и в каких условиях — важно только состояние вовлеченности в поток.

В этом проявляется независимость и свобода творчества от внешней среды, как физической, так и социальной.

Но одновременно эта свобода таит в себе и определенные опасности.

Во-первых — индифферентность по отношению к физическим характеристикам пространства (эстетическим, звукошумовым, температурным, обонятельным, комфорту-дискомфорту и др.), является предпосылкой не только к тому,

что человек может жить в вонючей лачуге с предельной антисанитарией, но и аутоагрессии к телу, преждевременным болезням и смерти.

Во-вторых, трансценденция социальных характеристик пространства (кто тебя окружает — мужчины или женщины, умные или глупые, красивые или безобразные, начальники или подчиненные, богатые или бедные) приводит к предельной полнезависимости как к благу для творчества. И вправду — нельзя творить, оглядываясь на суждения и отношения окружающих. Но именно свобода от других имеет огромные деструктивные последствия, обрекая человека на социальное одиночество.

В-третьих, феномен антропоморфизации природных объектов и вещей, истолкование их поведения с точки зрения человеческих мотивов, наделение их человеческими свойствами — сознанием, мыслями, чувствами, волей, только при первом приближении необычно и возбуждает обывателя. При втором приближении в этой необычности мы можем увидеть странность человека творящего, а при третьем приближении узреть психопатию...

5. Плач сверхчеловека

Творчество не бесчеловечно, как мы уже показывали выше — оно сверхчеловечно. Заклание Эго воздается сторицей — рождением Боговдохновенности Демиурга и возникновением надчеловеческого, трансперсонального, сверхчеловеческого «оно происходит» — «Мысли льются», «Идеи падают с небес», «Открывается Канал», «Бог творит»...

Сверхчеловеческий характер творчества, что не он творит, а через него происходит творчество, как мы уже писали выше, наполнено таинством, мистерией, наполнено переживанием реализации своей миссии, высшего смысла бытия в мире, исполнением предназначения.

Одновременно оно отчуждено от личности, часто цели противоречат не только целям и мотивам личности, но и интересам общества. Шопенгауэр, разговаривающий с собакой, Заратустра, вопрошающий Ахуре Мазде, Достоевский, творящий в ночи и в одиночестве — это все проявление одного закона — нет места людям рядом с творящим, со-творчество — бред, тем более коллективное творчество — все новое рождается в одиноком сверхчеловеческом сознании.

Я неправильно написал — «Плач сверхчеловека».

Плачет человек, когда не может воплотиться в сверхчеловека, теряет поток творчества.

Плачет человек, когда вдруг понимает, что истина, добытая в трансперсональном, не востребована людьми — или слишком поздно, или слишком рано, или не там и не с теми.

Плачет человек, когда видит, что во время парения в эмпиреях творчества гнездо твое семейное опустело, друзья ушли, а вахтер уже не пускает на работу.

Эх, Горький, если бы ты знал, что буря смывает и сминает все человеческое, может твой Буревестник и не кричал с высот: «Пусть сильнее грянет буря».

Не радуйся сверхчеловеческому и не зови хаос творчества.

Чтобы не остаться без крыльев, без гнезда, в пустоте и слепоте.

Не потому что не видишь, а потому что видеть не хочешь.

Ибо после того, когда ты увидел мир оком духа, глаза человеческие инструмент никудышный: скучно, блекло, пресно.

6. В дырявых носках

Непрактичность, бессеребрность творческих людей является предметом особого скепсиса и злорадства монетарного сознания обыденных людей.

Ориентированность на процесс выполнения деятельности, а не на результат, на эвристическое состояние, но не на продаваемый продукт, готовность отдать последнее ради реализации творчества, как правило, приводят к бедности.

Жены им говорят: «Почему ты ничего не делаешь».

Они как всегда правы.

Творцы редко работают на продажу и в этом смысле «ничего не делают стоящего».

Когда я вижу академика в его однокомнатной квартире, заваленной книгами, с огромной промоиной на потолке и с телевизором «Рубин» начала 80-х годов, с «мокрой» колбасой в холодильнике и кефиром непонятного возраста — понимаю, он творец. 40 лет творчества и старая «Нива» во дворе, такая же неприкрытая от непогоды, как он сам от жизненных невзгод... чуть-чуть печально.

Но чаще бывает совсем печально...

7. Вой

В мае 1978-го года я заблудился в заповеднике «Столбы», что под Красноярском.

Я был очень молод, и мне хотелось встречи с людьми, но в каждую ночь на ближайшей сопке появлялся только одинокий волк и выл на луну со смертной тоской.

Подбрасывая дрова в костер, я все время думал: «Что же ты воешь?»

И сейчас, сидя в расщелине стены у ступы Будды в Непале, я слышу этот вой с пониманием: ничего нет ужаснее одиночества в ночи.

И я слышу вой творцов.

Одинокие волки и творцы воют из одного состояния.

Ничего нет страшнее для Демиурга, чем одиночество во мраке непонимания.

И, если слышишь вой и твое сердце открыто — поддержи — словом, действием, чувством.

И, может быть, в мире станет меньше пронзительной печали.

Я заканчиваю эту статью в Непале, в завершающий день тренинга «Путешествие в Дхарму» над Покхарой, на одной из гор Аннапурны в Гималаях, у ступы Будды.

Эта ступа находится в центре между Непалом, Таиландом и Шри-Ланкой.

Я вжался в стену.

И радуюсь тому, что никого не видно и никого не слышно, город и озеро очень далеко внизу, а от поклоняющихся Будде монахов из Тибета и других стран, праздных туристов, меня защищает толстая стена.

Я в силе и я творю.

И кто-то внутри неистово молится, чтобы это продолжалось вечно.

Что может быть еще радостнее, слаще и полнее творчества.

При всей возможной печали исхода.

Литература

1. *Брушлинский А.В.* Мышление и прогнозирование. — М.: Мысль, 1979.
2. *Брушлинский А.В.* Психология мышления и проблемное обучение. — М., 1983.
3. *Буюкас Т.М.* О феномене наслаждения процессом деятельности и условиях его возникновения (по работам М.Чиксентмихали) // Вестн. МГУ. Сер. 14: Психология. 1995. Т. 2. С. 53–61.
4. *Дмитриев С.В.* Дидактические основы ценностно-смыслового и биомеханического моделирования двигательных действий спортсмена. — Нижний Новгород, 1995.
5. *Дмитриев С.В.* Магия духовного мира в двигательных действиях человека. — Нижний Новгород, 1997.
6. *Зинченко В.П.* Искусственный интеллект и парадоксы психологии // Природа. № 2. 1986.
7. *Зинченко В.П.* Психология действия. Предисловие к монографии Н.Д.Гордеевой Экспериментальная психология исполнительного действия. — М., 1995.
8. *Кант И.* Критика чистого разума. — СПб., 1993.
9. *Козлов В.В.* Психотехнологии измененных состояний сознания. Личностный рост. Методы и техники. — М.: Изд-во Института психотерапии, 2001. 384 с.
10. *Козлов В.В.* Работа с кризисной личностью. Методическое пособие. — М.: Изд-во Института психотерапии, 2003. 302 с.
11. *Козлов В.В., Майков В.В.* Трансперсональная психология: Истоки, история, современное состояние. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 603 с.
12. *Козлов В.* Теоретические и экспериментальные основы интенсивных интегративных психотехнологий в социальной психологии: Диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. — Ярославль: ЯрГУ, 1999. 336 с.
13. *Козлов В., Бубеев Ю.* Измененные состояния сознания: психология и физиология. — М., 1997. 197 с.
14. *Лосев А.Ф.* Логика символа // Философия. Мифология. Культура. — М., 1991.
15. *Розанов В.В.* Несовместимые контрасты жития. — М., 1990.
16. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. — М.: Наркомпрос РСФСР, 1940. 595 с.
17. *Станиславский К.С.* Собр. соч. в 8 т. Т. 2. — М., 1954.
18. *Флоренский П.* Отец. Воспоминания прошлых дней. — М.: Моск. рабочий, 1992. 560 с.
19. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность: экстринсивная и интринсивная мотивации // В 2 т. Т. 2. — М.: Педагогика, 1986. С. 234–248.
20. *Csikszentmihalyi, M.* (1990). Flow: The Psychology of Optimal Experience. — NY: Harper and Row. 303 p.

Клюева Н.В., Дорфман Л.Я.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНСУЛЬТАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ

Консультационная психология является относительно новой областью психологической практики, выделившейся из клинической психологии и психотерапии; пока она не имеет строго очерченных рамок, но не сводится к своим истокам и активно проникает в разнообразные сферы жизни человека и его профессиональной деятельности. Консультационная психология (КП) — это также наука, теория и область эмпирических исследований. Своеобразие КП как науки проявляется, по меньшей мере, двояким образом. Во-первых, КП присущи философский и методологический плюрализм; она развивается на основе разных исследовательских парадигм, например, позитивизма, постпозитивизма, конструктивизма-интерпретативизма, экзистенциально-феноменологической парадигмы, критико-идеологической парадигмы. Плюрализм распространяется и на методы исследования. Разные методы могут иметь разные методологические предпосылки и потому их трудно свести к каким-то общим (единым) стандартам и правилам (Ponterotto, 2005). Во-вторых, методы исследования — в самом общем виде — можно рассматривать с позиций номотетического (количественные методы) и идиографического (качественные методы) подходов. В современной КП преобладают количественные методы исследования. Однако в последние годы возрастает число работ, основанных на качественных методах; их научная состоятельность получает возрастающее признание со сторо-

ны академического научного сообщества. Ставится вопрос о том, что статус качественных методов должен быть соразмерен статусу количественных методов (Hoyt, & Bhati, 2007; Ponterotto, 2005; Wertz, 2005; Worthington, Soth-McNett, & Moreno, 2007).

Как известно, психодиагностика имеет дело по преимуществу с количественными данными и основана на психологических измерениях. Психометрика содержит требования к вопросам и тестам на предмет их валидности, надежности, достоверности, и т.п. Качественные исследования включают эмпирические процедуры, связанные с описанием и интерпретацией психологических переживаний, событий или конкретных феноменов повседневной жизни клиента. Однако они используют рефлексивные данные, применяют обыденный язык описаний, не направлены на тестирование исследовательских гипотез (Улановский, 2005). Качественные исследования отличаются от количественных исследований также тем, что не обращаются к цифрам и измерениям, не нацелены на производство выводов, характеризующих генеральную совокупность, не используют методы статистики, не направлены на обнаружение номотетических законов, и т.п. (Polkinghorne, 2005).

В связи с этим встает вопрос о своеобразии качественных методов исследования в КП в аспекте их диагностического потенциала. Creswell (1998) предложил различать пять традиций, которые приводят к применению качественных

методов различающимся образом: исследования — биографические, создающие теории, основанные на качественных данных (*grounded theory*), феноменологические, этнографические и отдельных (единичных) случаев. В статье предпринята попытка дать общий анализ феноменологическому (качественному) методу исследования в КП с точки зрения задач психодиагностики.

Основателем феноменологического метода является Эдмунд Гуссерль, продолживший гуманитарную традицию в науке Вико, Brentano, Dilthey. Гуссерль показывает, что мир конституируется, прежде всего, в сознании человека. С одной стороны, вещь в сознании имманентна, а в бытии трансцендентна. С другой стороны, ничего трансцендентного сознанию не существует. Мир сохраняет свою значимость только как феномен сознания. Сам по себе, мир сомнителен. Мир — это «мой мир», как я его представляю в своем сознании. В то же время сознание есть сознание о чем-то, отличном от самого себя. Оно находится в мире, и мир существует постольку, поскольку он является сознанию, сознание существует постольку, поскольку оно есть сознание об этом мире. Познание мира есть проникновение в его смысл и значение (Husserl, 1939/1954, 1913/1962).

Целью феноменологического исследования является раскрытие структуры того или иного переживания и смысла, который имеет для человека определенный предмет, ситуация, событие или какой-то аспект собственной жизнедеятельности. Переживание описывается так, как его ощущает сам человек (Улановский, 2005). Проблемы рассматриваются с точки зрения познающего реальность клиента, а не консультанта. В отличие от количественных исследований, например, в русле позитивизма и постпозитивизма, феноменологический (качественный) подход не предполагает

создание теорий, операционализацию переменных, тестирование гипотез, применение вероятностных вычислений для установления статистической значимости результатов. К тому же феноменологический подход предполагает скорее индуктивное, чем дедуктивное исследовательское мышление.

Феноменологический метод характеризуется следующими фундаментальными особенностями. Во-первых, единственным объектом анализа является сознание (субъективность, Я). Сознание рассматривается как бесконечный и целостный поток переживаний. Элементами потока переживаний являются феномены, которые в свою очередь распадаются на элементы, или слои: словесно-языковую оболочку, психические переживания познающего субъекта, смысл и значение выражения и познавательного переживания, полагаемый через значение предмет. Процедура выделения в потоке сознания отдельных феноменов получила название «феноменологическая редукция» (Husserl, 1939/1954).

Во-вторых, исследователь схватывает сущность переживания (его смысл, значение, структуру) интуитивно (эйдетическая редукция). Доступ к сущности переживания клиента возможен благодаря тому, что исследователь свободно варьирует своими представлениями об этом переживании. Феноменологическое исследование начинается с конкретного примера, которым клиент описывает свою проблему. Для того, чтобы «схватить» сущность проблемного для клиента феномена, исследователь представляет и варьирует этот феномен в различных направлениях и аспектах — так, чтобы выделить в нем существенные признаки и отделить их от случайных и несущественных (Husserl, 1913/1962). Это метод получения качественного знания; он дает информацию о том, что есть существенное в изучаемом феномене.

В-третьих, феноменологический метод включает интенциональный анализ. С точки зрения интенциональности сознание есть сознание чего-то, сознание направлено не на сами акты сознания, а на подразумеваемые в этих актах предметы: в восприятии нечто воспринимают, в суждении о чем-то судят, при радости — нечто радуется. Интенциональный анализ позволяет получать знание о человеческих ситуациях, их значениях и смыслах, а также о порождающих их процессах. Предметом интенционального анализа является ситуация — в том виде, в котором ее переживает клиент, то есть ситуация с включенными в нее разнообразными значениями и смыслами. Значимая для клиента ситуация переживается вновь и подвергается рефлексии в формах, доступных для восприятия исследователя (Husserl, 1939/1954, 1913/1962).

В-четвертых, в силу фундаментальной природы интенциональности, анализ ментальной жизни клиента не изолируется и не замыкается только на нем, а приобретает радикально контекстуальный и экологический характер. Поэтому центральной темой феноменологического анализа является жизненный мир клиента — его собственный повседневный мир, переживания, смысл, значения и субъективность в тех или иных социальных и социально-психологических контекстах (см.: Wertz, 2005). Центральное место в феноменологическом анализе занимает смысл. Его отличают от всех видов психических переживаний, ему предшествующих, за ним следующих и с ним связанных. Смысл представляет собой интенциональный инвариант, в то время как сопровождающие его психические явления множественны, изменчивы, индивидуальны.

В-пятых, основной метод обнаружения сущности и структуры сознания клиента есть метод «непосредственного вхо-

ждения» в поток его сознания, слияния с ним. Так познается сущность сознания и его феноменов, поскольку сущность присутствует в феноменах в форме непосредственной очевидности. Феномены — это текучее осознание, мнение, обнаружение чего-либо — как настоящее, так и преднастоящее, как вымышленное и символическое или отображенное; как наглядно или ненаглядно представляемое. Поток сознания, его феномены «переживаются», берутся так, как они даются, а не как описываются извне (см.: Семенова, 2002). Так рождается понимание.

Феноменологический метод характеризуется интересубъективностью, причем в нескольких значениях — интересубъективность жизненного мира клиента (клиент и его значимое окружение), интересубъективность клиента и консультанта. Интересубъективность заложена в структуре субъективности и говорит о факте множественности субъектов, выступает основой их общности и коммуникации. Я могу отличать себя от Другого, как и понимать Другого. В связи с этим феноменологический метод реализуется через *диалог* консультанта и клиента. Своеобразие *феноменологического* диалога (в отличие от рационализованного и логического диалога) заключается в том, что он представляет собой экзистенциальное взаимодействие, непосредственный обмен субъективными значениями и смыслами между клиентом и консультантом. Консультант приобщается к жизненному миру клиента, пытается понять особенности его существования, но не занимается оценением клиента, сопоставляя его мир с некими абстрактными истинами. Равноправие участников феноменологического диалога, взаимное уважение и принятие, со-переживание, ориентация на взаимопонимание, сотрудничество и со-развитие, налаживание отношений со-действия и со-трудниче-

ства — конституирующие характеристики феноменологического диалога.

Феноменологический диалог направлен на понимание, которое приводит в свою очередь к выяснению проблемы клиента (проблематизация) и ее рефлексии.

Феноменологическое понимание есть средство преодоления психологической дистанции между консультантом и клиентом, установка на постижение жизни клиента из нее самой, непосредственное постижение ее душевно-духовной целостности, процедура постижения или порождения смысла (феноменологическая редукция). Выработка смыслов (у клиента) предстает как работа со смыслами (клиента и консультанта). Эта работа предполагает специфическую активность сознания по вхождению в жизненный опыт и расширение (углубление) его, интуитивное проникновение одной жизни (консультанта) в другую (клиента) (эйдетическая редукция). Понимание приходит в процессе рассуждения. Рассуждение поднимается «снизу вверх» — от переживания к формулировке, открытию, знанию, к коллективным действиям. Его результатом становится понимание в форме практического знания. В таком аспекте понимание есть эвристическая познавательная процедура, дающая приращение знания. Это «знание о», как и «знание-событие», «знание для себя», «знание для людей» (интенциональность). Понимание есть также интерпретация и переинтерпретация переживания, значений и смыслов. Понимание переструктурирует бытие клиента, помогает ему обнаруживать себя по-новому благодаря открывающимся смыслам и их интерпретации (переинтерпретации) в конкретной ситуации, в практическом действии, в общении со значимыми людьми (социальный и социально-психологический контекст). Понимание и телеология в феноменологическом (ка-

чественном) методе (идиографический подход) противостоит объяснению и каузальности в количественных методах (номотетический подход) и не сводится к ним. Консультант организует и структурирует ситуацию и процесс понимания, используя, к примеру, такие приемы, как «выращивание» смыслов через повторение основной мысли, интерпретацию сказанного, использование вопросов на уточнение, углубление смысла, расширяя и углубляя поле контекста.

Феноменологическая проблематизация есть превращение того или иного феномена жизни клиента в предмет рефлексивного осмысления и рационального анализа. Имеется в виду определение того феномена (или нескольких феноменов), который может играть ключевую роль в понимании сущности проблемы клиента или сам феномен как источник проблемы (феноменологическая редукция). Ключевой для решения проблемы клиента феномен консультант постигает интуитивно в ходе диалога с клиентом, его дискурса и самоотчетов (эйдетическая редукция). Источник проблемы, которому клиент ранее не придавал значения, почти не сомневался в нем и не испытывал необходимости в его осмыслении, благодаря процедуре проблематизации, напротив, эксплицируется, становится объектом его размышлений и вводится в сферу рационального анализа. Так процедура проблематизации открывает для клиента проблему, заставляя его задаваться вопросами и переживать сомнение привычными формами существования. Это обстоятельство заставляет клиента искать новые значения и смыслы, пути новой интерпретации проблемы. «Что это значит? Что делать?» — типичные вопросы, которые возникают в результате проблематизации. Ответы на них консультант и клиент ищут и находят не в плоскости «почему» (каузальность), а в плоскости «для чего» (телео-

логичность). Так возникает интенциональный аспект проблематизации. Обычно проблема касается не только клиента, но и его значимого окружения. Так открывается значение социального и социально-психологического контекста. Консультант создает феноменологическую проблематизацию, используя определенные приемы, например, вычленение базовой идеи и чувства; расширение поля возможных смыслов, постановка вопросов такого уровня неопределенности, которые стимулировали бы «естественные» процессы расширения смыслового поля (правила майевтики).

Жизненный мир клиента — это до-рефлексивная данность. Однако этот мир поддается рефлексии. *Феноменологическая рефлексия* требует обращения сознания на себя, представляет собой внутреннее восприятие, которое обладает признаками интенциональности. *Источником* рефлексии является Я клиента, *процесс* рефлексии есть дискурс, ее *результат* — осознание, осмысление, переинтерпретация и рационализация клиентом сути проблемы и ее решения. Сознание можно понимать как состоящее из некоторого множества слоев-горизонтов. Я — это один горизонт сознания, проблема — другой горизонт сознания, осознание сути проблемы и ее решение — еще один горизонт сознания (феноменологическая редукция). Интенциональность связывает эти горизонты между собой (интенциональный анализ). Применяя феноменологическую рефлексивную рефлексию, консультант как бы приостанавливает поток сознания клиента, процесс его жизни, выводит его за пределы ситуации. «Там», за пределами ситуации, консультант помогает клиенту освободиться от непосредственной привязанности к ситуации и возвыситься над ней, иначе осуществлять им свое Я, открывать новые способы данности проблемы и ее решения, то есть консультант помо-

гает клиенту выйти в рефлексивную позицию (эйдетическая редукция). Феноменологическая рефлексия предполагает обращение сознания клиента не только на себя, но и на значимых Других, например, осознание клиентом как он воспринимается и оценивается значимыми Другими или развитие у него способности мысленно воспринимать собственные позиции Других (социальный и социально-психологический контекст).

В основе феноменологического метода лежат процедуры, которые используются и в других качественных подходах, например, регистрация признаков переживания клиента посредством текста, транскриптов разговоров, фиксации элементов невербальной коммуникации, видеосюжетов, рисунков, символов (качественное описание), анализ отчетов с выделением в нем ключевых тем, анализ материалов совместно с клиентом. Процедуры феноменологического метода включают также глубинное интервью по темам, анализ лингвистических выражений, изучение отдельных (единичных) случаев, использование метафор (нарратива, драмы, игры, мифа), интерпретацию данных в контексте.

Вместе с тем все эти процедуры приобретают специфические черты в рамках феноменологического метода. Например, феноменологическое описание касается жизненного мира клиента (субъективность, переживания, значения и смыслы), оно опирается на рефлексивные самоотчеты клиента о своих переживаниях. Глубинное интервью проводится с позиций феноменологической редукции и носит описательный характер. Феноменологическое описание носит качественный характер и не направлено ни на выдвижение гипотез, ни на их тестирование (что имеет место в количественных исследованиях). Феноменологическая интерпретация допускается, если схватываются отдельные

части в контексте более широкого целого и если возможность их феноменологического описания при этом сохраняется.

Иллюстрации из практики работы психолога-консультанта

Метод метафоры. Метод метафоры применяется в форме проективной методики и дает клиенту возможность самому проецировать реальность и по-своему интерпретировать ее. Задания адресовано не к логическим формам мышления, а непосредственно к образному его содержанию, смыслу изображения, в котором в общей слитной форме представлены и образ, и отношение к миру, и личный опыт, и переживания субъекта (отдельного человека или группы). Тематика, предлагаемая консультантом для метафорического изображения, может быть самой различной.

Метафора организации (используется в организационном консультировании) направлена на выявление образов, которые сформировались у сотрудников относительно целей, миссии, особенностей управления, взаимодействия на разных уровнях, общего эмоционального фона, места клиентов в организации, проблем, которые препятствуют ее развитию. Клиенту (группе руководителей) предлагается сделать рисунок на тему «Моя организация» (возможные темы: «Команда руководителей», «Будущее нашей фирмы», и др.). На листах формата А4 каждый рисует свой взгляд на организацию. После того, как индивидуальная работа завершена, содержание рисунков обсуждается в группе. Важно чтобы участники вовлекались в обсуждение, высказывали свое мнение о том, что с их точки зрения значит тот или иной рисунок, что в них есть общего и различного. Консультант может акцентировать внимание участников на особенностях

содержания, на процессе обсуждения, способности участников группы выйти на существенные характеристики их организации.

Скульптура организации (используется в организационном консультировании). Группе предлагается слепить скульптуру, которая символизирует настоящее или будущее организации. В качестве «материала» выступают сами участники. Консультант внимательно наблюдает за процессом создания скульптуры (кто какую позицию занимает в подготовке, какие роли проявляются, как организован процесс взаимодействия). Также важно проанализировать, какая символика скульптуры была использована для проявления сути организации. В том случае, если важно акцентировать внимание участников на взаимодействии между подразделениями или между сотрудниками, консультант в качестве вспомогательного материала дает веревки, которые будут символизировать эти связи. Внимательно наблюдая за процессом формирования организационной структуры, участники по ходу создания «продукта» имеют возможность уточнить существующие связи и найти «точки разрывов».

После выполнения задания следует стремиться получить максимум дополнительной информации вербальным путем, в ходе обсуждения. При обсуждении участники группы пытаются обнаружить смыслы в созданном продукте (материале). Консультант побуждает группу к коллективному обсуждению, свободному ассоциированию. Коллективное обсуждение позволяет увидеть неожиданные стороны казавшееся бы привычной ситуации, посмотреть на нее «новым» взглядом. Консультант может задавать вопросы, но не прямые, а косвенные, не настаивает на ответах на них, так как это может индуцировать тревогу, защитные реакции. Для консультиро-

вания важно не только зафиксировать личное состояние ситуации и того, как ее представляет группа (или отдельный клиент), но и замыслить вариант желаемого будущего. В таком случае предлагается создать метафору того, каким бы группе (клиенту) хотелось видеть себя, ситуацию, других участников.

«**Моя семья**» (используется в психологическом консультировании). Клиенту предлагается в метафорической форме представить свой взгляд на семью в виде рисунка. Если на консультацию пришла семья, то сначала каждый член семьи выполняет рисунок индивидуально, далее члены семьи рассматривают все рисунки и обсуждают их. Также семья может создать скульптуру для выражения семейных взаимоотношений между ее членами.

Хорошим методическим приемом является использование пуговиц (разных по цвету, форме и размеру) для диагностики и выявления взаимоотношений в семье. В этом варианте клиент раскладывает на столе пуговицы, каждая из которых символизирует значимых для него членов семьи. По ходу выполнения задания консультант задает уточняющие вопросы: «Кто это? С чем связано такое расположение пуговиц (членов семьи)? На самом ли деле именно это расстояние (расположение) отражает отношения между этими членами семьи? Что бы Вам хотелось изменить?»

«**Циклический тест времени**» (используется в психологическом консультировании). В целостной временной перспективе прошлое, настоящее и будущее могут быть представлены в различных соотношениях. Эта методика используется для исследования доминирующих временных ориентаций и анализа субъективной длительности временных интервалов. Помимо описания структуры временных представлений личности, эта методика выполняет так-

же функцию биографической разминки: вводит клиента в ситуацию исследования, выполняя роль «пускового толчка» для размышлений над собственной жизнью как целым. Клиенту предлагается с помощью трех кругов изобразить на бумаге свои представления о времени. Круги обозначают прошлое, настоящее и будущее. Консультант предлагает расположить эти круги так, чтобы они выражали представления клиента о взаимосвязи его *личного* прошлого, настоящего и будущего. Можно использовать круги разной величины. После выполнения задания предлагается обозначить, какой круг соответствует прошлому, какой — настоящему, какой будущему (Головаха, Кроник, 2008).

«**График жизни**» (используется в психологическом консультировании) направлен на изучение временной перспективы личности, под которой понимается «способность личности действовать в настоящем в свете предвидения сравнительно отдаленных будущих событий» (Головаха, 2000). В основе «Графика жизни» лежит методика Back and Morris (1974) (см.: Головаха, Кроник, 2008). В центре листа бумаги формата А4 располагаются две оси: ОХ — время жизни, ОУ — значимость события. Ничего, кроме этого на осях не подписано, они не делятся на отрезки. Если клиент сам в начале процедуры делит оси на равные отрезки, то целесообразно предложить ему в конце процедуры выделить периоды его жизни. Если консультант хочет выяснить, насколько клиент готов нести ответственность за происходящее с ним в жизни, быть субъектом и автором, тогда клиенту дается дополнительное задание: «Обозначьте каждое их выделенных событий, используя условные обозначения: Случайное событие, Я (событие, которое полностью зависело от моего желания, волевого усилия, поведения), Другие (событие на которое у

меня не было возможности влиять, оно было инициировано другими людьми, обстоятельствами, не зависящими от Вас»).

Феноменологический метод и его процедуры способствуют изменениям клиента. Он получает возможность осмысливать свои жизненные проблемы, совершать акты самоопределения, переопределять цели и средства своей деятельности, проблематизировать и конструировать новые методы работы. Обычно клиент находится в зависимой от психолога позиции. Клиент прислушивается к интерпретациям специалиста, но при этом может и не совершать внутреннюю работу над собой. Феноменологический метод, напротив, обращаясь к опыту повседневной жизни и проникая в область субъективности, переживаний, значений и смыслов, помогает клиенту по-новому понять и осознать, что есть для него истина и как он сам определяет свои действия.

Литература

- Головаха Е.И. Жизненные перспективы и ценностные ориентации личности. // Психология личности в трудах отечественных психологов. — СПб.: Питер, 2000. С. 63–68.
- Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. — М.: Смысл, 2008. 272 с.
- Семенова В.Н. Феноменологическая редукция // Энциклопедия «История философии» / Науч. ред. Т.Г.Румянцева, М.А.Можейко. — Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2002. С. 1128–1130.
- Улановский А.М. Феноменологический подход как качественная исследовательская методология: Автореф. канд. дисс. — М., 2005. 15 с.
- Creswell, J.W. (1998). *Qualitative inquiry and research design: Choosing among five traditions*. Thousand Oaks, CA: Sage.
- Giorgi, A. (1992). Description versus interpretation: Competing alternative strategies for qualitative research. *Journal of Phenomenological Psychology*, 23, 119–135.
- Hoyt, W.T., Bhati, K.S. (2007). Principles and practices: An empirical examination of qualitative research in the *Journal of Counseling Psychology*. *Journal of Counseling Psychology*, 54(2), 201–210.
- Husserl, E. (1954). *The crisis of European sciences and transcendental phenomenology* (D.Carr, Trans.). Evanston, IL: Northwestern University Press. (Original work published 1939).
- Husserl, E. (1962). *Ideas: General introduction to pure phenomenology* (W.R.B.Gibson, Trans.). NY: Collier Books. (Original work published 1913).
- Ponterotto, J.G. (2005). Qualitative research in counseling psychology: A primer on research paradigms and philosophy of science. *Journal of Counseling Psychology*, 52(2), 126–136.
- Polkinghorne, D.E. (2005). Language and meaning: Data collection in qualitative research. *Journal of Counseling Psychology*, 52(2), 137–145.
- Wertz, F.J. (1999). Multiple methods in psychology: Epistemological grounding and the possibility of unity. *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology*, 19, 131–166.
- Wertz, F.J. (2005). Phenomenological research methods for counseling psychology. *Journal of Counseling Psychology*, 52(2), 167–177.
- Worthington, R.L., Soth-McNett, A.M., Moreno, M.V. (2007). Multicultural counseling competencies research: A 20-year content analysis. *Journal of Counseling Psychology*, 54(4), 351–361.

Косов А.В.

СТАНОВЛЕНИЕ МИФОСОЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Классификации, используемые для описания объективно существующих социальных групп, представляют собой либо одно-, двухмерные иерархии, либо многомерные структуры, которые, в силу своей сложности не могут выступать отражением существующих в сознании людей принципов стратификации общества. Поэтому на роль классификации, репрезентирующей представления большинства, может претендовать лишь двухмерная модель.

В профильной литературе отмечается значение культурно-статусного различия для социальной стратификации. Анализ оценочных суждений (оценивались окружающие индивида люди) показывает, что в сознании людей сложились четкие представления о наиболее ярких типах, описанных и оцененных в современных мифах и формах фольклора, а в качестве наиболее важных критериев деления людей на «своих» и «чужих» выступают уровень образованности, принадлежность к тому или иному поколению и сходство/различие в ценностных ориентациях. Принадлежность к тому или иному поколению, как косвенная характеристика возраста, является, скорее, социологическим параметром, в то время как тесно связанные уровень образованности и сходство/различие в ценностных ориентациях могут быть сгруппированы в социально-психологическую характеристику принадлежности к какой-либо социальной группе, свидетельствующую об общем уровне культуры ее представителей. Зрелость индивида предполагает

его социализацию, культуру и знаковую репрезентацию («конструирование» реальности — объективной и субъективной).

В воздействии на процессы общественного структурирования сплетаются традиции и новации, ожидания и реальные факты. В определении российской стратификации становятся центральными проблемы поиска и предложения, ориентира и нормативного пути, реформаторских инициатирующих влияний, идентификационных оснований, статусных позиций и приоритетов, демонстрационного и имитационного социального имиджа. Для социальной стратификации населения современной России наиболее существенными оказываются шкалы: «материальное благополучие», включающая в себя материальную обеспеченность (советский стереотип «квартира-машина-дача»), уровень доходов, характеристику уровня власти, выражающую степень независимости субъекта от обстоятельств и способность управлять ими, а также «уровень культурного развития», приблизительно определяемый через уровень образованности. Ни тот, ни другой уровни не имеют четкого и однозначного формального выражения, и могут быть установлены на основе создания гендеров из образующих их признаков.

Люди со схожими характеристиками образуют типы, причем избранные критерии оказываются достаточно удобным средством дифференциации основных групп представленного полярного распределения:

«Элита» — финансово-промышленная, политическая¹, культурная верхушка, обладающая высоким социальным статусом, реальной властью², достатком по достоинству своей квалификации, хотя его представители не склонны афишировать свою принадлежность к этому уровню. Функциональная роль этой группы в формировании психологической структуры общества выражается в осуществлении социального влияния, реализации социальной власти.

«Интеллигенция» — компетентные специалисты, чья квалификация вознаграждается обществом не столько через материальное поощрение, сколько через признание престижа их профессиональной деятельности (инженеры, врачи, учителя, представители творческих профессий и т.п.). Функция этой категории населения в жизни общества состоит в формировании социальных норм, причем оценки всему происходящему в обществе определяются мнением большинства представителей именно этой категории.

«Новые русские» — те, чье материальное благополучие обусловлено совпадением обстоятельств и не подкреплено соответствующей квалификацией (удачливые предприниматели, административно-хозяйственные чиновники, представители теневой экономики, члены семей «элиты», не успевшие получить достаточно высокого образования и т.п.). Функция этой категории в обществе выражается в формировании моделей поведения — потребительского поведения, иерархии потребительских ценностей, паттернов «уличного» (повседневного) поведения, современного тезауруса и др. Скорость роста этого социального строя связана с общим рос-

том благосостояния и невозможностью столь же быстрого роста культурного уровня, а также с тем, что формируемые этой группой модели поведения становятся привлекательными для естественного резерва общества — молодежи.

«Социальное дно» — («пенсионеры», «беженцы», «лица БМЖ») выполняют функцию «золотого» эталона — точки социального отсчета, предела, ниже которого невозможно «упасть», причем уровень этот может изменяться, сохраняя свое эталонное значение точки отсчета шкалы социального благополучия.

«Резерв» — самая многочисленная в настоящее время группа (положение определяется преобладанием «среднего» образования и среднего уровня доходов). Сюда может быть отнесено большинство представителей сельского населения и неквалифицированных городских рабочих и служащих и, хотя для их характеристики чаще употребляется определение «рабочие и крестьяне», они не представляют собой реальную социальную группу и в общественном сознании представлены в виде диффузной «средней» массы ввиду несоразмерности их доходов и неодинаковости культурного уровня, иными словами — ввиду неопределенности их социального положения. Более интенсивно социальный резерв пополняет слой «новых русских» и «интеллигенции».

Таким образом, человек, с этой точки зрения, сам целиком предстает как артефакт, продукт культурного производства; создается обратная перспектива: люди образуют «среду», «случайный» фон, контекст общества, которое существует как система воспроизводства культуры, которая, в свою очередь, может быть рассмотрена, таким образом, как относительно автономная от индивида система трансляции коллективного опыта, поток сообщений, передающих социальную информацию, причем обще-

¹ Водолагин А.В. Экзистенциально-онтологический анализ политики // Социальная теория и современность. Вып. 9. — М., 1993.

² Водолагин А.В. Патология власти // Национальные интересы. 2004. № 5.

ство, как воспроизводящаяся коммуникация, предполагает возможность наследования *символов*, сотворенных людьми, их значений и смыслов, не только внутри сиюминутных человеческих ассоциаций, но и в социальном пространстве и времени. В этом смысле становится возможным рассмотрение процессов социальной ассимиляции, «культурного подражания» низших слоев образу жизни элиты (например!), колониального развития, устойчивого воспроизводства системы духовных паттернов в цивилизации, трансформаций в культурных феноменах российского общества.

Изучение массового социального поведения диктуется потребностями общества, так как любое общество нуждается в стабильности, а людей всегда интересуют причины социальных потрясений. При этом учитывается, что в центре внимания философии находятся социальные факторы: социальное положение, социальное пространство, экономическая и политическая ситуация, влияние СМИ и др., кроме того, философия, пользуясь статусом генерализирующей науки, нередко в построении собственных объяснительных моделей использует достижения других наук.

На сегодня существуют два подхода к объяснению массового социального поведения: конфликтологический (социальные потрясения — неизбежны, что подразумевает сама сущность социальной организации, а поскольку каждое общество содержит элементы напряжения, будут и социальные потрясения) и функционалистский (параллель между обществом и человеческим телом, социальные катаклизмы — исключение, временно нарушающее общую гармонию, социальные конфликты — болезни общества, по аналогии с заболеваниями живого организма). Тем не менее, отождествление массового социального поведения с какими-либо потрясениями методологически

неверно потому, что это, прежде всего, образ жизни и действий большого количества людей, оказывающий существенное влияние на социальную жизнь и стабильность общества. К субъектам массового социального поведения обычно относят массы, толпу, публику и отдельных индивидов, а также их микрообъединения (семью, микрогруппы и пр.).

Термин «массы» рассматривается обычно в широком и узком смыслах, причем в широком смысле, когда мы имеем дело с людьми, которых либо в силу их количества, либо равнодушия, либо сочетания обоих факторов нельзя объединить ни в какую организацию, основанную на общем интересе (политические партии³, профессиональные и иные организации). С другой стороны, массы — потенциальная сила, при определенных условиях переходящая от пассивного состояния к активному и становящаяся субъектом массового социального поведения: из статической массы толпа превращается в динамическую совокупность людей с едиными установками. В узком смысле «масса» — совокупность индивидов, составляющих многочисленную аморфную группу, не имеющих в своем большинстве прямых контактов между собой, не связанных каким-либо общим интересом, причем они более активны и более организованы, чем массы в широком смысле.

«Толпа» — контактная, внешне не организованная общность, отличающаяся высшей степенью конформизма составляющих ее индивидов, действующая крайне эмоционально и единодушно. Если масса инертна по своей сути, то толпа всегда активна и в ней наиболее явно демонстрируются социальные феномен

³ Водолагин А. В. Политическая коррупция как угроза государственной безопасности России // Румянцевские чтения. Модернизация России: торгово-экономический, правовой и социальный контекст. — М.: РГТЭУ, 2003.

огруппления мышления. Выделяют несколько разновидностей толпы: случайная (толпа, которую составляют зеваки, собравшиеся около места происшествия), экспрессивная (группа людей, объединенных какой-либо эмоцией, либо выражающая кому-либо или порицающая кого-либо), конвенциональная (группа людей, поведение которых укладывается в установленные для данных ситуаций нормы, но выходит за рамки обычного поведения), действующая (толпа, осуществляющая активные действия относительно конкретного объекта). Действующая толпа подразделяется на агрессивную, спасающуюся, стяжательную и экстаическую.

«Публика» — большая группа людей, объединенная общими интересами, находящаяся в ситуации, затрагивающей указанные интересы, причем публика появляется вместе с появлением предмета общего внимания (событие, личность, научное открытие, предмет искусства и пр.) и, в отличие от толпы, в публике возможны элементы рациональной дискуссии, критики и борьбы мнений.

Всякое общество — динамическое единство двух факторов: меньшинств (личности или группы индивидов специального достоинства, которые являются субъектами массового социального поведения постольку, поскольку их действия, формально несогласованные во времени и пространстве, ведут к серьезным социальным последствиям) и масс, так, например, решение отдельных семей по поводу того, иметь (и сколько именно) или не иметь детей, может привести к демографическому взрыву или демографической катастрофе. Если единичный поведенческие акты приняты массовый характер, приходится говорить о массовой поведенческой реакции, следовательно, и о массовом социальном поведении, причем очень важно классифицировать его виды, которые, в зависимо-

сти от масштабности и степени организации тех или иных поведенческих актов можно подразделить на социальные движения, коллективное поведение и социальные действия. Все сказанное выше чрезвычайно важно при формировании в массовом порядке определенных типов общепринятого и социально поощряемого поведения (к каковому, по нашему мнению, относится толерантное поведение) по отношению к обществу вообще, меньшинствам и частным сообществам, в частности.

Термин «мифология», чаще всего, подразумевает рассмотрение, во-первых, глобальной совокупности мифологических текстов; во-вторых — науку, изучающую возникновение, содержание, трансляцию и тиражирование мифов. Мифология является одной из символических форм строения реальности, универсальной системой гуманитарного освоения мироустройства, энергетическая и функциональная сущность. Так как миф порождается социумом и потребляется им же (таким образом изначально социален), то и процесс мифологизации/ремифологизации рассматривается нами как социальный феномен. В связи с этим необходимо рассмотрение социального расслоения носителей и потребителей мифов. Под социальной стратификацией нами (в соответствии со сложившимися понятиями) понимается характеристика структуры общества в целом, а также отдельных социальных групп, делимых на таковые в зависимости от вычленимых признаков. Социальная стратификация общества всегда целенаправленна, поэтому для эмпирических моделей картина сильно упрощается.

Так, человек, в зависимости от своего эмоционального состояния, может делить окружающих на три типа — «хорошие», «плохие» и «все остальные», причем для него она (эта модель) будет истинной и не будет требовать последо-

вательных доказательств на право существования, поскольку служит ему ориентиром при формировании установок, стереотипов, целей и норм, объяснений и оправданий событий, происходящих вокруг, имеющих и не имеющих к нему прямого отношения (хотя для всех остальных будет во многом мифологичной). Требования обоснованности выбранного критерия и полноты набора типов отходят на дальний план. Отечественная социально-философская и психологическая литература содержит немного эмпирических классификаций, хотя теоретические основы социальной стратификации имеют длительную историю и высокую степень разработанности: подробно рассмотрены критерии структурной организации общества, исследованы принципы расслоения и неравенства, описан образ жизни больших социальных общностей, плодотворно разрабатываются другие фундаментальные вопросы. Тем не менее, рабочей классификации, применимой для сегментирования населения в рамках социального мифа, с целью прогнозировать и формировать предсказуемое поведение, последовательного внедрения социальных программ пока не существует, попытки же прямого калькирования зарубежных моделей фактически не приносят результата из-за специфики культурно-исторических условий и «феноменологии» русского характера. Новые модели конструируются для получения возможности уточненной целевой адресации и адекватной подачи социального влияния (в нашем случае, через социальные мифы) влияния в связи со спецификой отражения объективных параметров действительности в массовом сознании и учетом функций, выполняемых различными группами в формировании социально-психологической структуры общества. Этот подход не преследует цели объяснения универсальности механизмов формирования

реальных социальных групп, что освобождает исследователя от необходимости привязывать эмпирическую модель к сложившимся (структуралистскому или функционалистскому) подходам, к распределению приоритетов между естественным образованием общественной структуры и подчинением структурной организации требованиям распределения функциональных ролей между разными группами. Социальная стратификация в этом случае выводится из представлений членов общества о собственной социальной идентичности и механизмов межгруппового восприятия.

Коллективное поведение — относительно стихийное и неорганизованное поведение группы людей, реагирующих на неопределенную или угрожающую ситуацию. Первые теоретические разработки данной проблемы Гюставом Лебоном⁴ относятся к концу XIX в., причем он не видел различий между массой и толпой, считая толпу основным субъектом коллективного поведения, и отмечал⁵, что поведение человека определено врожденными и приобретенными факторами, а, попадая в толпу, человек регрессирует, то есть возвращается к более ранним стадиям развития. Замечая, что скопление людей в интеллектуальном отношении ниже отдельного индивида, Г.Лебон утверждал также, что масса людей (толпа) самим фактом своего образования получает и «коллективную душу»: «В коллективной душе умственные наклонности индивидов и, следовательно, их индивидуальность, ступшеваются, а обыкновенные качества, то есть бессознательные, господствуют»⁶.

Г.Лебон сформулировал закон психического единства толпы, суть которого состояла в сведении людей к одному уров-

⁴ Лебон Г. Психология народов и масс. — СПб.: Макет, 1995. 316 с.

⁵ Лебон Г. Психологии толпы. — СПб.: Лань, 1996.

⁶ Лебон Г. Указ соч. С. 10.

ню, вследствие чего создается однородная масса и возникает так называемый «средний характер» массовых индивидов с качествами, которыми ранее они не обладали. По его мнению, масса импульсивна, изменчива и возбудима, ею почти всегда руководит бессознательное: «Индивиды толпы действуют гораздо более под влиянием спинного мозга, чем головного. В этом отношении она приближается к совершенно первобытным существам»⁷. Среди главных отличительных признаков массы (толпы) им выделены: легковерность и не критичность, податливость влиянию; властность⁸, консервативность и нетерпимость; неспособность к наблюдению («Раз индивиды находятся в толпе, то и невежда, и ученый одинаково не способны наблюдать»⁹), высокий эмоциональный накал и др. Указанные свойства образуются вследствие действия трех основных механизмов: анонимности, заражения, внушаемости:

1. Анонимность (чувство неодолимой мощи, что побуждает поддаваться подавленным влечениям и позывам: «При анонимности и безответственности масс совершенно исчезает чувство ответственности», причем каждый считает, что любые действия относятся к толпе, а не к нему лично).

2. Заражение (Г.Лебон под «заражением» понимал распространение психических состояний одних людей на других).

3. Внушаемость (механизм, направляющий поведение людей, проявляется в не критическом восприятии индивидами любых стимулов и призывов к действию и способность совершать акты, находящиеся в полном противоречии с их сознанием, характером и привычками: «Индивид, находящийся некоторое

время в лоне активной массы, впадает, вследствие излучений, исходящих из нее, в особое состояние, весьма близкое к зачарованности. Сознательная личность совершенно утеряна, воля и способность различения отсутствуют, все мысли и чувства ориентированы в направлении, указанном гипнотизером. Индивид больше не осознает своих действий»¹⁰). В связи с этим социальную философию сегодня все больше интересует проблема воли¹¹.

Людьми, по мнению Г.Лебона, овладевает неистовство и в результате взаимодействия друг с другом сила внушения резко возрастает. Коллективное поведение не соответствует определенным стандартам, но может постепенно утрачивать свою необычность и становиться привычным. Ему сопутствует ощущение приближающейся опасности, имеющего место в определенном социальном контексте (высокий уровень безработицы, низкая квалификация населения, тяжелое социально-экономическое положение и пр.). Коренными отличиями между толпой и массой служат наличие и отсутствие непосредственной близости друг к другу. Коллективное поведение, как правило, отмечается на уровне толпы, может происходить в массовом масштабе, а иногда наблюдается одновременно на обоих уровнях. Выделяются три основных типа эмоций, присущих коллективному поведению (страх, враждебность, ярость), которые с различной силой ощущаются и выражаются толпами и массами людей.

Таким образом, на коллективное поведение можно воздействовать, управлять им, причем, чем меньше логики в том, что декларируется, тем лучше. Главное в работе с массами — работа на объединение: массовые шествия (в под-

⁷ Лебон Г. Указ соч. С. 10.

⁸ Водолагин А.В. Феномен массовой власти // Социальная теория и современность. Вып. 10. — М., 1993.

⁹ Лебон Г. Указ соч. С. 10.

¹⁰ Лебон Г. Указ соч. С. 76.

¹¹ Водолагин А.В. «Последняя воля» Фридриха Ницше // Ф.Ницше. Воля к власти. — М., 1993.

держку или против чего-либо), листовки, огни — символами и ритуалами можно формировать поведение помимо логики, напрямую через подсознание, принимающее как данность любые фантазии. Победить лидера — значит победить толпу. Толпа жаждет экстаза и не прощает поражений своим вожакам, так как только возбужденная толпа легко управляема, а апатия массы является формой самозащиты, протеста. Управление коллективным поведением предполагает воздействие на его субъекты, переориентация внимания ее участников.

Социальные движения — организованные, коллективные многообразные усилия больших групп людей, способствующие или препятствующие социальным переменам, которые могут быть систематизированы в соответствии с характером перемен, к которым стремятся проводящие их в жизнь люди, так как одни движения пытаются изменить поведение своих членов, другие — изменить общество; кроме того, существуют политические, религиозные, этнические, экологические движения, движения за реформы, движения сексуальных меньшинств и пр.¹² Социальные движения могут быть классифицированы и в соответствии с их целями. По мнению Н. Смелзера¹³, все социальные движения возникают в связи с чувством недовольства заведенным порядком вещей, всегда возникающим в результате несоответствия между объективными условиями и виртуально-идеальными, которое, однако, само по себе, не является главной причиной социальных движений. Необходимо осознание несправедливости существующего положения дел, его несоответствия нормам и

ценностям общества, причем должна присутствовать уверенность в бездействии и некомпетентности властей. Кроме того, недовольство может возникнуть внезапно: в результате возросшей социальной чувствительности, а также под влиянием СМИ.

В стабильных обществах социальные движения возникают редко. Мощные социальные движения — следствие социальной дезорганизации, которая проявляется в том, что люди теряют ориентиры, в первую очередь, нравственные. По мнению Р. Мертон¹⁴, членам нестабильных изменяющихся обществ присущи следующие характеристики: 1) чувство того, что те, кто управляет государством, равнодушны к чувствам и стремлениям рядовых членов; 2) чувство того, что рядовой член общества не может достичь основных целей, провозглашаемых этим обществом, которое видится ему как непредсказуемое и беспорядочное; 3) общее ощущение тщетности и бесполезности приложения усилий; 4) убеждение в том, что невозможно рассчитывать на какую-либо поддержку со стороны данного общества.

Другим важным фактором возникновения социальных движений является социальная неудовлетворенность — общее недовольство людей условиями жизни и системой отношений в обществе, в которой выделяют три основных компонента: относительную неудовлетворенность (выражающуюся в том, что люди не удовлетворены тем, что они имеют, и тем, что они могли бы иметь, причем, чем больше разрыв между ожиданиями и возможностями их реализации, тем больше относительная неудовлетворенность), ощущение несправедливости (субъективно переживаемое чувство, свойственное любому человеку, способное вовлечь человека в социальные дви-

¹² Водолагин А. В. Концепция устойчивого развития как экополитическая утопия XX века // Васильевские чтения. Национальные традиции в торговле, экономике, политике и культуре. — М.: РГТЭУ, 2003.

¹³ Смелзер Н. Социология. — М., 1994.

¹⁴ Там же.

жения) и статусную неудовлетворенность (развивающуюся в том случае, когда кто-то один имеет несколько статусов противоречивого ранга: высокий образовательный статус и вынужденное выполнение неквалифицированной работы). Люди с устойчивой статусной неопределенностью наиболее часто ощущают неудовлетворенность.

Исследования показывают, что наличие у человека трех факторов социальной неудовлетворенности ведет к тому, что он испытывает потребность присоединиться к какому-либо социальному движению. Социальные движения могут возникать и в стабильных обществах, в которых они выливаются в культурные течения (процессы, в которых небольшие деформации медленно изменяют способы жизнедеятельности людей, но результат действия этих перемен очевиден: эмансипация, расовая сегрегация).

Необходимым условием развития социальных движений является наличие лидера. Даже самый могущественный лидер должен пользоваться поддержкой приближенных к нему людей, они и составляют руководящую группу, вокруг которой сосредоточиваются последователи. В процессе развития социальных движений требуются разные типы лидеров. Учитывая тот факт, что социальное движение проходит четыре этапа в своем развитии, каждому из них присущ свой тип лидера: этап социальных волнений (типичным является лидер-агитатор, человек, побуждающий к действиям); этап всеобщего возбуждения (необходим лидер-пророк, идейный вдохновитель, вызывающий энтузиазм у последователей); этап образования формальной организации (требуется администратор, контролирующей разделение труда, определяющий требования к членам организации); этап институционализации (необходим политический деятель, понимающий сущность политических про-

цессов, способствующий укреплению движения и достижению его целей)¹⁵. Иногда все эти качества сочетаются в одном человеке, но чаще всего на разных этапах необходимы различные лидеры, в связи с чем в социальных движениях часто наблюдается раскол, вызванный конфликтом в руководстве, при этом основоположник, как правило, концентрируется на первоначальных замыслах движения. Определенную часть участников социальных движений составляют изолированные от общества личности и группы. Чаще участвуют в социальных движениях люди, которые потеряли или могут потерять собственный статус. В результате неудачной социальной мобильности они ощущают ненависть к другим группам, что ведет к возникновению установок на насильственные действия. Рекрутированию в социальные движения способствуют утрата семьи и личная неустроенность¹⁶.

В большинстве социальных движений основная часть представлена людьми, принимающими их идеи, но стремящимися достичь с помощью этих движений своих собственных целей. Принадлежность к группе снижает чувства страха, беспомощности и изоляции, поэтому немало невротиков, неустроенных, неуравновешенных и психопатических личностей, которых привлекают не идеи, а поиски единения с себе подобными. Толерантность (терпимость) при широком толковании этого термина, и одобрение властей, как правило, способствуют исчезновению социального движения, как, впрочем, и слишком жесткое противодействие, причем необходимо учитывать, что каждое социальное

¹⁵ Водолагин А.В. Патология власти // Национальные интересы. 2004. № 5.

¹⁶ Moscovici, S. The phenomenon of social representations // Soc. Representations / Eds. R.M.Farr, S.Moscovici. — Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 3–69.

движение сопровождается контрдвижением и, если побеждает социальное движение, оно становится частью социальной структуры общества.

Социальное действие представляет собой простейшую единицу, элемент любого вида социальной деятельности, причем даже такие социальные процессы, как общественные движения, крупные конфликты, мобильность социальных слоев, состоят из отдельных действий индивидов, связанных между собой в сложные цепи и системы. Социальное действие — более значимая форма массового социального поведения, чем все остальные его формы вместе взятые. Если в социальных движениях и коллективном поведении принимают участие тысячи людей, то социальные действия совершает сознательное население планеты.

Каждый поведенческий акт, осуществляемый в социальной среде, — социальный, но не каждый социальный акт — социальное действие: поведение человека выражается либо в действии, либо в бездействии. «Действием, — писал М. Вебер, — мы называем действие человека (независимо от того, носит оно внешний или внутренний характер, сводится ли к вмешательству или терпеливому приятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный смысл. Социальным мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него»¹⁷. Таким образом, под социальным действием М. Вебер¹⁸ (который и ввел эту категорию в научный оборот) понимал действие индивида, сознательно ориентированное им на про-

шедшее, настоящее и будущее поведение других людей. Под «другими» он подразумевал как отдельных лиц (знакомых или незнакомых), так и неопределенное множество совершенно незнакомых людей. Социальным действие становится при наличии следующих условий: 1) если это сознательное действие; 2) если оно ориентировано на фактическое или возможное поведение других людей. Ориентация на поведение других выражается в ожидании возможной реакции на совершенный поступок. В отличие от поступка или поведения как совокупности поступков, которые могут быть как осознанными, так и неосознанными, социальные действия всегда являются преднамеренными. Это осмысленный комплекс поступков, предпринятых для достижения определенных целей с помощью соответствующих средств. Субъектами социальных действий могут выступать как личности, так и социальные общности, правда, не всегда можно провести четкую границу между осознанной и неосознанной ориентацией индивида; она достижима лишь в рамках теоретической конструкции. Поэтому Вебер разработал классификацию социальных действий в зависимости от степени их осознанности и рациональности, выделив четыре типа социального действия: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное и аффективное.

Целерациональное действие характеризуется ясностью и однозначностью осознания действующим индивидом своей цели, а также средств ее достижения. Рациональность действия заключается в разумности цели и обоснованности избираемых средств — это идеальный тип социального действия, представляющий собой скорее мыслительную конструкцию, чем реальный поведенческий акт. Подобный тип действия предполагает рациональный расчет действующего субъекта на реакцию окру-

¹⁷ Вебер М. Основные социологические понятия. Избранные произведения. — М., 1999. 702 с. С. 603.

¹⁸ Вебер М. Основные социологические понятия. Избранные произведения. — М., 1999. 702 с.

жающих и использование их поведения для достижения своих целей.

Ценностно-рациональное действие основано на безусловной вере в ценность данного вида поведения, независимо от того, к какому результату оно приведет, его смысл заключается не в достижении какой-либо цели, а в его собственном характере (религиозном, этическом, эстетическом, юридическом), самим фактом подобного действия утверждается абсолютность определенной ценности. Ценностно-рациональным образом действует лишь человек, который, несмотря на последствия, следует религиозным заповедям, своим представлениям о долге, чести, правах человека и пр. М.Вебер считал, что такое действие реализуется в редчайших случаях, поэтому он называл этот тип поведения «пограничным»¹⁹.

Традиционное действие целиком основывается на привычке и имеет почти полностью автоматический характер. Оно находится на границе того, что может быть названо осмысленным поведением, по существу, это привычная реакция на раздражение в русле однажды усвоенной установки, а значимость подобного типа поведения связана с тем, что к нему близка большая часть обыденного поведения людей. Аффективное действие основано на эмоциональной реакции индивида. Главное в таком действии — стремление к немедленному удовлетворению страсти, владеющей индивидом (стремление отомстить, желание снять напряжение, вожделение и т.д.) и находящейся на грани осмысленного поведения²⁰.

В основе современной классификации социальных действий лежит вебе-

ровская концепция, творчески развитая Т.Парсонсом²¹, для которого эта теория сыграла решающую роль в становлении собственных теоретических построений «системы общечеловеческого действия», включающей наряду с «системой личности», «социальной системой», также «систему культуры». Классификация Вебера была дополнена рядом других классификационных систем.

По своему содержанию социальные действия могут быть подразделены на три вида: репродуктивное действие — действие, направленное на сохранение и поддержание нормального функционирования социальной системы (объекта, института); социальное отрицание — действие, нацеленное на упразднение системы или какого-либо ее элемента (революция, геноцид, критика); социальное творчество (действие по созданию новых форм социальных отношений и развитию общественного сознания). К основным элементам структуры социального действия обычно относят цели действия, средства, условия, нормы, причем последние занимают наиболее важное место. В современной литературе распространено понимание этой категории как предела, меры допустимого — «социальная норма» определяет исторически сложившийся в данном конкретном обществе предел, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности людей, социальных групп и организаций. В отличие от естественных норм протекания физических и биологических процессов, социальные нормы складываются как результат отражения в сознании людей, а также в их поступках объективных закономерностей функционирования общества. Социальная норма может соот-

¹⁹ Вебер М. Основные социологические понятия. Избранные произведения. — М., 1999. 702 с. С. 603–604.

²⁰ Рикер П. Конфликт интерпретаций. — М., 1995. С. 17, 76–80.

²¹ Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы / Под ред. Т.Парсонса. — М.: Прогресс, 1972. 420 с.

ветствовать законам общественного развития и тогда являться «естественной». Вместе с тем она может отражать эти законы недостаточно адекватно, а порой и находиться с ними в противоречии, тогда сама норма будет аномальной, нормальными же будут отклонения от нее. Нормы, юридически закрепленные в основных документах, то есть институционализированные нормы, направлены на формирование определенного типа личности, в то же время активный элемент личности сам предъявляет определенные требования к обществу, выражая их через отношение к собственной деятельности, через различные формы социальной активности. Нормы — ограничитель реакции индивида, ставящий его в зависимость от других людей и ориентирующий на них. В социальном действии происходит переработка внешних влияний и в нем самом заложена реакция на ожидания других людей. Основными условиями социального действия являются учет и восприятие ожиданий. Каждый человек живет в мире других людей, которые ожидают от него определенных действий, определенного поведения, и каждый должен учитывать эти ожидания.

По существу весь комплекс действующих мотивов можно определить как отражение в сознании индивида объективно важных состояний действительности, определяющаяся, с одной стороны, стимулами, идущими от органических (естественных) и социальных потребностей, а с другой — осуществляющуюся под влиянием нормативного аспекта (с точки зрения допустимости). При этом человеку предоставляется возможность выбора, так, приступая к какой-либо деятельности, он может выбрать: 1) между действием и ничего неделанием; 2) способ действия, если решил действовать: — различная степень эмоциональной включенности; — выбор между личным

и общим интересом; — выбор между «достижением» и «предписанием». Кроме того, необходимо решить проблему специфичности и диффузности собственного выбора. Ценности, которыми руководствуется человек, представляют собой не только строго определенную иерархию, но и сложные системы, которые принято называть «этическими» и обычно выделяют две. Первая преобладает в тех сообществах, где большинство личностей негативно оценивают соединение добра и зла и предпочтение отдается человеку, стремящемуся к компромиссу. В тех культурных сообществах, где соединение добра и зла оценивается позитивно, и предпочтение отдается личности с бескомпромиссным поведением, преобладает вторая этическая система (выяснению доминирования той или иной этической системы у различных людей и их сообществ было посвящено исследование В.А.Лефевра²², проверявшего, в первую очередь, метаустановки (исходные, основополагающие).

Таким образом, массовое социальное поведение является плодотворной почвой для мифотворчества, так как подразумевает необходимость вычленения ориентиров-ценностей как для индивида, так и для массы. Оно — закономерное, подвластно действию определенных социальных законов и управляемо, в первую очередь, с помощью мифов как моделированной реальности. Мифы, являясь порождением ментальности различных классов и слоев общества, обслуживают свои социальные зоны, территории, ниши, и, в зависимости от культуральных особенностей среды, более или менее эффективно выполняют свою основную функцию — формируют социальную картину мира для своего носителя и потребителя.

²² Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. — М.: Сов. радио, 1973.

Момот В.А.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИХ СТРЕССОВЫХ РАССТРОЙСТВ КАК СЛЕДСТВИЕ БОЕВОЙ ПСИХИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ

В статье рассмотрены основные аспекты формирования посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР) в результате воздействия психотравмирующих факторов, обусловленных участием в боевых действиях, проанализирован мировой опыт, накопленный отечественными и зарубежными исследователями в отношении феномена ПТСР. Статья содержит также исторические сведения, позволяющие изучить «динамику» и пути становления данного понятия в мировой психиатрии, проследить, как менялись и уточнялись названия симптомокомплекса в наше время известного под названием «посттравматическое стрессовое расстройство».

Ключевые слова: психические нарушения и расстройства, посттравматический синдром, психогенные реакции, психические потери, психотравмирующие факторы.

Проблема психических нарушений и расстройств, возникающих у военнослужащих вследствие воздействия ряда психогенных факторов, обусловленных участием в боевых действиях, в наши дни приобретает особую значимость. Опыт изучения таких нарушений, накопленный в результате многочисленных исследований, проводимых в зоне вооруженных конфликтов, и на отдаленных этапах реабилитации показал, что данная проблема является актуальной как для самих участников вооруженных конфликтов, так и для лиц, оказывающих медико-психологическую помощь. Это во многом определяет приоритетность изучения особого симптомокомплекса, известного в специальной литературе (преимущественно англо-американской), и классификация психических и поведенческих расстройств, принятых в нашей стране и за рубежом (МКБ-10, DSM-IV) как синдром посттравматического стрессового расстройства (ПТСР).

В ранних публикациях, посвященных изучению данного феномена, симптоматика ПТСР обозначалась как: «железно-дорожный синдром спинного мозга»

(Erichsen F.E., 1866); «солдатское сердце», «возбужденное сердце» (J.M. Da Costa, 1871); «травматический невроз» (Oppenheim A., 1889; Даршкевич Л.О., 1916; Блейер Е., 1920; Бумке О., Шильдер П., 1928); «невроз испуга» (Крепелин Э., 1923); «невроз страха» (S.Freud, 1926); «нажитая психическая инвалидность» (Ганнушкин П.Б., 1927); «травматические неврозы войны» (Kardiner A., 1941); «посттравматическое реактивное состояние» (Гуревич М.О., 1949); «психогенные реакции военного времени» (Сухарева Г.Е., 1943, 1945); «невротическое развитие личности» (Лакосина Н.Д., 1970); «синдром напряжения» (Hamilton M., 1972); «посттравматическое развитие личности» (Ясперс К., 1996).

В публикациях военных лет встречается большое разнообразие терминов, обозначающих потери психогенного происхождения. Наиболее часто употребляемые термины уже приводились выше, вот еще некоторые из них: «психологические травмы», «психогенные болезни», «социально-психологические расстройства», «морально-психологические пораже-

ния», «психические поражения» и т.п. Подробный анализ этих и ранее употребляемых обозначений вряд ли необходим, так как имеющиеся в военной психиатрии термины и понятия являются достаточными для всестороннего описания психической травмы.

В настоящее время существует немало публикаций, указывающих на недостаточную специфичность диагноза ПТСР. Выводы исследователей часто противоречивы: одни категорически отвергают наличие у лиц, переживших психическую травму, проблем с психическим здоровьем, другие — признают наличие посттравматического синдрома практически у всех. По-видимому, такое положение обусловлено отсутствием единого унифицированного подхода к расширенному пониманию ПТСР [1, 2, 11, 14, 15]. Сегодня ПТСР все чаще трактуется как *психогенное заболевание, обусловленное военным стрессом или другими экстремальными ситуациями, событиями, способными вызвать дистресс практически у любого человека* [18].

Военный опыт показывает, что любая война, как правило, не заканчивается лишь прекращением боевых действий и заключением перемирия. О ней длительное время будут напоминать те переживания и заболевания, которые будут возникать у участников этих войн. Анализ зарубежной и отечественной литературы, позволяет проследить динамику изменений названия заболеваний, которые возникали у ветеранов после окончания военных действий, подробно и тщательно изучить историю феномена боевой психической травмы [13, 17].

Впервые описание некоторых симптомов ПТСР в современном понимании встречается в работах английского врача F.E.Erichsen, в которых он применил понятие «*железнодорожный синдром спинного мозга*» проявляющийся в форме когнитивных и психосоматических нарушений

у выживших в железнодорожной катастрофе людей. Под этим определением он подразумевал те психологические нарушения, которые возникают после железнодорожных аварий, и объяснял их микротравмами спинного мозга. Данная симптоматика включает следующие нарушения: повышенную утомляемость, тревогу, нарушения памяти и сна, раздражительность, ночные кошмары, головокружение, расстройства восприятия, боль в суставах, возможные нарушения речи [19].

А.Оппенгейм считал причину психических расстройств у больных следствием нарушений в головном мозге. Таким образом, в психиатрию был введен термин «*травма*», который до этого времени использовался исключительно в хирургии. А.Оппенгейм описывает частые изменения сердечно-сосудистой системы в виде нарушенной возбудимости сердечной мышцы или сердечной иннервации, как характерные и постоянно встречающиеся симптомы травматического невроза, однако серьезные заболевания сердца при этом диагностируются только в редких случаях. Затем в 1889 г. А. Оппенгейм высказал предположение, что причиной травматического невроза является испуг и душевное потрясение, а не травматическое воздействие на мозг [22]. Автор подчеркивал, что ушиб влечет непосредственно болезненное состояние, которое не имело бы никакого значения, если бы не болезненно измененная психика, которая создала в своей ненормальной реакции на эти физические недомогания длительную болезнь (ранее автор был убежден в анатомической природе невроза).

Если рассматривать функциональные расстройства с точки зрения нарушения адаптации и регуляции организма на различных уровнях, то при наличии множества синдромов и симптомов, они весьма показательны в исследованиях заболеваний сердечно-сосудистой системы.

Корни изучения функциональных расстройств уходят в конец 19-го столетия, когда систематически этими расстройствами первоначально вынуждены были заниматься военные психиатры. В 1871 г. американский психиатр J.M. Da Costa, беря за основу наблюдения боевых действий времен гражданской войны в Америке, описал синдром «солдатского сердца» — основное внимание привлекали кардиологические симптомы: одышка, тахикардия, кардиалгия, головокружение, желудочно-кишечные расстройства. Впоследствии этот симптомокомплекс стал известен как функциональное сердечно-сосудистое заболевание, имеющее психологическую природу. В литературных данных часто фигурирует одноименный «синдром Da Costa» («возбудимое сердце»), согласно которому появлению симптомов со стороны сердечно-сосудистой системы предшествовали тяжелые физические нагрузки и нервные перенапряжения [20]. Интерес к «синдрому Da Costa» вновь проявился во время первой мировой войны — его называли «снарядным шоком» — предполагалось, что он является следствием черепно-мозговой травмы в результате артиллерийского обстрела. Термин «снарядный шок» был введен в специальную психиатрическую литературу после обнаружения данного синдрома у солдат, не участвующих в боевых действиях. В период первой мировой войны феномен получил широкое распространение, поскольку даже не физические потери, а именно эмоциональный шок «психическое оцепенение» рассматривался как достаточная причина появления синдрома. Так, например, описывает свое состояние один из солдат периода первой мировой войны: «Нам было приказано ждать и наблюдать, хотя мы находились в непосредственной опасности. Наш разум застыл, оцепенел, стал пустым и мертвым...» Такого рода расстройства характеризовались тревож-

но-фобической симптоматикой, потерей ориентировки, заторможенностью, нарушениями сна, ночными кошмарами. Ученые отмечали плохую работоспособность солдат и способность противостоять нервному перенапряжению. Они называли это состояние «*Soldier Heart*» («сердце солдата») или «*Effort syndrome*» («синдром усилия, напряжения»).

Даркшевич Л.О. описывал клинические проявления травматического невроза в период первой мировой войны, подчеркивал отсутствие какой-либо синдромальной специфичности как психических, так и функциональных нарушений в рамках болезни. Автор предложил классификацию типов травматического невроза, обозначая их как истерический, неврастенический, психастенический и смешанный варианты. При травматическом неврозе Даркшевич Л.О. выделяет следующие группы симптомов:

а) *двигательные* — в виде истерических параличей, заикания, дрожательных и судорожных гиперкинезов, изменения сухожильных рефлексов истерического или неврастенического типа;

б) *чувствительные* — представленные анестезией или гиперестезией, болями разнообразной локализации, глухотой, редко в сочетании с немотой;

в) *трофические* — мышечные атрофии, быстро развивающиеся поседение волос, сосудистые расстройства, приступы сердцебиений [7].

Широко известны также труды замечательного русского психиатра Трошина Г.Я, который в годы первой мировой войны, работая в отделении для нервнобольных воинов одного из военных госпиталей Петрограда, проанализировал весьма важную тогда проблему травматического невроза, высказал обоснованные суждения о диагностике и лечении военных травм нервной системы.

В различные периоды ведения войн (первая мировая, русско-японская войны)

психиатры различных стран и направлений подчеркивали факт преобладания астенических и депрессивных состояний наряду с аментивными и бредовыми симптомокомплексами, однако, рассматривали они данный феномен по-разному, в зависимости от преобладающего в психиатрии направления. В ходе русско-японской войны некоторые исследователи выделяли симптом неврастенического психоза, тогда как другие рассматривали его как военный отпечаток, накладывающийся на обычный психоз мирного времени [16].

В период русско-японской войны был введен термин «*военный невроз*» (*war neurosis*), то есть связанный с переживаниями во время войны. Симптоматика психических состояний этого типа сходна с таковой при травматическом неврозе: социальное одиночество, раздражительность, повторяющиеся сновидения и внезапно возникающие образы, воспроизводящие пережитые события, выраженная тревога. Основным катализатором (или стрессором) обычно выступает смертельная опасность. Подобные переживания типичны для участника боя — военнослужащий оказывается в ситуации, когда спасение и выживание представляются ему маловероятными. Другие оказываются свидетелями внезапной, непредвиденной смерти товарища, насильственного разрушения привычной среды обитания, на основании чего прогнозируют собственную близкую гибель.

С начала XX в. психиатры, кроме военной травматизации и железнодорожных аварий, рассматривали также и последствия природных катастроф и социальных потрясений. Анализируя психологические последствия революции 1905 года, русский психиатр Ф.Е.Рыбаков пришел к выводу о том, что у лиц, переживших эти события и непосредственно принимавших в них участие (особенно у «пассивно участвующих»), возникали тревога, страх, «подавленность в дейст-

виях», острый бред, расстройства сна, ночные кошмары, эмоциональные нарушения.

То есть уже в начале XX века в описание клиники психической травмы были включены практически все основные критерии, характерные для современных постстрессовых переживаний.

Психиатры различных стран по-разному понимали, подразумеваемую под понятием травматического невроза природу психических нарушений. Так, во французской психиатрии под травматическим неврозом подразумевали эмоциональные аффективно-шоковые нарушения, в немецкой психиатрии термином «травматический» обозначали только физические причины расстройств, тогда как в американской — термин «посттравматический» относили к последствиям психических травм [8, 9].

В отечественной психиатрии советского периода различными исследователями также приводятся описания психических расстройств, характерных для боевых действий. В 1927 году, вопрос о последствиях психической травматизации, связанной с переживаниями военного времени, изучался видным отечественным психиатром П.Б.Ганнушкиным, который выделил понятие «*нажитая психическая инвалидность*». Автор отмечал, что психические нарушения можно объединить в три основные группы.

1) Выраженная возбудимость и раздражительность с агрессивностью, которая выходит за границы астенической гиперестезии. Данное явление П.Б.Ганнушкин объяснял особым складом личности пациентов, определяя их как психопатические из круга эпилептоидных, или же предполагал наличие в анамнезе травм головы и особо напряженных условий жизни больных.

2) Приступы депрессии. Эта группа расстройств характеризовалась кратковременными или затяжными депрессив-

ными состояниями, которые автор объяснял как психологически понятную реакцию личности на болезнь или реакцию на имевшиеся в прошлом тяжелые психотравмирующие переживания, периодически актуализирующиеся в сознании пациентов.

3) Различные психогенные истерические расстройства, к которым автор относил различные психогенно спровоцированные истерические симптомы, появляющиеся у больных по механизмам неотреагированных ранее психотравм [4].

Следует отметить, что стрессовые явления, обусловленные участием в боевых действиях, стали предметом широкого изучения уже в ходе второй мировой войны, появился термин «*невроз военного времени*». Все описания подобных расстройств обязательно включали ряд общих элементов, наиболее полно описанных в 1941 г. американским психиатром и психоаналитиком А. Kardiner. Рассматривая проблемы агрессивности, воспитания, религии, большое внимание он уделял изучению травматических неврозов военного времени, адаптационных возможностей личностных структур и др. В своем издании «Травматические неврозы войны» А. Kardiner привел подробные клинические описания травматических неврозов, внося существенный вклад в область изучения последствий психических травм.

А. Kardiner ввел понятие «*физионевроз*», обозначая, таким образом, влияние соматического фактора с начала развития болезни. Он проводил дифференциацию между симптомокомплексами в рамках обычной реакции психики до ее измененных форм, возникающих в результате травматического события. Эта дифференциация и привела к возникновению понятия «*физионевроза*», в клинической картине которого физиологические симптомы превалировали над собственно психическими нарушениями. То, что се-

годня определяют понятием «*флэш-бэк*», он описывал как «галлюцинаторное воспроизведение ощущений в момент травматического события». С точки зрения возрастной перспективы, особенно ценным представляется его высказывание том, что предрасположенность к болезни не есть «собственно причина заболевания». По мнению А. Kardiner, травматический невроз — это состояние, пограничное между областями органической неврологической патологии, общесоматической медицины и психиатрии [21].

Настоящая история понятия «*психический стресс*» началась еще в середине сороковых годов. Решительный шаг в этом направлении сделал в 1944 году американец Р. Лазарус, обратив внимание на тот факт, что неспецифическими реакциями организма на экстремальные воздействия среды отвечает не только тело, но и психика. Уже после второй мировой войны слово стремительно входит в повседневный язык, что является свидетельством культурного признания, а затем и культурной экспансии [12].

Во время второй мировой войны появился новый аспект в понимании клиники и этиологии психотравмы. Врачи и психологи, работающие в армии США в период второй мировой войны, встречались с проблемами нарушений адаптации к службе и психическими расстройствами, возникавшими в условиях военных действий. В научной литературе появляются такие термины как «*фронтальная усталость*» и «*фронтальное истощение*».

Большое значение для популяризации концепции психического стресса имели исследования R. Grinker и J. Spiegel, которые в монографии «Человек под влиянием стресса» анализировали психические отклонения, возникавшие под влиянием длительных стрессовых ситуаций в военное время. Авторы проводят дифференциацию клинической картины наблюдаемой им тревоги от таковой при исте-

рии, неврозе, навязчивых страхах, психосоматических заболеваниях, депрессивных состояниях, приводят примеры, когда у летчиков США на определенном этапе службы в действующей армии, участия в воздушных боях развивалась тревога беспредметного характера. Развивающиеся невротические состояния содержали в себе адаптивные компоненты. По мнению авторов, это давало возможность уйти на какое-то время от ситуации угрозы без морального ущерба для чувства собственного достоинства.

Е.Кгаерелін в особую группу выделял психические расстройства, обнаруживаемые у определенной группы людей в период массовых несчастных случаев (войны, природные катаклизмы, террористические акты). Такие расстройства сопровождались явлениями помутнения сознания, спутанности мыслей, ступорозной заторможенностью, либо бессмысленным возбуждением с ретроградной психогенной амнезией, которые преимущественно происходят в остром периоде событий. В дальнейшем им было предложено понятие «невроз испуга», под которым понимались более легкие следы пережитого возбуждения (тревожность, неустойчивость настроения, повышенная эмоциональная возбудимость, чувство разбитости, ухудшение сна и пр.) и которые могли оставаться длительным период времени. Наряду с «неврозом испуга» также рассматривали и иную клиническую картину психических нарушений, возникающих не только после тяжелых психотравмирующих случаев, но и после незначительных психогенных причин. Как утверждал Е.Кгаерелін даже незначительные несчастные случаи определяют формирование постоянных, а с течением времени — усиливающихся расстройств, представляющих собой «смесь подавленности, плаксивости и слабости с неприятными ощущениями, болями и расстройствами движений» [10].

В конце 40-х годов В.А.Гиляровский предложил понятие «*тимогении*», вкладывая в него представления о патогенном начале, приводящим человека к различным клиническим состояниям, объединенным общим аффективным генезом. Автор отличал предлагаемое им понятие тимогенеза от широко распространенного понятия психогенеза. Для возникновения последнего он считал необходимым наличие не аффекта вообще как чего-то беспредметного, а аффективного переживания с конкретным интеллектуальным содержанием. Эти ценные теоретические положения о психической травме опирались на огромный и уникальный материал, который был накоплен психиатрами во время Великой Отечественной войны с ее сверхсильными психическими травмами самого различного плана [5, 6].

В 50–60 годы прошедшего столетия ученые продолжали изучать последствия психотравмирующих событий у ветеранов войны, бывших узников нацистских концлагерей, вынужденных беженцев, переживших пытки, потерю близких людей, насильственный труд и голодание. В большинстве случаев в качестве хронических последствий этих переживаний описывается страх, тревожные и депрессивные проявления в сочетании с разнообразными соматическими симптомами, личностные изменения. С середины 1960-х до начала 1970-х гг. также появилось множество сообщений и оценок последствий длительного пребывания заключенных в концентрационных лагерях [3].

В середине 60-х годов общество получило серьезный морально-психологический удар, в большей степени его испытала Америка в годы агрессии в Юго-восточной Азии, названный впоследствии «*вьетнамский синдром*». К основным его симптомам относятся хроническая тревога, беспокойство, бессонница, устрашающие сновидения. Остро стоит

проблема алкоголизации, приема наркотиков. Позднее был описан «афганский синдром», многочисленные исследования подтверждают, что психологические проблемы ветеранов Вьетнама и Афганистана значительно схожи. Сегодня уже говорят о «чеченском синдроме», также, по мнению многих ученых и политиков не придется ждать долго вспышку «иракско-го синдрома» в Соединенных Штатах.

В СССР системное изучение медико-психологических последствий различных экстремальных событий началось лишь в 80-е годы, когда советское общество столкнулось с целым рядом крупнейших потрясений: война в Афганистане, вооруженные конфликты в Карабахе, Абхазии, Приднестровье, межэтнические столкновения в Фергане и Осетии, а также ряд других локальных и масштабных вооруженных столкновений. При этом значительно возросло количество участников этих экстремальных событий.

Что касается вопроса классификации постстрессовых расстройств, то еще в 1952 г. Американское психиатрическое общество включило в классификацию DSM — II «реакцию на сильный эмоциональный и физический стресс». К 1980 году накопленная информация позволила сделать вывод, что подобные нарушения характерны не только для ветеранов боевых действий, но и для лиц, перенесших различные катастрофы, аварии и стихийные бедствия, а также для лиц, принимавших участие в ликвидации подобных катастроф. Обобщение полученных данных позволило с 1980 года официально говорить об объективном существовании посттравматического стрессового расстройства (Post Traumatic Stress Disorder — PTSD), которое было включено в DSM-III (Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorder — классификационный психиатрический стандарт, подготовленный Американской психиатрической ассоциацией). В 1995 году это

понятие было внесено в 10-ую редакцию Международного классификатора болезней — МКБ-10, основного диагностического стандарта в Европейских странах и России под рубрикой F43 — реакция на тяжелый стресс и нарушения адаптации.

В конце 80-х в начале 90-х годов проблема психических нарушений по типу ПТСР стала привлекать еще более пристальное внимание отечественных ученых. Однако, несмотря на то, что решение данной проблемы вызвано настоятельной потребностью практики, ее значимость и для мирового сообщества и для России не снижается, а, принимая во внимание не столь давние события на Северном Кавказе, возрастает многократно.

Таким образом, феномен посттравматического стрессового расстройства по мере его подробного изучения на практике рассматривался под другими терминами, но официальными определениями задолго до официального принятия в мировой психиатрии и психологии, а также появления в качестве отдельной рубрики в современных классификациях психических нарушений и расстройств.

Литература

1. Белинский А.В., Голов Ю.С., Шевченко В.Ф., Лямин М.В. и др. Медико-психологическая реабилитация военнослужащих с посттравматическими стрессовыми расстройствами // Актуальные проблемы военной и экстремальной медицины. Сборник научных трудов РМАПО. — М.: РМ-ВЕСТИ, 1997. С. 45–47.
2. Быков А.Т., Поддубная Р.Ю., Питерская Я.А. К вопросу о методах оценки параметров адаптивных систем при посттравматических стрессовых расстройствах // Современные технологии в восстановительной медицине. Материалы международной конференции 12–16 мая 2001 г. — Сочи, 2001. С. 118–121.

3. Волошин В.М., Коханов В.П., Щербинин И.В. Исторические аспекты феномена посттравматических стрессовых расстройств // Медицина катастроф. 2004. № 3–4 (47–48). С. 57–62.
4. Ганнушкин П.Б. Избранные труды / Под ред. проф. О.В.Кербикова. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 416 с.
5. Гиляровский В.А. О классификации и номенклатуре душевных заболеваний / Невропатология и психиатрия. 1943. Т. 12. № 6. С. 16–25.
6. Гиляровский В.А. Старые и новые проблемы психиатрии. — М.: Медгиз, 1946. 198 с.
7. Даршкевич Л.О. Травматический невроз. — Казань, 1916. 53 с.
8. Краснянский А.Н. ПТСР у участников военных конфликтов // СИНАПС. 1993. № 3. С. 14–34.
9. Краснянский А.Н., Морозов П.В. Посттравматическое стрессовое расстройство у ветеранов афганской войны // Русский медицинский журнал. 1995. № 4. С. 32.
10. Крепелин Э. Введение в психиатрическую клинику. Пер. с нем. изд. 3-е, перераб. — М.: Госмедиздат, 1923. 356 с.
11. Курочка В.К., Потанский В.М., Иванов В.Н. Медицинская реабилитация и восстановление функционального состояния специалистов операторского профиля в РВСН. Методическое пособие. — М.: 6 ЦВКГ, 1997. 55 с.
12. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс. — Л.: Медицина, 1970. С. 178–208.
13. Лобзин Ю.В. Психофизиологические и социальные аспекты коррекции и реабилитации военнослужащих: Материалы всеармейской научно-практической конференции «Актуальные проблемы психофизиологической коррекции функционального состояния военнослужащих» 25–26 октября 2001 г. — СПб.: ГВМУ МО РФ, 2001. С. 3–6.
14. Лямин М.В., Марогулов Н.Л., Дыбов М.Д. и др. Особенности психотерапевтической коррекции посттравматических психических расстройств у военнослужащих // Современные направления психотерапии и их клиническое применение. Материалы Первой Всероссийской конференции по психотерапии. — М.: Изд-во Института психотерапии, 1996. С. 68.
15. Пушкарев А.Л., Доморацкий В.А., Гордеева Е.Г. Посттравматическое стрессовое расстройство: диагностика, психофармакотерапия, психотерапия. — М.: Изд-во Института психотерапии, 2000. 128 с.
16. Сухарева Г.Е. Психогенный тип реакций с депрессивно-бредовым синдромом // Проблемы психиатрии военного времени. — М., 1945. С. 219–226.
17. Сюрис Н.А. Проблемы медико-психологической реабилитации участников боевых и контртеррористических операций: Материалы всеармейской научно-практической конференции «Актуальные проблемы психофизиологической коррекции функционального состояния военнослужащих» 25–26 октября 2001 г. — СПб.: ГВМУ МО РФ, 2001. С. 136–138.
18. Хохлов Л.К. Посттравматическое стрессовое расстройство и проблема коморбидности // Социальная и клиническая психиатрия. 1998. № 2. С. 116–122.
19. Erichsen, F.E. (1866). On railway and other injuries of the nervous system. London: Walton & Moberly. 315 p.
20. J.M. Da Costa. (1871). On irritable heart; a clinical study of a form of functional cardiac disorder and its consequences // American Journal of the Medical Sciences, Thorofare, N.J. P. 17–52.
21. Kardiner, A. (1941). The traumatic neuroses of war. NY: Hoeber. 258 p.
22. Oppenheim, A. (1889). Die traumatischen Neurosen. Berlin: Hirschwald. 384 p.

Познанская А.П., Лидерс А.Г.

ИМПЛИЦИТНЫЕ ТЕОРИИ СЕМЬИ В ПСИХОЛОГИИ

Определение понятия «имплицитная теория»

Под имплицитными концепциями в психологи понимают обыденные, ненаучные, житейские, не вполне осознаваемые представления людей о каком-либо явлении или процессе из их повседневной жизни. Впервые понятие имплицитные теории ввели Дж.Брунер и Р.Таджури в 1954 году (Большой психологический словарь. Сост. Мещеряков Б., Зинченко В. Олма-пресс, 2004).

Белецкая Ю.С. в диссертационном исследовании «Имплицитные теории организационных межличностных отношений» (2003) дала следующее определение имплицитным теориям. «Имплицитная теория — это фрагмент образа мира, моделирующий релевантный фрагмент мира в терминах когнитивных представлений о нем, субъективного отношения и возможного поведенческого репертуара. Имплицитные теории обеспечивают когнитивную, смысловую и операциональную настройку субъекта в отношении релевантного данным теориям фрагмента мира».

С.Московичи предлагает две возможных интерпретации существования имплицитных теорий. Первая заключается в предположении, что индивиды приобретают их через опыт взаимодействия с другими людьми. Их социальный опыт увеличил возможности восприятия корреляций, объективно существующих в реальности. В качестве примера С.Московичи приводит следующую ситуацию: «Если каждый раз, встречая черту *напряженность* у какого-нибудь индивида, мы замечаем, что он одновременно еще и

впечатлителен и *возбудим* в определенных ситуациях, то нет ничего удивительного, что эти черты связываются в нашем когнитивном мире» (цит. по Социальная психология под ред. С.Московичи, с. 295–296). Но тут часто возникают противоречия, обнаруживающие недостаточную согласованность между представлениями, суждениями и реальной действительностью. Это подтверждается довольно большим количеством экспериментов в рамках социальной психологии.

Второй тип объяснения усматривает источник имплицитных теорий в условиях функционирования когнитивного мира испытуемого. С этой точки зрения всякий индивид стремится стабилизировать, организовать свое окружение. Сложность признаков, поведения и ситуаций, характерная для нашего социального окружения, его неустойчивость побуждает индивида искать закономерности, инварианты.

Таким образом, функция имплицитных теорий, дающих нам сетку интерпретации, связывая причинными отношениями сочетания различных качеств и поведение, понимается как индивидуальная по существу. Эта потребность «наводить порядок» в своем окружении вытекает из адаптивной модели психологического субъекта и даже организма, позволяющей предвидеть свое окружение и владеть им. Но такая тенденция к сохранению внутреннего порядка может также привести и к упрощениям, которые неизбежно повлекут за собой ошибки.

Отдельный объект появляется в теоретическом мире испытуемого не в одиночестве, он определяется также по отношению к другим объектам и представ-

лениям. ИмPLICITные теории приводят к тому, что индивидуальные или социальные события воспринимаются как естественные. Таким образом, как отмечают авторы, через свои схемы причинности и свое видение социального мира, имPLICITные теории передают модели и идеалы именно благодаря своей «естественности».

Генезис имPLICITных теорий

Сформированный на ранних стадиях онтогенеза образ мира представляет собой неразделимо слитый сгусток смыслов, которые постепенно дифференцируются в соответствии с логикой категоризации. В процессе совершенствования восприятия индивид усваивает отношения, существующие между наблюдаемыми свойствами объектов и событиями, соответствующие категории и системы категорий, учится предсказывать взаимоотношения и проверять эти предсказания.

Приобретенная логика категоризации изменяет целостные представления о мире в процессе активного включения в этот мир и поиска своего места в нем. На основе выделенных категорий и систем конструкторов, позволяющих описывать определенные фрагменты реальности, выстраиваются относительно устойчивые системы представлений о мире, людях и отношениях.

Отправным моментом в построении имPLICITных теорий становится фиксация в памяти человека опыта прошлых взаимодействий. В случае восприятия некоего нового события, физического, социального или внутриличностного, не представленного в прошлом опыте, оно может быть отнесено к тому или иному фрагменту реальности, в зависимости от особенностей ассоциативного поля индивида (Белецкая Ю.С., 2003).

В научной практике были сделаны попытки выделить и изучить некоторые

имPLICITные теории. Так, Ю.С.Белецкая называет следующие имPLICITные теории, которые могут быть реконструированы в образе мира человека: имPLICITные теории межличностных отношений (Доценко, 1999; Белецкая, 2003), имPLICITные теории семьи (Демакова, 2002; Минеева, 2002); также в работе упоминаются: имPLICITные теории личности (изучались Дж.Брунером и Р.Тагиури), имPLICITные теории соматических заболеваний (изучались А.Ш.Тхостовым), имPLICITные теории интеллекта (изучались Р.Стернбергом) (Белецкая Ю.С., 2003).

Соотношение понятия имPLICITных теорий с близкими понятиями других методологических направлений

Содержание имPLICITных теорий исследуется, как правило, средствами экспериментальной психосемантики. (Петренко, 2005). Это сравнительно новая область отечественной психологии, возникшая в начале 70-х в Московском университете (Е.Ю.Артемьева, В.Ф.Петренко, А.Г.Шмелев). В задачу психосемантики входит реконструкция и изучение индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других людей и самого себя. В психосемантике реализуется феноменологический подход, когда картина мира трактуется не как зеркальное отражение действительности, а как одна из возможных «пристрастных» культурно-исторических моделей мира, которые создает единичный или коллективный субъект.

Центральными понятиями в этой области психологии являются смысл и значение. Важными понятиями являются также образ мира, структура субъективного опыта, система категорий, личностные конструкторы, имPLICITные теории, семантические пространства.

Для более глубокого понимания понятия имплицитные теории мы считаем необходимым представить близкие понятия и обозначить специфику их использования.

1) **Образ мира.** А.Н.Леонтьев ввел понятие «образ мира» в рамках теории деятельности. Образ мира есть результат моделирования (кодирования, обозначения мира на языке субъективных переживаний человека выделение субъективного смысла, истолкование, извлечение значения-для-меня) (Доценко, 1999). Образ мира зависит от условий жизни человека, и в то же время определяет и формирует эти условия через поведение и ожидания человека.

2) **Установка** — готовность субъекта к восприятию будущих событий и действиям в определенном направлении; обеспечивает устойчивый, целенаправленный характер протекания деятельности, служит основой избирательной активности человека (Г.М.Белецкая, 2003).

3) **Социальная установка** — направленность личности, предрасположенность действовать определенным образом, охватывающая всю сферу жизнедеятельности; субъективная ориентация индивида как члена группы на некие ценности, предписывающие определенные способы поведения.

Ю.С.Белецкая отмечает, что сходство имплицитных теорий и установки касается в основном функциональной стороны, так как они определяют в основном избирательную активность в восприятии, предрасположенность к определенному стилю поведения. Отличия же наблюдаются в структуре и динамической части. Установка актуализируется в ответ на стимулы — параметры ситуации. Имплицитная теория — это та структура, на основе которой происходит формирование установки. Она более статична и может соединять в себе несколько установок, объединенных общей

ситуаций, убеждениями и проч. Установка, по мнению Д.Н.Узнадзе, явление динамическое, а имплицитная теория — структурное. Чтобы установка могла сформироваться и актуализироваться позже, нужны схемы, шаблоны, стратегии, в соответствии с которыми эта актуализация могла бы разворачиваться. Именно эту функцию выполняют имплицитные теории. (Белецкая, 2003).

4) **Смысл и значение.** Согласно А.Н.Леонтьеву, отношения между этими понятиями родовидовые, причем значение является родовым, а смысл — видовым понятием. Значение — это указание с помощью знака на объективную реальность, обобщенная форма отражения субъектом этой реальности, это значение для всех. Смысл — субъективно воспринятое и присвоенное человеком значение, личностный смысл — это «значение для меня». Смысловые структуры являются наиболее глубинными, интимными, человеческими структурами сознания. Это понятие выражает наиболее индивидуальные, трудно коммуницируемые или вообще не коммуницируемые слои опыта (Леонтьев Д.А., 1999).

Как показали Д.А.Леонтьев и Е.Л.Доценко, в ходе психосемантических исследований и научной рефлексии произошла смена отношений между этими понятиями. Значение стало пониматься как частный вид смысла. Таким образом, смысл понимается как субъективно установленная связь между элементами опыта человека на основе объективных зависимостей между ними, а значение — это понятие выраженный смысл, «смысл для других» (Доценко, 1998).

Человеческое восприятие и осознание мира, процессы памяти, мышления и воображения вооружены и одновременно ограничены той конкретно-исторической системой значений, несущей в себе совокупный общественный опыт, которая присуща той или иной социаль-

ной общности, той или иной культуре. Общечеловеческие инварианты этих систем обусловлены сходством жизнедеятельности различных социальных общностей и народов, наличием общечеловеческой культуры (Петренко, 2005).

Таким образом, значение — надындивидуальное образование. Специалисты по лингвистике считают, что идеальное значение, выраженное в языке, имеет больше системообразующих связей с другими значениями, нежели с действительностью. Это обусловлено присущим языку, помимо отражения реальности, свойством самоотражения. Именно оно придает ему единство и относительную самостоятельность.

Смысл, вкладываемый индивидом в понятие, — индивидуален и субъективен, имеет психологическую природу. Однако, как правило, личностный смысл не имеет аналога в языковых единицах. Иначе все люди говорили бы на разных языках. Человек подбирает лишь значение, то есть то, что осознается, что включено в культурные языковые схемы.

Из сказанного следует, что в задачу психосемантики входит реконструкция индивидуальной системы значений, через призму которой происходит восприятие окружающего мира субъектом.

В индивидуальном сознании человека присутствует двойственность: с одной стороны, окружающая действительность отражается непосредственно в виде субъективных переживаний и ощущений, с другой — опосредованно — через систему общественно выработанных способов осознания, то есть языковые формы.

Г.М.Андреева (Андреева, 2000) пишет о четырех основных способах структурирования социальной информации в целях ее наилучшего сохранения: прототипы, схемы, скрипты и имплицитные теории личности. Далее рассмотрим их чуть более подробно.

5) **Прототип.** Прототип содержит в себе представление о типичном представителе какой-либо группы объектов. Довольно близко к этому понятию лежит понятие **стереотип**, но между ними существуют существенные различия. Стереотип — более общее понятие, представляющее собой упрощенный, схематический образ предмета, явления, группы, обладающий высокой устойчивостью. Целесообразным представляется рассмотреть понятие прототип в контексте его отличия от понятия стереотип.

Первое отличие состоит в том, что прототип фиксирует характеристики лишь типичного представителя группы, рассмотренного как, отдельный случай.

Второе отличие заключается в том, что в прототипе некоторые черты стереотипа дополняются другими чертами, или вероятностными, или почерпнутыми из прошлого опыта. Положительная роль прототипа заключается в том, что он позволяет сократить процесс категоризации объектов высокой степени прототипичности (быстрее вносить суждения о них) и способствует лучшему запоминанию информации.

Однако при определенных обстоятельствах использование прототипа может привести к существенному искажению образа воспринимаемого. Если прототип получил негативную окраску, все другие представители данной группы получают также негативную оценку. Также за прототип может быть принят вовсе не прототипичный представитель класса предметов.

6) **Схема.** Схема представляет собой структурированное знание о какой-либо социальной категории. Прежде всего, к схемам относят так называемые «рамки соотнесения» (frame of reference), представляющие собой своеобразный, присущий каждому угол зрения на какой-либо объект, систему координат, в которой этот объект должен быть рассмотрен.

Рамки соотнесения позволяют более адекватно категоризировать вновь встреченный объект, помещать его в некоторую «сетку» представлений.

Схема имеет холистическую природу, то есть трактуется как некоторое целое, состоящее из частей, причем между этими частями фиксируются специфические связи. Г.М.Андреева в своей книге «Психология социального познания» приводит основные черты схемы:

1. Схема имеет варианты, при условии включения в нее разных элементов.
2. Схема всегда может быть встроена в другую схему, более высокого уровня.
3. Схема выступает как родовое понятие.
4. Схема дает знание, а не определение.

Обычно это знание представлено некой пирамидой. В основании пирамиды перечисляются все элементы данной схемы (например, все варианты какого-либо поведения). На следующем уровне — черты, свойства, к которым можно отнести описанные элементы. И на верхнем уровне содержится наиболее абстрактная информация о данном объекте, выражающаяся в «ярлыке».

Схемы обеспечивают познающего гипотезами относительно того, что произойдет в определенной социальной ситуации, что следует ожидать от человека в определенной социальной роли или от определенной группы.

Также социальные психологи выделяют такой тип схем, как «схема-о-самом-себе». Такая схема предполагает использование себя как своеобразной рамки соотнесения, предполагающей сопоставление всякого «другого» с самим собой. Вариантом использования таких схем является усмотрение в другом обязательно черт, присущих «мне», но черт просто более значимых для меня.

Значение схем для ориентации человека в окружающем мире заключается в

оптимизации процесса познания. Информация по схеме схватывается быстрее и запоминается лучше.

7) **Скрипты.** Скрипт является вариантом схем. Это такая схема, которая содержит информацию о нормативных последствиях события в данной ситуации, это описание цепи последовательных действий, уместных в данной ситуации и организованных вокруг какой-либо цели. Таким образом, скрипты используются для предсказания или интерпретации поведения другого человека или — в более общем плане — развития какой-либо ситуации.

Нарушение скрипта есть нарушение ожидания. Поэтому если все идет «по скрипту», информация сохраняется хорошо, поскольку наблюдаемое привычно. Но верно и обратное: нарушение скрипта запоминается еще лучше.

Скрипты как бы фиксируют модели опыта и потому выступают своеобразными гидами для поведения человека в разнообразных ситуациях. Если ситуация знакома, наличие скрипта помогает автоматически совершать последовательность действий. Если же ситуация не знакома — отсутствие скрипта затрудняет адекватное поведение. (Андреева, 2000).

8) **Имплицитные теории личности (ИТЛ).** Это такая организация информации о другом человеке, при которой существует сеть ожиданий относительно взаимосвязанности некоторых черт. Таким образом, если оценивающий убежден, что черта X всегда встречается вместе с чертой Y, то, наблюдая у воспринимаемого человека черту X, он автоматически полагает, наличие черты Y.

ИТЛ включают в себя не просто идею о связи двух черт, но представление о целостной системе организации черт внутри человека, что и порождает определенные ожидания от его поведения. Такую систему ожиданий строит каждый человек, и поэтому ИТЛ до недавнего време-

ни считались строго индивидуальными образованиями.

Г.М.Андреева впервые обратила внимание на то, что ИТЛ могут быть свойственны определенным культурным и социальным группам.

Семья как психологическая система

В современной психологии семьи можно выделить две возможные теоретические позиции в отношении анализа семьи. Согласно первой позиции семья представляет собой группу индивидуумов, имеющих общие интересы, а семейный контекст рассматривается как среда социализации и развития личности. Такой подход характерен для трактовки семьи в рамках психоаналитического и поведенческого подхода, то есть для начального этапа становления семейной психологии, как отдельной науки.

Согласно второму подходу, семья рассматривается как целостная система, не сводимая к суммарной совокупности ее членов. Такая трактовка характерна для системного подхода, возникшего во второй половине 60-х годов XX века. (см: Варга, 2001; Лидерс, 2004; Черников, 2005).

Основными характеристиками семьи являются ее функции и структура. Жизнедеятельность семьи, непосредственно связанная с удовлетворением потребностей ее членов, называется функцией семьи. Выделяются следующие функции семьи: экономическая, репродуктивная, функция воспитания детей, сексуально-эротическая, функция духовного общения, функция эмоциональной поддержки и принятия, рекреативная (восстановительная), функция социальной регуляции, контроля и опеки, функция передачи социального статуса (эта функция практически утрачена в современном обществе), психотерапевтическая (Караба-

нова, 2006; Слепкова, 2006; Эйдемиллер, Юстицкис, 1999).

Структура семьи — это состав семьи, число ее членов, а так же совокупность их взаимоотношений. Анализ структуры семьи делает возможным понимание распределения функций в семье. Функции и структура семьи меняются в зависимости от этапов жизненного цикла семьи (Эйдемиллер, Юстицкис 1999; Карабанова, 2006).

Системная семейная психология

Семья в рамках системного подхода рассматривается как социальная система, объединяющая людей и их взаимоотношения, то есть это комплекс элементов и их свойств, находящихся в динамических связях и отношениях друг с другом. Семейная система является первичной по отношению к своим составляющим. Часто то, что происходит в семье, не зависит от намерений и желаний людей, а подчиняется правилам функционирования семейной системы.

Семья — это открытая система, члены которой взаимодействуют друг с другом и с окружающим миром. Семья является постоянно развивающейся системой вследствие действия «обратных связей» с внешними биологическими и социальными системами. Внешние силы могут оказывать положительное или отрицательное влияние на семью, семья же в свою очередь аналогичным образом воздействует на остальные системы. Таким образом, семейная система стремится, с одной стороны, к сохранению сложившихся связей, с другой — к развитию и переходу на более высокий уровень функционирования. (Лидерс, 2004; Черников, 2005).

Семья включает в себя две основные подсистемы, между которыми существуют взаимосвязи и взаимообусловленность: подсистему супружеских отноше-

ний и подсистему детско-родительских отношений. Когда в семье воспитываются несколько детей, выделяется также подсистема сиблинговых отношений. Степень жесткости/прозрачности границ определяет открытость (закрытость) семейной системы и каждый из подсистем. Жесткость границ меняется на протяжении жизненного цикла семьи, отвечая задачам развития и вновь возникающим функциям семьи. Подвижность и гибкость границ семейной систем является важной характеристикой, обеспечивающей возможность быстрой адаптивной перестройки семейного руководства, перераспределения семейных ролей и выработки новых стандартов ролевого поведения. Супружеские отношения первичны по происхождению, они создают основу функционирования и развития семьи.

Характеристики семьи подразделяются на объективные, субъективные и интегральные. Объективные характеристики функционирования семьи:

- особенности эмоциональных связей;
- мотивация брака;
- главенство и ролевая структура семьи;
- особенности коммуникации в семье;
- способность семьи к разрешению проблемных ситуаций.

Субъективные характеристики:

- удовлетворенность браком;
- семейное самосознание, наличие и содержание «семейных мифов».

Интегральные характеристики:

- сплоченность семейной системы;
- гибкость семейной системы.

(Карабанова, 2006; Лидерс 2006).

Функционирование семейной системы определяется взаимосвязанным действием двух законов — закона гомеостаза и закона развития.

Согласно закону развития, каждая семья проходит свой жизненный цикл,

представляющий собой последовательность смены событий и стадий. В литературе выделяются различные периодизации развития семьи (Черников, 2005; Карабанова, 2006; Варга, 2001), выделяющие различные стадии жизненного цикла семьи, но все они содержат указания на следующие стадии:

- 1) добрачный период — стадия монады (взрослый вне брачного союза),
- 2) образование новой семейной пары — стадия диады,
- 3) семья с маленькими детьми,
- 4) семья с детьми подросткового возраста,
- 5) стадия отделения детей от родителей,
- 6) семья после отделения детей.

Эти стадии универсальны для любого общества, но их прохождение может иметь свою специфику, в зависимости от традиций и культуры конкретной страны. Причинами, определяющими выделение той или иной стадии, являются некоторые обязательные события (брак, например), возникновение новых задач (например, задачи рождения и воспитания детей), изменение возраста и изменение стадии психического развития.

В соответствии с темой нашего исследования, мы считаем необходимым более подробно остановиться на жизненном цикле и отличительных особенностях российской и американской семьи.

Жизненный цикл российской и американской семьи

Сначала рассмотрим вариант типичного жизненного цикла американской семьи, как он был описан в классических работах по семейной психологии (Будинайте, Варга, 2005):

1. Первая стадия — жизнь одинокого молодого человека, финансово практически самостоятельного, живущего отдельно от своих родителей. Эта стадия

важна для формирования самостоятельных, независимых от родителей взглядов на жизнь.

2. Вторая стадия начинается в момент встречи с будущим брачным партнером: влюбленность, роман, возникновение идеи брачного союза... Если данная стадия жизненного цикла протекает удачно, то партнерам удастся обменяться ожиданиями относительно будущей совместной жизни и согласовать их, у них формируется картина благоприятного будущего их семьи.

3. Третья стадия — заключение брака, объединение под одной крышей, начало ведения совместного хозяйства, возникновение общей жизни. Это время первого кризиса семьи. Молодые люди должны заключить договор о том, как жить вместе: как будут распределяться функции в семье, кто придумывает и организует развлечения, кто принимает решения, на что тратить деньги, кто из супругов работает, а кто нет, когда заводить ребенка, что является сексуально привлекательным поведением и т.д....

4. Четвертая стадия возникает в том случае, если преодолен кризис третьей стадии, брак сохранился и появился первый ребенок. Появление третьего члена семьи изменяет семейную структуру. Семья становится, с одной стороны, более устойчивой, а с другой — члены этой новой системы становятся более дистантными по отношению друг к другу. Возникает необходимость в новом договоре, так как назрела необходимость в перераспределении ролей, времени, денег и т.п. (Кто будет вставать к ребенку по ночам? Будут ли они сидеть дома вместе или ходить в гости по очереди? Или жена будет с ребенком, а муж будет жить как холостой?).

Если появление младенца не принесло отчуждения в супружеские отношения, а сплотило родителей, значит, данная стадия пройдена удачно. Может быть

и так, что появление ребенка вызывает ощущение рутины и монотонности жизни, супругам кажется, что молодость и праздник кончились и начались бесконечные будни. Муж чувствует себя брошенным, не может смириться с тем, что все внимание теперь направлено на младенца, жена чувствует себя брошенной с ребенком на руках или замужем за легкомысленным подростком... Все это признаки неудачного прохождения четвертой стадии.

Это не обязательно приводит к разводу, но обычно закон гомеостаза обеспечивает семейную систему сложными стабилизаторами. Например, это могут быть регулярные измены, хроническое заболевание у кого-нибудь из членов семьи или любые другие формы личной дисфункциональности (алкоголизм, неспособность к профессиональному успеху и т.п.).

5. Пятая стадия жизненного цикла семьи характеризуется появлением второго ребенка. Она проходит достаточно просто, так как не возникает необходимость в новом договоре о том, как жить с детьми и кто за что отвечает, как это было на предыдущей стадии. Разумеется, детей может быть гораздо больше, чем двое, но на модели двух детей можно показать все необходимые закономерности развития семейной системы. Однако стоит отметить, что существуют данные о зависимости семейной роли и порядка рождения ребенка.

С появлением детей возникает новая подсистема в семейной системе. В случае функциональной семьи в ее структуре будут выделяться супружеская подсистема и детская подсистема. В дисфункциональной семье могут быть «неправильные» подсистемы: коалиции мамы с одним ребенком против папы с другим, или мамы с детьми против папы.

6. Шестая стадия — это школьные годы детей. В это время семья вплотную

сталкивается с правилами и нормами внешнего мира, отличными от правил внутрисемейной жизни. Здесь решаются вопросы о том, что считать успехом, а что неудачей, как становиться успешным, какую цену семья готова заплатить за внешний успех и соответствие общественным нормам и стандартам.

Итак, на этой стадии жизненного цикла семьи проверяются границы семейной системы, «экспортируемость» норм, мифов, правил и игр.

7. Седьмая стадия жизненного цикла семьи связана со временем полового созревания у детей. Она начинается с периода пубертата у первого ребенка. Ведущая потребность ребенка в это время построить свою идентичность, ответить на вопросы, кто я и куда иду. Ответ «Я ребенок своих родителей», — недостаточен для построения идентичности. Примеры ищутся вне семьи, среди сверстников и посторонних взрослых.

Семья в это время решает важнейшую задачу по подготовки ребенка к сепарации, к самостоятельной жизни. Именно в этот момент проверяется жизнеспособность и эффективность функционирования семейной системы.

Зачастую период полового созревания у ребенка совпадает с кризисом среднего возраста у родителей. Это означает, что в то время, когда ребенок стремится вырваться из-под семейного влияния, хочет перемен своей судьбы или хотя бы течения жизни, его родители очень нуждаются в стабильности.

Кризис середины жизни означает, что задачи, поставленные в молодости, так или иначе решены: профессия выбрана и на профессиональном поприще достигнуты или не достигнуты некие результаты, семья создана, дети в значительной степени выращены, пора подводить хотя бы предварительные итоги. Делать это страшно, потому что итоги могут быть неутешительными. Одновре-

менно становится ясно, что отпущенного на жизнь времени осталось не так уж много, силы убывают, и признание себя неудачником кажется фатальным и неисправимым.

Очень часто стабильность семейной системы прямо зависит от того, продолжают ли дети жить в родительской семье. Нередко за время совместной жизни дети научаются выполнять определенные психологические функции в семье — например, становятся медиаторами между родителями. Если дети уходят из семьи и, что еще хуже, становятся самостоятельными и успешными, то есть не нуждаются во внимании и помощи родителей, то родители сталкиваются с необходимостью общаться непосредственно друг с другом, лицом к лицу.

Итак, эта стадия жизненного цикла семьи самая трудная для всех членов семьи, самая проблемная и мучительная. Семья должна перестроить свои внешние и внутренние границы, заключить новый договор между всеми членами, научиться жить в измененном составе.

Здесь стоит заметить существующую в настоящее время в США тенденцию заводить детей после тридцати лет. В таком случае данная стадия смягчается и становится менее конфликтной, так как родители, не обремененные собственными проблемами, связанными с кризисом среднего возраста, обретают возможность сосредоточиться на детях и оказать им возможную помощь.

8. Восьмая стадия — это повторение третьей стадии, только члены диады находятся в другом возрасте. Дети выросли и живут самостоятельной жизнью, родители остались вдвоем. Эту стадию часто называют «стадией опустевшего гнезда».

9. Девятая стадия жизненного цикла — это жизнь монады, одиночество. Супруг умер, человек доживает свою жизнь один, так же, как он жил в молодости,

еще не создав своей семьи, только теперь у него за плечами прожитая жизнь.

Теперь обратимся к описанию того жизненного цикла, который наиболее характерен для современной российской городской семей (Черников, 2005; Будинайте, Варга, 2005; Золотухина М.В., 1999).

Жизненный цикл российской городской семьи значительно отличается от американской. Отличия связаны, прежде всего, с экономическими причинами, однако немалую долю вносят и культурные особенности сознания российских жителей. Главное отличие состоит в том, что в России практически не было отдельно живущих нуклеарных семей: во-первых, из-за трудностей с отдельным жильем, во-вторых, жить большой семьей не считается тяжелой и неприятной участью, ценность родственных отношений очень высока.

Рассмотрим жизненный цикл российской семьи.

1. Первая стадия — это родительская семья со взрослыми детьми. Молодые люди не имеют возможности пережить опыт самостоятельной, независимой жизни. Всю свою жизнь молодой человек — элемент своей семейной системы, носитель ее норм и правил, ребенок своих родителей. Обычно у него нет ясного представления о том, что было достигнуто в его жизни лично им самим, ему трудно выработать чувство личной ответственности за свою судьбу. Он не может проверить на практике те правила жизни, стандарты и нормы, которые получил от родителей и часто не может выработать свои правила. Человек, сделавший себя сам, — редкое явление.

2. На второй стадии жизненного цикла семьи кто-то из молодых людей знакомится с будущим брачным партнером, женится и приводит его в дом своих родителей. Это существенная ломка правил родительской семьи. Задача очень

сложная — создать маленькую семью внутри большой. Молодые люди должны договориться не только друг с другом о том, как они будут жить вместе, по каким правилам, но они еще должны договориться с родителями о том, по каким правилам новая семья будет существовать внутри большой. Патриархальные правила предлагают вариант такого договора: молодой супруг или супруга входит в большую семью на правах еще одного ребенка. Родителей мужа или жены предлагается называть мама и папа. Не всякая молодая семья готова к такому сценарию отношений.

Конфликт, возникающий в этом случае, часто выглядит как ссора между свекровью и невесткой или между зятем и тещей. На самом же деле в основе его лежит конфликт ролевых приоритетов у супругов. Новая подсистема прежде всего нуждается в сепарации, старая система, подчиняясь закону гомеостаза, хочет сохранить все, как было.

3. Третья стадия семейного цикла связана с рождением ребенка. Это так же кризисный период для всей системы. Опять необходимо договариваться о том, кто что делает, и кто за что отвечает. В семьях с размытыми границами подсистем и невнятной организацией нередко плохо определены семейные роли. Например, не ясно кто функциональная бабушка, а кто функциональная мама, то есть кто фактически осуществляет заботу, уход, выращивание ребенка.

4. На четвертой стадии появляется второй ребенок в семье. Тут семье приходится иметь дело с ревностью сиблингов друг к другу. В российской семье детская ревность часто используется в отношениях взрослых членов семьи.

Например, мама первого своего ребенка отдала бабушке, он стал замещающим ребенком для бабушки, и бабушка его фактически вырастила. Но отношения между мамой и бабушкой не очень

хорошие, а ребенок — явно бабушкин. Родается второй ребенок. Бабушка не может помогать так, как она помогала раньше, и мама становится более эмоционально зрелой и теперь материнство дается ей проще, так что второй ребенок становится маминым. Естественно возникающая ревность детей друг к другу усиливается и используется взрослыми.

5. На пятой стадии начинают активно стареть и болеть прародители. Семья опять переживает кризис. Старики становятся беспомощными и зависимыми от среднего поколения. Фактически, они занимают позицию маленьких детей в семье, сталкиваясь, однако, чаще с досадой и раздражением, чем с любовью, в то время как всем ходом предыдущей жизни они привыкли быть главными, принимать решения за всех, быть в курсе всех событий. Это — стадия очередного договора.

В российском общественном сознании нет модели одинокой и самостоятельной жизни стариков. Считается недостойным позволить умереть своим старикам вне дома, поместить в дом для престарелых... В культуре существует стереотип «хорошей дочери /сына» — это тот, кто на старости лет заботится о родителях, посвящая этому, возможно, все свое свободное время.

Часто этот период в жизни старших членов семьи совпадает с периодом полового созревания детей. В такой семье он проходит иначе, чем в нуклеарной. Могут возникать коалиции стариков с подростками против среднего поколения.

6. Шестая стадия повторяет первую. Старики умерли и перед нами семья со взрослыми детьми.

Итак, мы видим, что многие стадии жизненного цикла американской семьи присутствуют в жизненном цикле российской городской семьи, но присутствуют видоизменено, в контексте большой трехпоколенной семьи. Обратимся

теперь к характеристикам и отличительным особенностям российской и американской семьи.

Особенности российской и американской семьи

Основные особенности российской семьи, следующие (Будинайте, Варга, 2005):

1. Семья, как правило, является не нуклеарной, а трехпоколенной.

2. Материальная и моральная зависимость членов семьи друг от друга очень велика.

3. Наблюдается слитность и спутанность семейных ролей, невнятное разделение функций в семье.

4. Индивидуальность и суверенность практически отсутствуют. Молодое поколение гораздо теснее и жестче связано с предыдущим поколением, чем на Западе, традиционность, преемственность и одновременно конфликтность выражены очень явно. Каждый член семьи находится в ежедневном контакте с большим количеством близких людей. Он включен в разные непростые отношения, одновременно выполняет много социальных ролей, часто плохо стьюкующихся друг с другом.

При такой семейной организации часто основным становится вопрос о власти.

Существует и культурные причины того, что борьба за власть становится главной темой семейной жизни в России. Россиянин воспринимает социальную среду враждебной, опасной и непредсказуемой. Законодательство, государственная и финансовая политика во все времена оценивалась практически всеми слоями общества как нелогичные, противоречащие интересам людей, препятствующие им реализовывать свои цели. Особенностью последних десятилетий оказывается к тому же высокая скорость

изменения среды — законов, политики, — нестабильность существования.

Теперь обратимся к особенностям американской семьи.

Авторы (H.Fuchs, 1972; Carr, 2006; Sieburg, 1985) выделяют центральную особенность американской семьи: высокая ценность идей независимости и равенства, присущие американскому обществу, вступают в резкое противоречие с идеями зависимости и неравенства, заложенными в самой природе семьи (члены семьи зависимы друг от друга, обладают правами и обязанностями по отношению к другим членам семьи). Независимость в контексте семейных отношений понимается, как право свободно делать выборы, не будучи ограниченным чьим-то авторитетом. Равенство же — как право всех членов семьи в равной степени получать выгоды и привилегии.

США — страна, изначально заселяемая эмигрантами практически со всего мира, и с самого начала истории становления американских ценностей был сделан акцент на индивидуальности человека в противовес его зависимости от общества. Большинство национальных и литературных героев Америки воплощали собой образ активного, принимающего решения самостоятельно, не связанного никакими узами, в том числе и семейными, человека. Конфликт заключается в том, что всему этому (активности, вере в себя и т.д.) возможно научиться только в атмосфере семейной любви и доверия.

Широко распространившийся культ независимости поддерживал в американском обществе страх перед продолжительными связями, в том числе и семейными, в то время как во всем мире идентификация человека происходила через причисление себя к своему роду и своей семье.

H.Fuchs выделяют характеристики американской семьи (H.Fuchs, 1972):

1) Отказ от ориентации на родительскую семью. В американском обществе сильный акцент поставлен на отделении человека от рода и предков. Один из факторов такого отделения является то, что США, как уже говорилось выше, страна эмигрантов, зачастую оставивших за ее пределами родителей и родственников. Таким образом, мобильность, активность, взятые за основу успешности, увеличивает пропасть между поколениями, дедушки и бабушки практически не участвуют в воспитании детей, молодая семья живет отдельно от них, не посвящая их в свои заботы.

2) В основе создания американской семьи лежит любовь, желание быть хорошими компаньонами, друзьями, то есть иметь равные позиции. Это рождает неадекватные ожидания от брака о том, что романтическая любовь, служащая молодым людям поводом для создания семьи, никогда не кончится и будет фундаментом для всей дальнейшей жизни семьи.

3) Раннее развитие и невротизация детей. В США дети рассматриваются как своего рода вестники будущего, а не как ценность сами по себе. Родители учат своих детей быть самостоятельными, целеустремленными, способными к соперничеству и разрешению конфликтов, водят их во всевозможные секции и кружки, зачастую забывая о том, что детям нужно еще и просто эмоционально теплое общение в семье. Малейший успех отмечается и поощряется взрослыми, с раннего детства детям говорят, что они талантливы и уникальны. В итоге при столкновении со сверстниками, такими же талантливыми и уникальными, у ребенка может начинаться невротические реакции и агрессивное поведение.

4) Открытая конкуренция между сиблингами. Детей с детства учат, что они равны и независимы. Конкуренция между сиблингами присутствует и в дру-

гих культурах, но только в США она носит столь открытый и сильный характер. В России, например, старший ребенок с рождением младшего вынужден претерпевать значительные неудобства, но в компенсацию ему полагаются новые привилегии, как старшему. В США же ни возраст, ни пол не может быть основой неравенства, а конкуренция за родительское внимание приобретает открытый характер и зачастую поощряется взрослыми.

5) Затяжное и сложное протекание подросткового кризиса. Подростковый кризис в Америке начинается примерно в 10–11 лет (так как родители активно поощряют в детях поведение, имитирующее поведение подростка) и длится до 20–21 года (так как до этого возраста молодые люди, как правило, не работают и не ведут «взрослый» образ жизни). В американской культуре существует очень мало механизмов, помогающих прохождению подросткового кризиса. Отсутствие ориентации на авторитет взрослого (он подорван еще в детстве), недостаточность социальных ролей и ответственности у подростков делают прохождению подросткового кризиса затяжным и особенно сложным.

6) Смещение (упрощение, размытие) мужской роли. Отказ от ориентации на расширенную семью, раннее развитие и невротизация детей, длительное и сложное прохождению подросткового кризиса и растущая независимости женщин приводят к подрыву мужского авторитета. Роль мужчины в семье смещается на функцию материального обеспечения, перед домашними же проблемами мужчина опускает руки, уходит в работу или ограничивает свое участие в жизни семьи играми с детьми.

7) Женщины имеют гораздо больше авторитета в семье, чем мужчины. Женщины в Америке обладают экономической силой и, следовательно, играют

большую роль в решении финансовых вопросов. Сильная государственная поддержка разведенных женщин (законодательство США построено таким образом, что в большинстве случаев решение бракоразводного процесса будет в пользу женщины) дает им еще большую возможность для доминирования.

8) Страх перед материнством. Американское общество требует от матери быть в курсе всех новейших методов и подходов к воспитанию. Женщина начинает искать помощи и информации во всех доступных ей источниках (Интернет, книги, журнал) и получает огромное количество противоречащих друг другу рекомендаций, каждая из которых претендует на единственно-верную. А так как женщина, как правило, не может обратиться за советом к своей матери, ситуация рождает тревогу и страхи. У женщин среднего класса также часто наблюдается страх того, что ребенок будет препятствием для их самореализации, саморазвития.

9) Страх старости, которая неизменно влечет за собой зависимость и снижение продуктивности.

Особенности семейного самосознания

В контексте темы данной работы, представляется необходимым более подробно остановиться на такой характеристике семьи, как семейное самосознание.

Т.М.Мишина ввела понятие «образ семьи», или образ «Мы», — своеобразное семейное самосознание, важнейшей функцией которого является регуляция поведения семьи на основе согласования позиций отдельных ее членов.

Семейное самосознание — согласованный образ семьи, разделяемые всеми ее членами представления о ценностях семьи, ее статусе, образе жизни, ролях, главенстве, нормах и правилах взаимодействия.

Важнейшим компонентом семейного самосознания является **семейная судьба**. Можно говорить о двух основных значениях этого понятия. В первом случае речь идет об общей судьбе рода, семьи как единого субъекта. Каждый член семьи мыслит свои жизненные планы и выстраивает свою судьбу в контексте жизненных целей и судьбы семьи как единого целого. Во втором — о семейной судьбе как разделенном представлении членов семьи о сходстве персональных судеб и жизненного пути родственников, их согласованности в пределах родственной сферы.

Еще один важный компонент семейного самосознания — **семейная история**. Она воплощена в семейной родословной, семейной автобиографии, семейных реликвиях, фотографиях, семейном имени.

В случае гармоничного развития семьи формируется адекватный **образ «Мы»**, отражающий характер супружеских отношений, согласованное ролевое поведение и стиль жизни семьи. Источником формирования образа «Мы» является совместная деятельность и внутрисемейное общение. В случае же возникновения дисфункции семьи актуализируются механизмы защиты и формируется неадекватный образ «Мы» — так называемые **семейные мифы**, выполняющие функцию регуляции отношений в дисфункциональной семье. На формирование семейных мифов оказывает влияние «наивно-психологические теории», неадекватные способы каузальной атрибуции, селективность и предвзятость отбора информации и пр...

О.А.Карабанова пишет о том, что Т.М.Мишина выделяет некоторые защитные механизмы, используемые семьей при создании семейных мифов. В частности, к ним относятся:

- Проекция как проецирование на социальное окружение или на другого чле-

на семьи отвергаемых в себе потребностей, мотивов, влечений, представлений. Например, если доминирующим эмоциональным фоном семьи является переживание отсутствия чувства безопасности и базового доверия к миру, что вступает в противоречие с Я-концепцией, приписывающей Я открытость, доверие, доброжелательность, то механизм проекции приведет к формированию враждебного отношения к социальному окружению, к сплочению семьи на основе единства намерений противостоять внешней агрессивности — образуется так называемая «семья-крепость».

- Расщепление как вытеснение и подавление одним из супругов своих отвергаемых личностных качеств в сочетании с культивированием их в партнере. Например, жена, осуждающая и подавляющая в себе агрессивность в отношении мужа, провоцирует его на агрессивное поведение в ситуации конфликта, в результате чего рождается семейный миф о терпимой жене — «мученице» и муже-злодее.

- Сочетание использования защитных механизмов создает разнообразие мифов.

ИмPLICITНЫЕ ТЕОРИИ СЕМЬИ

Семья — понятие интуитивно ясное в его прямом и переносном значении. Каждый человек в состоянии выносить некие суждения о конкретной наблюдаемой семье или об отношениях, которые в переносном смысле мы характеризуем как семейные. (Например: «Мы все одна семья!» — девиз футбольной федерации). Однако, пытаясь дать точное определение этого явления, мы сталкиваемся с трудностями. Вероятно, это происходит из-за того, что семья, как часть модели мира человека, — это не понятие, а имплицитная теория (аналогично имплицитной теории личности),

которая имеет определенные параметры, свойства, внутренние конструкции и складывается в результате собственного опыта индивида в родительской семье, опыта предыдущих поколений семьи и общественного опыта. Эти имплицитные теории могут быть частично индивидуальными, а частично содержат инвариант, характеризующий людей определенного пола, возраста и профессии (Минеева, 2005, 2006).

Говоря о семье, люди могут подразумевать различные аспекты этого понятия.

Наша семья живет в Москве с 19 века... Я из семьи военных... У нас в семье все женщины хорошо готовят... Семейные реликвии... В отпуск мы с женой и детьми ездили повидаться с семьей... Новый год я встречала дома с семьей... Ты позоришь семью!.. Моя семья против того, чтобы я ... Сохранить семью... Я не хочу замуж, семья слишком связывает женщину... Без семьи не хорошо, и с семьей плохо! Наша фирма — настоящая семья... Давайте решим этот вопрос по семейному, не впуская посторонних...

Совершенно очевидно, что в этих высказываниях слово семья обозначает разные феномены. Как правило, собеседник легко понимает, о чем идет речь благодаря тому, что он уже заранее знает, какие отношения, чувства, мотивы и действия связаны с определенной моделью. Вокруг каждого из феноменов класса семьи сформировалась своя особая лексика, и носитель языка чувствует, что «так можно сказать», а «так не скажешь» или «так можно сказать только о...» Оценив позицию рассказчика по отношению к упомянутой семье, контекст и использованную лексику, слушатель «выбирает» подходящую модель, на основании которой он может достроить невысказанное, подразумеваемое, то есть чувства, события, дальнейшие действия рассказчика, то есть «понять» его.

Слушатель, выбрав определенную модель семьи, на ее основании может сделать ряд предположений о ее составе, прошлом и будущем (происхождении и развитии), отношениях между членами семьи. А.Вежбицкая полагает, что такие модели отражаются и транслируются языком с помощью *ключевых слов* (А.Вежбицкая, 2000). Признаки ключевых слов по А.Вежбицкой: это слова, особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры; общеупотребительные, а не периферийные, часто используемые в исследуемой семантической сфере; являющиеся центральными для целого ряда выражений, бытующих в языке. *Ключевые слова* часто встречаются в пословицах, в изречениях, в популярных песнях, в названиях книг и т.д.

Такие слова анализируются А.Вежбицкой как «центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры. Тщательно исследуя эти центральные точки, мы, возможно, будем в состоянии продемонстрировать общие организационные принципы, придающие структуру и связность культурной сферы в целом и часто имеющие объяснительную силу, которая распространяется на целый ряд областей. ... возможно, будем в состоянии распутать целый спутанный «клубок» установок ценностей и ожиданий, воплощаемых не только в словах, но и в распространенных сочетаниях, в устойчивых выражениях, в грамматических конструкциях, в пословицах и т.д.» (Минеева, 1997; Вежбицкая, 2000; Лидерс, 2004).

Таким образом, мы можем говорить об имплицитной теории семьи, подобно имплицитной теории личности. Это именно теория.

Для нас, таким образом:

1) Имплицитная теория представляет собой *поле значений*, посредством которого человек *воспринимает окружающее*, пытается управлять событиями и

действовать в соответствии с ситуацией (Франселла, Баннистер, 1987). ИмPLICITная теория семьи является фрагментом образа мира, *организует восприятие* реальной семьи и *регулирует поведение* в ней. На основании собственной имPLICITной теории семьи каждый член семьи имеет какое-то представление о том, какая она, его семья, что она из себя представляет, и какое место в ней он занимает. Представления о семье определяют реальные взаимоотношения в семейной сфере.

2) ИмPLICITная теория используется человеком чтобы «осознать или интерпретировать, объяснить или предсказать свой опыт» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 438).

3) Это *система неявных*, неотчетливо осознанных или совсем не осознанных *представлений, допущений, положений*, регулирующих, тем не менее, поведение человека.

4) ИмPLICITные теории семьи относятся к разряду имPLICITных социальных теорий, соответственно, они могут быть представлениями целой группы, а не только одного человека.

Литература

- Андреева Г.М. Психология социального познания. — М.: Аспект-Пресс, 2000.
- Белецкая Ю.С. ИмPLICITные теории организационных межличностных отношений. Дисс. ... канд. психол. наук. — М., 2003.
- Большой психологический словарь / Сост. Б.Мещеряков, В.Зинченко. — М.: Прайм-Еврознак, 2006.
- Будинайте Г.Л., Варга А.Я. Теоретические основы системной семейной психотерапии // Журнал практической психологии и психоанализа. 2005. № 4.
- Бююль А., Цефель П. SPSS: искусство обработки информации. — СПб.: Торгово-издательский дом DiaSof, 2002.
- Варга А.Я. Системная семейная терапия. Краткий лекционный курс. — СПб.: Речь, 2001.
- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. — М.: Языки славянской культуры, 2000.
- Доценко Е.Л. Межличностное общение: семантика и механизмы. — Тюмень: ТОГИРРО, 1998.
- Дружинин В.Н. Психология семьи. — Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
- Золотухина М.В. Мир американской семьи. — М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999.
- Карabanова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. — М.: Гардарики, 2006.
- Келли Д. Теория личности. — СПб.: Речь, 2000.
- Крайг Г. Психология развития. — СПб.: Питер, 2000.
- Лебедева Н.Н., Минеева О.А. Метафора как ключ к пониманию имPLICITной теории семьи // Психологические проблемы современной российской семьи. Материалы конференции. Ч. 2. — М., 2003.
- Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — М.: Смысл, 1999.
- Лидерс А.Г. Семья как психологическая система. Очерки психологии семьи. — Москва — Обнинск: Исследовательская группа «Социальные науки», 2004.
- Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи. — М.: изд. Центр «Академия», 2006.
- Лидерс А.Г., Минеева О.А. Лексика для описания семьи в психосемантическом исследовании // Семейная психология и семейная психотерапия. 2003. № 4.
- Лидерс А.Г., Минеева О.А. ИмPLICITные теории семьи // Семейная психология и семейная терапия. 2004. № 4.
- Лидерс А.Г., Минеева О.А., Чекушкина Н.Н. ИмPLICITные теории

- Лидерс А.Г., Минеева О.А.* Гендерные особенности имплицитных моделей семьи в контексте психосемантического подхода // Материалы международного симпозиума, посвященного 85-летию Л.И.Уманского. — Москва — Кострома, 2006.
- Лидерс А.Г., Минеева О.А.* Имплицитные теории семьи — культурные, возрастные, половые и собственно семейные особенности. (Предварительное сообщение) // Материалы международного симпозиума, посвященного 85-летию Л.И.Уманского. — Москва — Кострома, 2006.
- Лидерс А.Г., Минеева О.А.* Психосемантический подход к исследованию имплицитной теории семьи // Государственный университет управления. Вестник университета. Социология и управление персоналом. № 6 (32). — М., 2007. С. 158–164.
- Лидерс А.Г., Познанская А.П.* Имплицитные теории семьи у взрослых 20–30 лет. Курсовая работа. 2007.
- Макарова Е.Ю.* Семейные мифы как отражение проблемы созависимости в семье // В кн.: Психологические проблемы современной российской семьи. Материалы конференции. Ч. 2. — М., 2003.
- Минеева О.А.* Лексика для описания семьи и отношений в ней // Психологические проблемы современной российской семьи. Материалы конференции. Ч. 1. — М., 2003.
- Минеева О.А.* Гендерные различия в структуре понятия семьи как ценности / В кн.: В.К.Шабельников, А.Г.Лидерс (ред.) Материалы второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной Российской семьи» в 3-х частях. Ч. 3. — М., 2005.
- Минеева О.А.* Третья планета. Семейные структуры и идеология // Семейная психология и семейная психотерапия. 2006. № 2.
- Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. — СПб.: Питер, 2005.
- Сатир В.* Как строить себя и свою семью. М.: Педагогика-Пресс, 1992.
- Сатир В.* Психотерапия семьи. — СПб.: Речь, 2000.
- Слепкова В.И.* Психология семьи. — Мн.: Харвест, 2006.
- Семейная психотерапия / Сост. Э.Г.Эйдемиллер, Н.В.Александрова, В.Юстицкис. — СПб.: Питер, 2000.
- Системная семейная психотерапия: классика и современность / Сост. А.В.Черников. — М.: Класс, 2005.
- Социальная психология / Под ред. С.Московичи. СПб.: Питер, 2007.
- Улыбина Е.В.* Обыденное сознание: структура и функции. — Ставрополь: Издательство СГУ, 1998.
- Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. — СПб., 1997.
- Шмелев А.Г.* Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. — М.: МГУ, 1993.
- Шнейдер Л.Б.* Психология семейных отношений. Курс лекций. — М.: Апрель-Пресс, 2000.
- Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.* Психология и психотерапия семьи. — СПб.: Питер, 1999.
- Beck, D.F.* (1976). Marriage and the Family under Challenge. NY.
- Carr, A.* (2006). Family Therapy: Concept, Process and Practice. Chichester etc.
- Carter, E.A., McGoldrick, M.* (Eds.). (1980). The Family Life Cycle: a Framework for Family Therapy. NY.
- Fuchs, L.H.* (1972) Family Matters. NY.
- Sieburg, E.* (1985). Family Communication. NY.
- Semantic Differential Technique. (1969). Ed. By Snider J.G. & Osgood CE. Chicago: Aldine publ. Co.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Карпов А.А.

ИГРОВАЯ ЗАВИСИМОСТЬ. ИССЛЕДОВАНИЯ, ОПАСНОСТИ, ПРОБЛЕМЫ ВИРТУАЛЬНЫХ КАЗИНО

Техногенная среда представляет собой часть биосферы, преобразованной людьми с помощью различных технических средств для наилучшего соответствия социально-экономическим потребностям человека.

Современная техносфера во многом определяется внедрением в жизнь человека — как в его трудовую деятельность, так и в сферу отдыха — информационных технологий (компьютеры, глобальная сеть Интернет, высокоавтоматизированные системы управления), и в то же время различных электронно-механических автоматов для отдыха и развлечений.

Вступление России на новый экономический путь развития и полная открытость внедрению новых технологий изменило не только условия жизни населения, но и структуру имеющихся психических заболеваний, привело к появлению и распространению ранее крайне редко встречавшихся в нашей стране расстройств психики, в том числе нехимических видов зависимостей.

Игроманию в психотерапии и психиатрии относят к аддикциям. Addictus (аддиктус) — это юридический термин, которым называют человека подчиняющегося, осужденного: «addicere liberum corpus in servitutem» означает «приговаривать свободного человека к рабству за долги»; «аддиктус» — тот, кто связан дол-

гами (Stowasse, 1990). Понятие аддиктивные расстройства (болезни зависимости) охватывает различные типы поведения: сюда входят наркотическая зависимость и алкоголизм, курение, пристрастие к азартным играм и обильной еде, гиперсексуальность, а также получившая широкую распространенность в последнее время компьютерная зависимость, в западных статьях именуемая «Интернет-зависимость» [3].

Игорный бизнес прочно осваивается в современной российской экономике. Растет число игорных заведений во всех крупнейших городах, и их ежегодный оборот, составляет по первичным подсчетам около 10 миллиардов долларов [4]. В результате непрекращающегося технического прогресса появились различные электронные модификации традиционной игры в казино — электронные игры в Интернете.

Доминируют на российском рынке Интернет-казино пять сайтов: казино «Голдфишка», «Шанс.RU», «Ва-Банк», LOTO.RU, www.BrandyCasino.ru.

В мире на конец 2002 года было около 1,8 миллионов онлайн-казино, а число игроков неуклонно увеличивается. Соответственно растет и прибыль игорных заведений в сети Интернет. При этом статистику проигрышей получить достаточно трудно. Это связано с нежеланием казино обнародовать информацию такого

рода. В 2003 году, по данным Business Week, игроки проиграли в общей сложности больше 11 миллиардов долларов.

Сейчас Интернет уже прочно вошел в нашу жизнь. Статистика доказывает, что уровень развития коммерции посредством электронных устройств непрерывно растет. Примерно 15% от всех игроков Интернет-казино во всем мире является русскоязычными. Россию многие компании расценивают как гигантский потенциальный рынок для развития в нем услуг Интернет-казино. Динамика развития сетевого игорного бизнеса в России ведет к появлению все новых российских игорных ресурсов, инвестиций крупных зарубежных компаний. Привлекательность российского рынка во многом обуславливается отсутствием каких-либо законов, норм, правил, организующих деятельность онлайн-казино в РФ.

С другой стороны, специфика самой сети Интернет позволяет человеку, независимо от места нахождения, играть в виртуальном казино любой другой страны, если не наложены какие-либо ограничения.

Онлайн-казино представляет собой программу или сайт, предоставляющие возможность играть в азартные игры в сети Интернет. Игра основана на случайных комбинациях, и по результатам игры вы получаете выигрыш или теряете деньги. Синонимами онлайн-казино являются интернет-казино и виртуальные казино.

Запустив онлайн-казино, вы оказываетесь перед широким выбором азартных игр, в наиболее крупных Интернет-казино их число может достигать 150 видов. Как правило, базовый набор любого казино включает рулетку, несколько разновидностей блэкджека (как правило, одну или две), несколько разновидностей покера, баккара, кости, игровые автоматы (до сотни разновидностей), видеопокер (около 10 вариаций).

Любая игра есть непрерывно изменяющийся процесс, требующий обмена данных между участниками (в данном

случае игроком и казино). Игрок сообщает серверу размер ставок и игровые решения, которые он принимает в ходе игры, казино в свою очередь присылает результаты. Сейчас рост технологий делает возможным играть в азартные игры и через мобильный телефон.

Так, по данным интернет портала www.All-Games.ru, бизнес-директор Ассоциации Удаленных Игр (RGA) в мае 2008 года выступил перед журналистами, напомнив о росте сегмента мобильных игр во всем мире. Он подчеркнул, что мобильные устройства предлагают любителям азартных игр широкие возможности, особенно с развитием WAP-технологий, и этот процесс остановить невозможно.

В Великобритании было заключено соглашение между мобильным оператором «Three» и разработчиком игрового программного обеспечения «Hutchinson 3G UK». Предметом соглашения стал выпуск двух миллионов мобильных телефонов с уже встроенной ссылкой на мобильное казино «Ladyluck» («Госпожа Удача»). Ссылка будет размещена в виде значка в разделе «Игры» или «Приложения». Первые телефоны поступят в продажу уже в июне 2008 года [4].

Чаще всего, владельцы интернет-казино привлекают все новых посетителей, оперируя следующим:

- Возможность играть в любом месте (дома, на работе, на учебе) — необходим лишь доступ в Интернет.
- Огромный выбор игр.
- Темп игры. В онлайн-казино темп игры выше — раздачи и действия игроков происходят быстрее.
- В некоторые реальные казино вход платный — в Интернет вы платите только за трафик¹.

¹ Трафик (от англ. traffic — уличное движение) — объем данных в килобайтах, проходящий через сервер за определенный период времени. Различают: — входящий трафик данных, получаемых сервером;

- Всевозможные бонусы, призы, подарки. К разновидностям бонусов можно отнести бонус на первый депозит, добавленный процент ко всем депозитам, различные лотереи, розыгрыши, подарки и персональные бонусы ко дню рождения. Практикуется «раздача» бонусов за привлечение друзей и знакомых. Бонусные очки могут начисляться и за активную игру в казино.

- Интернет-казино привлекает возможностью сыграть «на интерес», просто ради игры или чтобы лучше понять правила игры, при этом предоставляет денежные бонусы, что влечет за собой желание игрока сыграть на реальные деньги. Зарегистрировавшись в онлайн-казино, вы можете открыть счет (в зависимости от статуса — гостевой или реальный) и совершать операции ввода-вывода денег. Также именно на этот счет вам будут переводить бонусы. Гостевые счета существуют лишь для «игровых» денег, поскольку играете вы лишь для удовольствия. Если вам перечислили бонус, вам придется сначала его «отработать» — сделать ставок на какую-то заранее оговоренную сумму (в зависимости от размера бонуса). Ввод платежей в Интернет-казино осуществляется с помощью кредитной карты или альтернативными способами: через банк или с помощью электронных платежных систем. Точно также осуществляется и вывод денег из казино.

- В Интернет круглосуточный режим работы.

- Анонимность.

По оценкам компании Merrill Lynch, в 2003 году в интернет-казино играли около 37 млн. человек, оборот сетевых игорных домов составил \$73 млрд. К 2005 году число игроков выросло до 500 млн.

По оценкам экспертов, в выигрыше находится лишь малая часть от всех иг-

роков — не более десяти процентов. А это значит, что стабильно проигрывает от 90 до 95% играющих, а примерное соотношение успешного игрока к проигрывающему составляет один к двадцати.

Это соотношение стабильное, а если оно и меняется, то не в пользу игроков. В онлайн-игре обычно проигрывают от 1:10 до 1:20 от всей играющей аудитории. Особенностью Интернет-игры является более быстрый ее темп, так что и проигрывать неумелый игрок будет гораздо быстрее, нежели играя в реальном казино. Кроме того, быстрее и психологически проще кликнуть мышкой на ставку, нежели собственноручно двигать фишки по столу. Время на раздумья над ходом значительно сокращается. К тому же игрок не видит своих соперников и не может оценить их реакцию.

В этом и кроются «подводные камни» онлайн-игры для начинающих игроков.

В интернет-казино гораздо проще ошибиться — никто не увидит ошибки, но и игрок в свою очередь может не понять, когда он ошибся и ошибался ли вообще. Следовательно, страх сделать неверный ход в глазах других людей в виртуальной игре гораздо меньше.

Ниже представлены данные отчета о проведенном исследовании среди игроков онлайн в 2007 году организацией eCOGRA (e-Commerce Online Gaming Regulations and Assurance) — крупнейшей некоммерческой независимой организацией, осуществляющей надзор над онлайн-казино с целью регулирования и контроля честности игры и обслуживания игроков. Отчет затрагивает не только игроков в казино, но и покерных игроков. Исследованием было охвачено 96 стран, в опросах принимало участие более 10 тысяч игроков казино и покера. В отчете изложены факты и интерпретации, в частности, предпринята попытка объяснить, как и по каким причинам люди играют, в чем различие между игроками, и многое другое. Согласно этому опросу, типичный

— исходящий трафик данных, отправляемых сервером.

В компьютерной технике — объем информации или поток информации, передаваемой по сети.

игрок интернет-казино вероятно (% от всех игроков):

- женского пола (54,8%);
- в возрасте 46–55 (29,5%);
- играет 2–3 раза в неделю (37%);
- играет в течение 2–3 лет (22,4%);
- играет от 1 до 2 часов за сессию (26,5%);
- проигрывает \$30–\$60 (18,1%) за сессию;

Что касается именно игр в казино, игровые сессии у мужчин и женщин как правило различаются. Женщины играют более часто и долго, но тратят на это меньше денег, нежели мужчины. Мужчины играют реже и не так долго, однако они тратят больше денег. Пока мы не можем подтвердить или опровергнуть, было ли это следствием различия в доходах (информация о доходах игроков не была собрана), это было совместимо с предположениями Lesieur'a (1988), касающихся межполовых различий в мотивациях для игры. Например, игра мужчин для эмоционального возбуждения согласуется с короткими, рисковыми игровыми сессиями, в то время как женщины предпочитают стратегию убегания от проблем или расслабления посредством гемблинга, что согласуется с более длинными и менее рисковыми игровыми сессиями.

Наиболее важные вещи, которые люди хотели от интернет-казино, имели отношение к финансам и безопасности (например: хорошие бонусы — 76,2%, разнообразие игр — 62%, способы депозита — 56,8%, и серьезная репутация — 56,8%) которые оказались более важными, чем внешние свойства, такие как звуковые эффекты (10%), лицензии (4,7%) и музыка (4,5%). Наиболее важная вещь для игроков казино — это бонус. Игроки предпочитают бонусы по трем причинам:

1) Бонусы могут увеличить шансы игроков на выигрыш. Некоторые участники опроса утверждали, что использование бонусов должным образом может изме-

нить преимущество казино на положительное, имея в виду, что игрок может получить прибыль с помощью бонуса. Например, если игра имеет гарантированную выплату 97%, некоторые игроки заявляли, что они могут увеличить процент выплат игры (более 100%) за счет грамотного использования бонусов.

2) Использование бонусов увеличивает продолжительность игры. Результат этого опроса показывает, что для многих людей выигранные деньги — вторичный фактор, и что игра для удовольствия более важна. Многие бонусы (loyalty points) предполагают, что игроки смогут играть дольше за те же деньги.

3) Также имеется недоказанное предположение, что игроки увлечены идеей получить что-то за ничего (исследование Parke and Griffiths, 2006) и, следовательно, бонусы — это идеальный стимул игроков в интернете.

Базовая информация относительно мотиваций игры в онлайн была собрана среди игроков интернет-казино и покерных игроков. Всего было предложено 6 мотиваций, и основание было найдено для большинства из них, за исключением социальной мотивации:

- 1) расслабление;
- 2) эмоциональное возбуждение;
- 3) отвлечение;
- 4) финансы;
- 5) «побег от проблем»;
- 6) социальные контакты.

Как следствие, мотивация для игры в интернете кажется многогранным явлением. Люди, вовлеченные в онлайн-гемблинг, не стремились использовать игру как способ общения с уже существующими друзьями или заводить новые знакомства. Возможно, это объясняет растущую популярность различных форумов. Дело может быть в том, что игроки предпочитают сосредотачиваться на их собственной игре (особенно если игры требуют определенных навыков) и оставлять общение на другое время (например, об-

щаться на форумах вне игровой ситуации). Следовательно, игровой опыт, кажется, вовлекает аспекты внеигровой деятельности, такие как обмен знаниями и приобретение опыта, общение в целом и обзор покерных раздач.

В общем, покерные игроки, по сравнению с игроками казино более нацелены на финансовый успех (выигрывать больше или проигрывать меньше). Меньше трети игроков заявили, что ежемесячно проигрывают деньги, и вдвое больше игроков в интернет-казино заявило, что они теряют больше денег, чем выигрывают. Попытка построить модель, которая предсказывала, кто имел финансовый успех в интернет-казино, полностью провалилась. Это — вероятно результат широкого диапазона факторов, которые могут влиять на долгосрочный финансовый результат от ставок в казино, и также, потому что игрок более ограничен в том, как они влияют на результат игры казино, особенно азартные игры. Однако, несмотря на это, исследование оказалось в состоянии подтвердить некоторые серьезные предпосылки для финансового успеха в интернет-казино.

Факторы прогнозирования (факторы, которые позволяют предопределять, прогнозировать) предполагаемый ежемесячный финансовый результат (казино).

Можно утверждать, что некоторые факторы имеют значительное влияние на то, сколько игроков заявляют о выигрыше или проигрыше в интернет-казино. Они приведены ниже.

Игроки, выигрывающими больше или теряющими меньше денег во время игры в интернет-казино были:

- мужского пола;
- играющие ради прибыли, по социальным причинам или для отдыха;
- игроки, не гонящиеся за проигрышем (игроки, которые не пытаются отыграться после проигрыша, не начинают ставить больше и делать более рискованные ставки).

Игроки, теряющие больше или выигрывающие меньше денег в интернет-казино, были:

- женского пола;
- играющие ради эмоционального возбуждения, что бы побороть скуку или отвлечься на что-то другое;
- те, кто гонится за проигрышем.

Факт, что гонка за проигрышем была одним из ключевых условий увеличения размеров финансовых потерь, не должен быть неожиданным. Когда игрок пытается отыграться, мотивация меняется с развлечения на попытку восстановить самоуважение и возместить потери. Более того, поведение игрока меняется, и он начинает ставить более безрассудно. Следовательно, игроки будут играть большими ставками, и делать ставки чаще в попытке отыграться. Понятно, что это будет помещать игрока за пределы его приемлемой финансовой зоны.

Что касается мотивации, то игроки, которые теряли больше денег в интернет-казино, играли в основном для эмоционального возбуждения, что бы избавиться от скуки или «сбежать» от проблем, в то время как те, кто достиг финансового успеха, играли в основном из-за денег или чтобы расслабиться. Вследствие этого, игроки могут не полностью осознавать финансовые последствия их действий. Также игроки, которые играют, чтобы «сбежать», обычно имеют проблемы в своей жизни. Волнение как мотивация, приводящая к финансовой неудачной игре, может также иметь интуитивный смысл, поскольку уровень возбуждения имеет тенденцию быть выше, когда больше зависимости от результата, то есть выигрыш существенно выше или последствия проигрыша более серьезные. Будущее исследование должно разделить игру для забавы и развлечения, и игру для эмоционального возбуждения, поскольку они достаточно разные в контексте онлайн-гемблинга. До тех пор, пока взаимосвязь между игрой от скуки, и небольшим фи-

нансовым результатом в некоторой степени неясна, необходимы дополнительные исследования в области игры от скуки в контексте гемблинга. Необходимы исследования, чтобы очертить отношения между азартной игрой по финансовым причинам и его положительным связью с финансовым результатом. При нормальных условиях, гемблинг более позиционируется как досуг, чем способ зарабатывания денег. Тем не менее, более высокий уровень финансовой мотивации может означать более строгое следование хорошей стратегии в некоторых играх (например, блэк-джек). Также играющие больше из-за денег, преимущественно используют бонусы, что бы минимизировать преимущество казино [2].

К сожалению, подобных крупномасштабных исследований онлайн-игроков в России не проводилось. Неизвестно сколько процентов российского населения увлекается азартными играми в Интернет, неизвестен и процент зависимых людей. Как правило, по аналогии с зарубежными исследованиями, называется цифра в 5% от всего населения.

В наших исследованиях была предпринята попытка проанализировать состояния сознания игрока виртуального казино с точки зрения их измененности во время игры. Мы опирались на признаки измененных состояний сознания, описанных в работах В.В.Козлова [1]. Проведен сравнительный анализ состояний сознания игроков-интересующихся и гемблинг-зависимых игроков с точки зрения их влияния на личностные характеристики.

В результате исследований мы пришли к следующим выводам:

1. Азартная игра способствует индукции ИСС. Большая часть игроков (83% опрошенных) подвержена изменениям состояния сознания во время игры;

2. ИСС во время игры обладают следующими свойствами:

– **трансценденция Эго** — во время игры сам действующий субъект исчеза-

ет, то есть «чувство себя», «Я-ковость», самосознание и самоидентичность теряется.

В процессе игры человек настолько вовлекается, погружается в то, что он делает, что у него исчезает осознание себя как чего-то отделенного от совершаемых им действий.

В процессе игры возникает единая когнитивно-ментальная структура сознания человека, которая, растворяя «Я» в деятельности, растворяет деятельность в «Я».

В результате трансцендирования (выхода за пределы своего «Я») происходят существенные изменения в ценностно-смысловой сфере личности.

В этом состоянии человек может привносить трансцендентный смысл во внешнюю реальность, и может извлекать его оттуда.

– **Трансценденция пространства** — индифферентное отношение к качественным характеристикам пространства, их трансформация или полная отрешенность от этих качеств. Данный признак отмечает 66% респондентов.

Основным механизмом возникновения этого феномена является трансформация объективного пространства среды в субъективный предметный мир личности.

Мы можем рассматривать этот феномен в трех аспектах:

Во-первых — индифферентность по отношению к физическим характеристикам пространства. Во время игры личность перестает замечать такие важные параметры как эстетические характеристики (красиво-безобразно) и все образные переменные, которые находятся за пределами деятельностной активности, звуко-шумовые характеристики (человек как бы перестает слышать), температурные (тепло-холодно), обонятельные, вкусовые и даже степень удобства (комфорт-дискомфорт, удобно-неудобно).

Во-вторых, трансценденция социальных характеристик пространства: теряет-

ся половая (мужчина-женщина), интеллектуальная (умный-глупый), эстетическая (красота-безобразность), социально-иерархическая (крупный начальник-подчиненный, богатый-бедный) значимость других людей.

В-третьих, происходит сужение стимульного поля восприятия пространства до значимых, референтных, обеспечивающих деятельность переменных.

– **Трансценденция времени** — искажение восприятия времени во время игры, когда человек теряет адекватное чувство времени. В основном возникает феномен искажения временных промежутков в сторону их сокращения (час как несколько минут, день как час) или возникает аутизация такого уровня, когда восприятие времени полностью исчезает и личность «обнаруживает себя» во временном промежутке — «уже утро оказывается».

Искажение восприятия времени связано с аутизацией сенсорных систем (в том числе кинестетической и слуховой), которые играют самую важную роль при точном различении промежутков времени). Феномен также связан с подавлением таких психофизиологических механизмов восприятия времени, каковыми являются разноуровневые биологические ритмы, связанные с удовлетворением биологических потребностей.

Трансценденция времени, искажение базовых его переменных (длительность, скорость протекания и последовательность) в игровом потоке обусловлены, таким образом, психофизиологическими механизмами. Но нам бы хотелось сделать некоторые дополнения, которые продиктованы нашим исследовательским опытом:

а) Искажение восприятия длительности временных периодов существенно зависит от «поглощенности» деятельностью. Интеграция мира, который находится в человеке (психосемантический предметный мир), и мира, в котором на-

ходится и действует человек (предметная физическая среда) в игровом процессе приводит к ситуации, когда привычные способы картирования времени подавляются. Это подавление привычных механизмов структурирования времени приводит к искажению его восприятия.

б) В игровом акте нивелируется граница между объектом и субъектом, между тем, что есть (предметная среда) и тем, что есть для субъекта (индивидуальное психосемантическое пространство). Игра происходит в полном присутствии в «здесь и сейчас», растворении личности в происходящем процессе. Это некий аналог архаического восприятия реальности (презентизм первобытного мышления), когда мир распаковывается в ежесекундном присутствии. «Между секундами есть брешь, которая называется вечностью» (Козлов, 1993).

в) Третьим дополнительным истоком трансценденции времени являются особые эмоциональные состояния, которые возникают в ходе игровой деятельности. Выигрыши и проигрыши наполнены чрезвычайно неординарными эмоциями. Они многообразны: восторг, экстаз или инстаз, трепет, таинственность, ликования, наслаждения процессом деятельности, радости бытия, злость, досада, ненависть, обида.

Выигрыш дает ощущение могущества, удовлетворения всех желаний, жизнь кажется более привлекательной. Появляются желание вновь пережить эти приятные ощущения и необоснованный оптимизм ожидаемого выигрыша, а проигрыш лишь стимулирует стремление к игре.

Механизм нашего запоминания таков, что из памяти стираются негативные воспоминания, а позитивные, подкрепленные положительными эмоциями, остаются. У человека в памяти откладываются именно немногочисленные выигрышные ситуации. Это характерно для всех игр, от покера и преферанса до рулетки и иг-

ровых автоматов. Автомат «подкрепляет» выигрыш морганием разноцветных лампочек, приятными звуковыми сигналами, звоном жетонов о металлический поддон, воздействуя сразу на органы и зрения, и слуха. При проигрыше все гораздо скромнее — автомат безмолвен.

Атмосфера казино и игровых залов прямо направлена на то, чтобы человек забыл о времени. Вечный праздник, различные шоу-программы, бесплатные напитки и закуски служат для привлечения посетителей, помогают ему забыть о делах, времени, своих деньгах, потерять себя в этом карнавале.

– **Трансперсональность** — в результате трансцендирования Эго происходит замещение этого смыслового пространства идентификаций надличностной феноменологией. Так игрок становится «верующим» в удачу, везение, фарт.

Феноменология трансперсональности проецируется на замкнутое пространство игрового процесса. Человек становится управляемым игрой. Ресурсное состояние жестко ассоциировано переживанием функции трансцендентного субъекта, которому истина дана «как на ладони» и мир открыт и сущностно понятен. Но при этом не по твоей воле, а по «Его». Если игра «идет», то она «боговдохновенна». Как мы уже указывали выше, ресурсное состояние сознания — это экстатическое или инстатическое состояние, «захватывающее» человека. В этом состоянии доминирует мотивационно-эмоциональная сфера мышления, а не рационально-логический интеллект.

3. ИСС оказывают избирательное влияние на качества личности:

Игроки, с выраженными показателями ИСС во время игры, демонстрируют более высокий показатель тревожности (и личностной, и ситуативной), ухудшается способность к прогнозированию жизненных событий и ситуаций и личностно-ситуативная составляющая антиципации у

гемблеров, наблюдается тенденция к общей экстернальности локуса контроля волевой деятельности у патологических игроков.

Анализ законодательных актов по вопросам организации, лицензирования и контроля электронных игорных заведений свидетельствует о несовершенстве проводимой политики в этой области у нас в стране.

Степень разработанности проблемы гемблинга в современной науке, способов профилактики и лечения игровой зависимости вскрывает важность более глубоких исследований в данной области, консолидации различных областей знания по данному вопросу, а также необходимость государственного регулирования деятельности игорных заведений. Необходимо находить общий язык с ассоциацией игорного бизнеса у нас в стране, и совместно выводить его на другой качественно новый уровень. От этого будет зависеть степень распространенности гемблинга в РФ, а также возможности лечения и реабилитации гемблинг-аддиктов.

Литература

1. Козлов В.В. Творчество как состояние сознания: значимые свойства // Человек. Власть. Общество. Научные труды VI Азиатско-Тихоокеанского Международного конгресса психологов 12–16 мая 2008 года. — Токио, Хабаровск. С. 112–123.

2. Отчет по проведенному исследованию установок и поведения игроков виртуальных казино. Электронная версия: www.ecogra.org/Downloads/eCOGRA_Global_Online_Gambler_Report.pdf

3. Kimberly, S. (1998). Young, Caught in the Net: How to Recognize the Signs of Internet Addiction and a Winning Strategy for Recovery, 1st edition. — NY: John Wiley & Sons, Inc. P. 256.

4. <http://all-games.ru>

Матюшкова С.Д.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Одной из важнейших целей современной системы воспитания и образования в условиях реформирования является подготовка детей к успешному построению своей жизни в сложном мире, что зависит от умения налаживать коммуникативные связи и отношения, в том числе и между различными полами. Постепенно пришло понимание насколько важно для подрастающего поколения знания в сфере взаимоотношений женщин и мужчин. До сих пор, ведутся дискуссии о роли школы и семьи в данном процессе.

Поддержка педагогами процесса формирования гендерной культуры может оказать позитивное влияние на формирование у молодого поколения, только вступающего в самостоятельную жизнь, взглядов, содействующих усилению женского влиянию и выравниванию возможностей в допуске мужчин и женщин к основным ресурсам общества. Данная проблема за-

трагивает не только формирование среды, подготовленной к восприятию гендерного знания, но и транслирования существующих концепций в обновленном виде.

Однако возникает сомнение, можем ли мы ожидать от учителей поддержки политики равенства? Так как с одной стороны, по мнению Н.Осетровой, находится феминизация учительской профессии, высокий уровень образования и правосознания педагогов, профессиональный и жизненный опыт; с другой — традиционализм и консерватизм, низкий статус учительской профессии — факторы, которые плохо сочетаются с институтами и ценностями, благоприятствующими поддержке политики равенства полов и защите ее идеалов [1].

Результаты опроса проведенного среди социальных педагогов на курсах повышения квалификации в УО «ВОГИПК и ПРР и СО» показали, что у 19% рес-

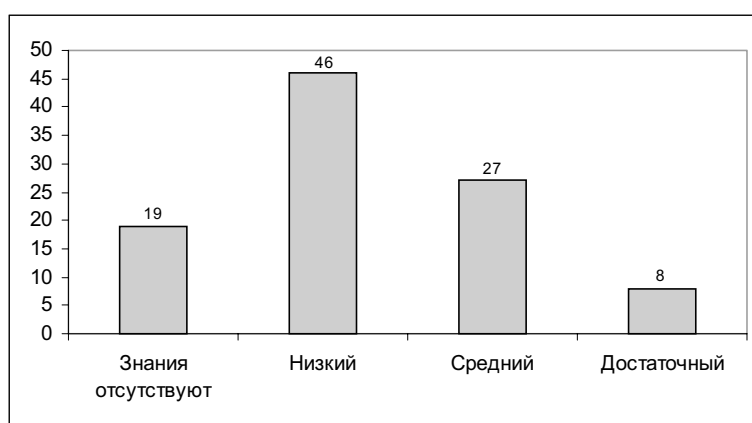

Диаграмма 1. Уровень гендерных знаний слушателей курсов повышения квалификации

пондентов гендерные знания отсутствуют, у 46% — низкий уровень гендерных знаний, у 27% — средний, у 8% — достаточный (диаграмма 1).

Для выбора технологий преподавания курсов, позволяющих формировать гендерную культуру, необходимо уметь давать оценку готовности учащихся к восприятию данной информации. Важно заранее выяснить, знакома ли аудитория с гендерными понятиями. В любом случае необходимо первое время посвятить обсуждению основных понятий гендерной теории.

Распространение гендерных знаний может осуществляться по нескольким направлениям. В первую очередь необходимо рассмотреть возможность включения в учебные планы дисциплин по гендерной проблематике. Это может быть Гендерология и др.

Второе, это включение материала по гендерным проблемам в содержание учебных программ следующих дисциплин: Человек. Общество. Государство, Мировая и художественная культура, Русский язык и литература, Белорусский язык и литература, История и др.

Не смотря на распространение гендерных идей в нашем обществе, гендерный анализ учебного пособия «Человек. Об-

щество. Государство» для 8–11 класса общеобразовательной школы показал следующее:

– количество графических изображений мужского пола в учебном пособии преобладает и составляет 39% (диаграмма 2);

– количество графических изображений женского пола составляет всего лишь 9%;

– количество графических изображений совместного и нейтрального характера 32% и 20% соответственно;

– количество имен, встречающихся в самом тексте, распределилось в следующем порядке: мужские имена — 98%, женские имена — 2% (диаграмма 3).

Третье, это могут быть специальные гендерные курсы. В России есть опыт проведения специализированных гендерных курсов для старшеклассников. Примером является курс «Гендер, общество, культура», разработанный И.А.Тупицыной совместно с И.С.Клециной, кандидатом психологических наук, руководителем Лаборатории гендерной психологии при Институте практической психологии СЗО РАО. Базовый курс состоит из 15 учебных часов и включает в себя несколько тематических блоков: права человека, гендерные стереотипы, общение,

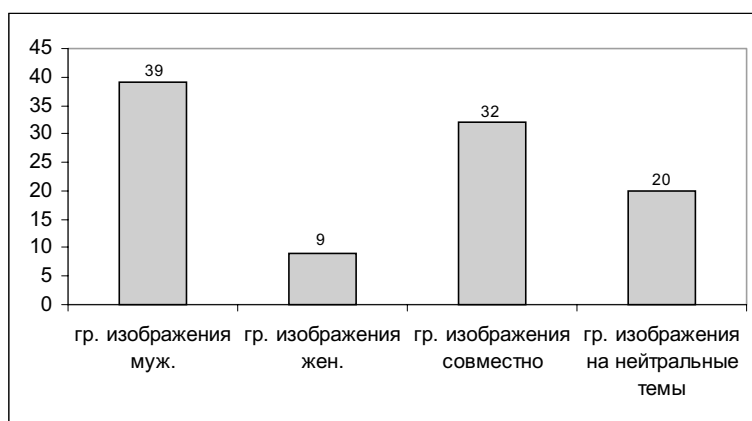

Диаграмма 2: Анализ графических изображений в учебном пособии «Человек. Общество. Государство»

Диаграмма 3. Соотношение мужских и женских имен в тексте учебного пособия «Человек. Общество. Государство»

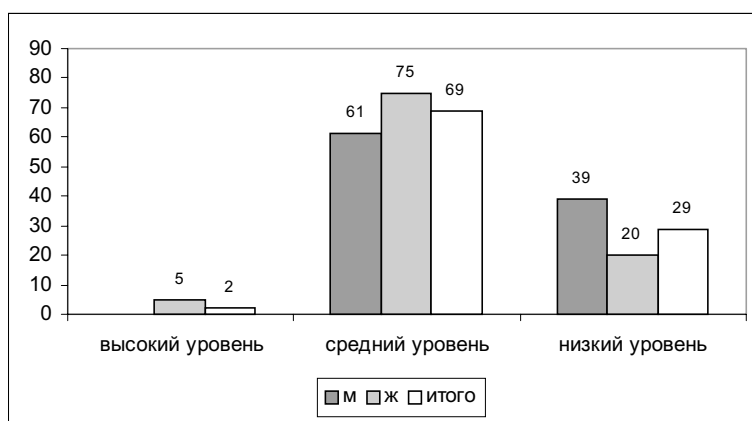

Диаграмма 4. Уровень сформированности гендерной культуры старшеклассников

правовое просвещение, перспективы гендерного равенства.

Достоинством курса является использование разнообразных форм, такие как дискуссии, проекты, «большие» психологические игры и др. Однако, по нашему мнению, авторы предлагают большое количество часов ходе реализации возникнет проблема нахождения дополнительного времени у старшеклассников и предложенный материал может дублировать уже существующие спецкурсы, например, «Права человека» и др.

Наше исследование показало, что 29% опрошенных старшеклассников имеют низкий уровень сформированности ген-

дерной культуры, в том числе 20% девочки и 39% мальчики; средний уровень сформированности — 69%, в том числе 75% девочки и 61% мальчики; 2% наблюдается высокий уровень сформированности гендерной культуры, в том числе 5% девочки (диаграмма 4).

Анализ полученных результатов указывает на то, что уровень сформированности гендерной культуры у старшеклассников проявляется в довольно широком диапазоне: от низкого уровня до высокого. Общий коэффициент сформированности гендерной культуры старшеклассников (ГКср) составил 2,75 баллов, что указывает на средний уровень сформирован-

ности гендерной культуры. Причем у девочек коэффициент сформированности гендерной культуры на 0,28 выше, чем у мальчиков (таблица 1).

Таблица 1.

Общий коэффициент сформированности гендерной культуры старшеклассников

	Девочки	Мальчики	Общий
ГКср	2,88	2,6	2,75

Можно сделать вывод о необходимости повышения уровня гендерной культуры старшеклассников, что можно осуществить в процессе гендерного воспитания в школе и семье.

При разработке модели формирования гендерной культуры старшеклассников нами было предложено введение спецкурса «Основы гендерной культуры». Почти все традиционно считающиеся «естественными» различия между полами имеют под собой не биологические, а социальные основания. Эти различия конструируются в обществе через воздействие социальных институтов, норм и культурных установок. При этом с точки зрения гендерной теории не так важен сам факт различий (биологических и социальных), как их социокультурная оценка и интерпретация. Поэтому материал спецкурса дает возможность взглянуть по-другому на себя, окружающих, осознать, какую роль мы выполняем в обществе.

Спецкурс способствует повышению уровня гендерной культуры учащихся. Решение задач, которые формулируются в рамках курса, позволяет учащимся ознакомиться с основными понятиями гендерной культуры (гендер, гендерная культура, гендерные роли, гендерные стереотипы, гендерная идентификация, гендерная социализация, дискриминация по признаку пола и др.), научиться распознавать

примеры проявления гендерных стереотипов, дискриминации по признаку пола, гендерной несправедливости и неравенства и др. осознать опыт трансляции гендерных стереотипов и закрепления дискриминации по признаку пола, осознание источников собственных гендерных стереотипов и успешного противостояния дискриминации, осуществлять гендерный анализ и интерпретировать статические данные и результаты социологических исследований по проблематике курса и т.д. Спецкурс может быть рассчитан на 8 часов и предполагает проведение семинаров с элементами тренинга с использованием интерактивных методов. Материалы курса могут быть использованы в полном объеме или частично для классных часов. Итогом данного спецкурса может быть творческая работа в виде эссе по предложенной теме социальным педагогом или старшеклассниками. Исследовательское задание выполняется группой учащихся 5–6 человек. Отчет оформляется в свободной форме с творческим подходом (коллаж, плакат, газета и т.д.). Защита осуществляется на последнем итоговом занятии.

Данная программа является экспериментальной и предполагает дальнейшую работу.

Основные темы спецкурса «Основы гендерной культуры»:

Тема 1: Введение в курс. Основы гендерной теории.

Тема 2: Гендерная культура как одно из направлений нравственной культуры.

Тема 3: Гендерные роли и их многообразие.

Тема 4: Гендерные стереотипы и развитие индивидуальности.

Тема 5: Гендерные отношения и их характеристика.

Тема 6: Семья как один из источников гендерной социализации.

Тема 7: Средства массовой информации и их роль в формировании гендерной культуры.

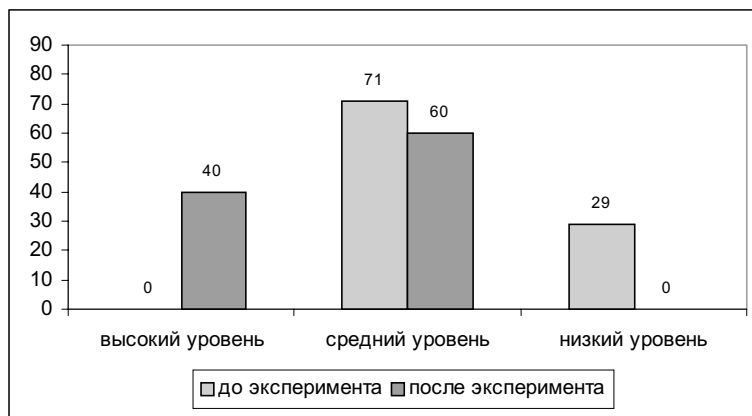

Диаграмма 5. Уровень сформированности гендерной культуры у старшеклассников (экспериментальная группа)

Предполагаемые задания для исследования:

1. Формирование гендера в семье, в школе, на улице, в магазине, в спортзале, в бассейне и в других местах (на выбор). Пронаблюдайте за тем, как люди формируют гендер, не осознавая этого. Подготовьте отчет о своих наблюдениях. Сделайте вывод.

2. Представление о семье будущего. Поговорите со своими друзьями о том, как они представляют семью будущего.

3. Идеал семейных отношений. Поговорите со своими друзьями, родителями (или другими взрослыми) об их идеале семейных отношений. Сравните представления родителей и ваших сверстников.

4. Представления мальчиков и девочек о будущей профессии. Поговорите со своими друзьями об их представлениях о будущей профессии.

5. Провести интервью с женщиной и мужчиной, занимающих руководящую должность.

После внедрения спецкурса в учебно-воспитательный процесс были выявлены значительные изменения в экспериментальной группе по сравнению с контрольной группой, где специальная работа не

проводилась. Низкий уровень сформированности гендерной культуры не был выявлен у старшеклассников экспериментальной группы; средний уровень сформированности — у 60%, в том числе 63% девочки и 53% мальчики; у 40% наблюдается высокий уровень сформированности гендерной культуры, в том числе 37% девочки и 47% мальчики (диаграмма 5).

В начале анализа уровня гендерной культуры старшеклассников было сформулировано предположение, что распределения учащихся по уровням проявления признака в контрольной и экспериментальной группе до начала эксперимента одинаково, после эксперимента различное. Для определения достоверности совпадений и различий в уровне сформированности гендерной культуры старшеклассников мы использовали критерий однородности χ^2 . В нашем случае используется порядковая шкала с L различными баллами. Характеристикой группы будет число ее членов, набравших тот или иной балл. Для экспериментальной группы вектор баллов есть $n = (n_1, n_2, \dots, n_l)$, где n_k — число членов экспериментальной группы, получивших k -й балл, $k = 1, 2, \dots, L$. Для контрольной группы вектор баллов есть $m = (m_1, m_2, \dots, m_l)$.

Где m_k — число членов контрольной группы, получивших k -й балл, $k = 1, 2, \dots, L$. В нашем случае $L = 4$ — «очень низкий», «низкий», «средний», «высокий».

Критические значения $\chi^2_{0,05}$ критерия χ^2 для уровня значимости 0,05 приведены в таблице 2.

Уровень гендерной культуры старшеклассников рассматривалось на четырех уровнях $L = 4$. Следовательно, получаем для $L = 1 = 3$: $\chi^2_{0,05} = 7,82$. Сравнения характеристик экспериментальной и контрольной группы до начала и после эксперимента — $\chi_{эмп} = 0,34$ (7,82). Итак, все эмпирические значения критерия χ^2 , кроме результата $\chi_{эмп} = 21,13$ сравнения экспериментальной и контрольной групп после окончания эксперимента, меньше критического значения.

Следовательно, характеристики всех сравниваемых выборок, кроме экспериментальной и контрольной после окончания эксперимента, совпадают с уровнем значимости 0,05. Так как $\chi_{эмп} = 21,13 > 7,82 = \chi^2_{0,05}$, то достоверность различий характеристик экспериментальной и контрольной групп после окончания эксперимента составляет 95%.

Итак, начальные состояния экспериментальной и контрольной групп совпадают, а конечные — различаются. Следовательно, можно сделать вывод, что эффект изменений обусловлен применением экспериментального курса «Основы гендерной культуры». Повышение уровня сформированности гендерной культуры старшеклассников наиболее ярко наблюдается в экспериментальной группе, и высокий уровень вырос до 40%, в контрольной группе остался на прежнем уровне.

Сравнительный анализ начального и заключительного этапов диагностики в контрольных и экспериментальных группах позволил установить рост сформированности гендерной культуры. Так, например, средний коэффициент сформированности гендерной культуры старшеклассников контрольной группе до начала и после эксперимента не изменяется, а в экспериментальной группе вырос на 0,46 (таблица 3).

Четвертое, участие учащихся в исследовательской работе по рассматриваемой проблематике. Защиту исследовательских проектов можно представить на ежегодных ученических конференциях.

Несомненно, в процессе гендерного воспитания в школе должны принимать участие весь педагогический коллектив. Например, деятельность социального педагога по формированию гендерной культуры может осуществляться по нескольким направлениям: диагностическое, просветительское.

Диагностическое:

- выявление гендерных представлений всех участников учебно-воспитательного процесса;
- диагностика сформированности гендерной культуры;
- выявление собственных гендерных стереотипов и их влияния на различные сферы жизни.

Просветительское:

- предоставление информации о гендере как о социокультурном феномене конструирования социального пола, о возникновении и закреплении гендерных стереотипов, о дискриминации по признаку пола;

Таблица 2.

Критические значения критерия χ^2 для уровня значимости $\alpha = 0,05$

$L-1$	1	2	3	4	5	6	7	8	9
$\chi^2_{0,05}$	3,84	5,99	7,82	9,49	11,07	12,59	14,07	15,52	16,92

Таблица 3.
Общий коэффициент сформированности гендерной культуры старшеклассников

	контрольная группа до начала эксперимента	контрольная группа после окончания эксперимента	экспериментальная группа до начала эксперимента	экспериментальная группа после окончания эксперимента
ГКср	2,7	2,7	2,74	3,2

– формирование адекватных представлений о мужественности и женственности, об эгалитарных (равноправных) взаимоотношениях между мальчиками и девочками, юношами и девушками, мужчинами и женщинами,

– формировать стремление к взаимопониманию, внимательному отношению и заботе друг о друге во взаимоотношениях между мальчиками и девочками, юношами и девушками, мужчинами и женщинами,

– формировать умения конструктивно сотрудничать с людьми, не теряя своей гендерной идентичности, и не нарушая гендерной идентичности других;

– самоидентификация мужчин и женщин наряду с соблюдением равенства прав мужчин и женщин.

В своей статье мы рассмотрели только особенности формирования гендерной культуры в условиях среднего образования. Важно чтобы учащиеся могли:

– давать оценку личностным, духовным, нравственным качествам своему и противоположному полу;

– четко различать качества, необходимые для взаимодействия между противоположным полом в школе, на работе, в семье, в компании друзей;

– адекватно воспринимать мужской и женский пол, их физиологические, психологические, эмоциональные особенности, которые формируются в процессе гендерной социализации;

– быть ответственными во взаимоотношениях между полами.

Очевидно, что роль семьи в данном процессе также значима и требует отдельного изучения.

Литература

1. Гендерное просвещение: вопросы и тексты для дискуссий // Международный фонд социально-экономических и политических исследований (Горбачев фонд), Институт социально-экономических проблем РАН. — М., 2005. С. 304.

2. Человек. Общество. Государство: В 4 кн. Кн. 1. Мой мир: Учеб. пособие для 8 класса общеобразов. шк. с рус. яз. обучения / Под ред. Ю.А.Харина. — Мн.: Нар. Асвета, 1999. 206 с.

3. Человек. Общество. Государство: В 4 кн. Кн. 2. Мир людей: Учеб. пособие для 9 класса общеобразов. шк. с рус. яз. обучения / Под ред. Ю.А.Харина. — Мн.: Нар. Асвета, 2000. 239 с.

4. Человек. Общество. Государство: В 4 кн. Кн. 3. Мир социального действия: Учеб. пособие для 10 класса общеобразов. шк. с рус. яз. обучения / Под ред. Ю.А.Харина. — Мн.: Нар. Асвета, 2001. 272 с.

5. Человек. Общество. Государство: В 4 кн. Кн. 4. Человек в мире культуры: Учеб. пособие для 11 класса общеобразов. шк. с рус. яз. обучения / Под ред. Ю.А.Харина. — Мн.: Нар. Асвета, 2002. 191 с.

Радина Н.К.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ СНГ В ГЕРМАНИЮ)

В социально-психологических исследованиях проблемы аккультурации мигрантов и анализ различных сопутствующих данному процессу психологических феноменов оказались в фокусе научных изысканий менее полувека. Это обусловило с одной стороны недостаточную разработанность проблемы, с другой стороны, появились определенные традиции, которые можно маркировать как наметившиеся границы психологического знания в этой области. Так, большинство исследований о проблемах миграции тяготеет к клинической психологии: как в западной, так и в отечественной психологии исследуются различные психические отклонения у мигрантов (стрессовые состояния, депрессивные симптомы, наркотизация и т.п.) [12].

Существуют также исследования, которые подвергают анализу социально-психологический «багаж» мигрантов, обеспечивающий более или менее успешное вхождение в иную культуру [8, 11].

Так, в процессе изучения взросления детей эмигрантов из России во Францию были рассмотрены и проблемы развития этнической идентичности, и вклад в этот процесс идеологических представлений (ценностей воспитания матерей из России, которые характеризуются авторами как советские) [2].

Признав вклад «культурного шока» (К.Оберг) в адаптационные проблемы мигрантов, психологи разработали ряд «помогающих» программ для различных

видов визитеров, путешествующих из страны в страну (программы, подготавливающие к межкультурному взаимодействию, программы, обеспечивающие психологическую помощь реальным участникам межкультурного взаимодействия) [4, 5, 8, 11, 12 и др.].

Вне всякого сомнения, представленная работа — как исследовательская, так и психотерапевтическая, адаптационная — имеет огромное значение с точки зрения психологической помощи мигрантам в контексте деятельности различных специализированных служб (социальных, педагогических, психологических, медицинских и т.п.), однако ее недостаточно для формулирования рекомендаций по оптимизации миграционной политики государства: по-прежнему статистика различных государств свидетельствует в пользу социальной незащищенности и неадаптированности различных групп мигрантов (как правило, речь идет о высоких процентах по наркомании, безработице, преступности в группах мигрантов) [8, 9, 10].

Наше исследование в связи с перечисленными выше проблемами было сосредоточено в области социально-психологических проблем ресоциализации и адаптации бывших «российских немцев», осуществивших в последние десятилетия переезд из СНГ в Германию.

Точкой отсчета начала эмиграции немцев из России исследователи называют разные сроки, начиная с отмены льгот при призыве в армию в 1884 году

(в связи с этим к 1900 г. в США выехало около 50 тыс. русских немцев, а в первые 15 лет XX в. еще 150 тысяч) [1].

В настоящий момент, насчитывая 1,4% населения России, немцы составили 5,6% российских эмигрантов.

С точки зрения немецкой конституции, переселение российских немцев в Германию является не иммиграцией, а репатриацией, то есть возвращением на родину. Именно поэтому немцы — переселенцы получают в течение первых недель немецкое гражданство и юридически ничем не отличаются от прочих немецких граждан. Однако в реальности, по своей культурной и ментальной сущности, эти немецкие переселенцы — классические иммигранты, обреченные на прохождение болезненных процессов социальной адаптации и интеграции.

Территориально наше исследование проходило в Северный Рейн-Вестфалии — земле Германии, где миграционные потоки наиболее сильны. Здесь проживает 2 миллиона человек без немецкого гражданства, при этом почти половина иностранцев остается на данной территории около 20 лет, внося реальный вклад в экономику Германии. Численность переселенцев из СНГ в Германию в данном районе составляет более чем 600 тысяч.

Последнее время все чаще иммиграция предстает как процесс, полезный для Германии не только экономически, но обогащающий ее социально и культурно, поэтому правительство земли предполагает поддерживать процесс иммиграции в будущем. Прежде иммиграция рассматривалась как временное пребывание мигранта на территории Германии, поэтому государство не было ориентировано на интеграцию иммигрантов в немецкое общество. «Новая иммиграция» представляется уже как процесс длительный, требующий интеграции снова и снова, на каждом новом этапе

социально-экономического развития иммигрантов. Новая парадигма иммиграции строится на том, что успех интеграции обеспечивается теперь не только самими иммигрантами, но и благодаря поддержке государства.

Поддержка государства особенно существенна по отношению к немцам-переселенцам из СНГ, благодаря которой переселенцы получают помощь и экономического, и социального характера. Постоянная рефлексия эффективности деятельности социальных служб Германии и потребность в более целенаправленной и адресной помощи позволили нам осуществить исследование, посвященное анализу ресоциализации и адаптации немцев-переселенцев, прибывших в Германию в последние годы (так называемых «поздних переселенцев»)¹.

Для определения круга проблем мы использовали глубинное интервью и групповые дискуссии, которые отчасти были построены по принципу фокус-групп (некоторые требования, сопряженные с проведением настоящих фокус-групп, были не соблюдены, например, участники групповой дискуссии знали друг друга до групповой дискуссии)².

Реализуя свой исследовательский проект, мы подвергли изучению следующие группы переселенцев:

- заключенные тюрем и тюремных наркологических клиник — переселенцы [7],

¹ Национальный состав «поздних переселенцев» неоднороден. Как правило, это дети и внуки от смешанных браков российских немцев с русскими, украинцами и т.д. Мужья и жены этих взрослых детей и внуков также не являются немцами. Неудивительно, что этническая идентичность поздних переселенцев диффузна и неопределенна, а семьи переселенцев считают себя «русскими» семьями. Фактически осуществляется не «этническая», а экономическая иммиграция.

² Данное исследование было проведено благодаря поддержке Земства Вестфалии-Липпе Земли Северный Рейн-Вестфалия.

- наркоманы-переселенцы, проходящие лечение в специализированных центрах [6],

- адаптированные переселенцы, проживающие на территории Германии более 5 лет,

- адаптированные переселенцы, проживающие на территории Германии около 2 лет,

- а также вновь прибывшие из России и Казахстана переселенцы, находящиеся в специализированных лагерях не более недели.

Кроме того были проведены экспертные интервью с социальными работниками служб для переселенцев, чиновниками, врачами и другими специалистами, работающими с данной категорией мигрантов по вопросам их адаптации.

В рамках данной статьи мы более подробно остановимся на анализе ресоциализации относительно адаптированных переселенцев, а также на том, какая помощь со стороны государства востребована ими на разных этапах адаптации и ресоциализации. Для этого проанализируем тексты интервью и групповых дискуссий, представляя как «видимые проблемы», о которых рассуждают участники исследования, так и «невидимые проблемы», идентифицированные нами путем сопоставления интервью переселенцев с интервью специалистов-экспертов.

1. «Видимые» и рефлекслируемые трудности адаптации и ресоциализации с точки зрения вновь прибывших переселенцев заключаются в следующем (по материалам интервью).

Языковые проблемы. Большинство немцев из СНГ приезжает в Германию с недостаточным знанием немецкого языка. По мнению преподавателей языковых курсов, более благополучная ситуация складывается у тех, кто молод и имеет высшее образование.

«Особенно от незнания языка страдают иностранцы. Только церковь может им предоставить языковые курсы. Нам тоже везде отказывали. Со мной приехал мой дядя, у него жена — иностранка считается (русская)» (Оксана, 28 лет, этническая немка, из России).

«Я в Казахстане курсы посещал. Но 2–3 часа в день по книжке, без общения — я так не могу. Перевести я все могу. А разговор — я не слышу» (Григорий, 45 лет, русский, женат на этнической немке, из Казахстана).

Страх безработицы. Проблема с работой — единственная проблема, которую предвосхищают переселенцы.

«Самой большой страх — найти работу. Это, я считаю, основная трудность» (Александр, 21 год, сын русского и этнической немки, из Казахстана).

Все проблемы остались в России (Казахстане). Самое распространенное мнение, что в Германии нет проблем или их решение не стоит усилий.

«Там (на родине) масса каких-то мелких проблем, которые не решаются. Например, те же походы к врачу. Здесь я с проблемами не сталкивался. Судя по тому, что я видел в гостях, здесь жизнь менее проблемная» (Андрей, 35 лет, этнический немец из России).

«Все проблемы остались в Казахстане. Здесь — хорошая жизнь» (Григорий, 45 лет, русский, женат на этнической немке, из Казахстана).

К «невидимым» переселенцами проблемами возможно отнести следующие.

Низкая информированность о жизни в Германии. Большинство переселенцев имеет недостаточное представление о Германии, о тех усилиях, которые им придется предпринять для того, чтобы успешно адаптироваться.

«Я до переезда в Германию не была. Мне трудно судить о том, как здесь будет. Новая страна, все новое. Если бы

мы были заранее готовы. Какие могут быть трудности — я даже сейчас, пожалуй, и не осознаю. Мои соседи по лагерю — евреи из Москвы. Они вообще в шоке. Они говорят: мы оформили документы, в течение года нам пришел вызов, мы приехали, и теперь не знаем, что делать» (Оксана, 28 лет, этническая немка, из России).

Низкий старт. Переселенцы имеют представления, согласно которым их «позвали» в Германию для лучшей жизни. В реальности существует много объективных и субъективных препятствий для социального продвижения, переселенцы имеют низкий старт.

«Мне также сказали, что мой диплом техникума не будет признан. Значит у меня образование — только средняя школа» (Оксана, 28 лет, этническая немка, из России).

Страх планировать будущее. Согласно своим первоначальным установкам, переселенцы предпочитают не задумываться о возможных проблемах в стране переезда. Они считают, что проблемы решатся сами собой, «все само сложится так, как надо».

«Мои планы пока касаются только ближайшего будущего» (Александр, 21 год, сын русского и этнической немки, из Казахстана).

Потребительская направленность (что даст Германия). Переселенцы приезжают для того, чтобы получить от Германии лучшие условия жизни (то есть в реальности имеет место скорее экономическая миграция). Они не предполагают, что страна прибытия также планирует получить пользу от переселенцев, не учитывают обусловленности переезда и ожиданий от них со стороны принимающей стороны.

«Здесь же — нормальная цивилизованная жизнь. Для меня это — возможность жить в хороших условиях, путешествовать, чтоб чисто было вокруг»

(Андрей, 35 лет, этнический немец из России).

«В Казахстане дети без будущего, а здесь они смогут получить образование, воспитание хорошее, работу» (Григорий, 45 лет, русский, женат на этнической немке, из Казахстана).

К ресурсам вновь прибывших переселенцев мы относим гибкость переселенцев, а также их готовность учиться или использовать другую активность для сохранения прежнего социального статуса.

«Если не смогу работать по специальности — могу переучиться. Я и в Казахстане не по специальности работал. Конечно, это не очень нравилось, но терпимо» (Григорий, 45 лет, русский, женат на этнической немке, из Казахстана).

«Я бы хотел работать в той же области, как и в России. В области связи. Конечно, хотелось бы попасть на свой уровень, как в России. В России у меня было высокое положение и зарплата» (Андрей, 35 лет, этнический немец из России).

2. «Видимые» **проблемы группы переселенцев**, преодолевших первый адаптационный этап и проживающих в настоящее время самостоятельно в специализированных общежитиях (в ожидании квартиры, прожили **около 2 лет в Германии**) представлены в процессе групповой дискуссии следующим образом (участники групповой дискуссии — 6 человек, посещающие языковые курсы, мужчины).

Немецкая бюрократия. Государственная система, воплощенная в бюрократическом аппарате, включая бюрократический язык, требует особых пояснений и тренингов: *«Обрушились бумаги. В документах используется официальный язык, отличный от разговорного. Даже местные жители в возрасте не могут разобрать, что имеется в виду»*.

Ностальгия. Переселенцы поясняют, чем жизнь в России лучше, при этом ключевое слово в этих пояснениях: свобода.

«Здесь бывает иногда тяжело. В России есть свобода, воля российская».

Незнание законов. Взрослые, считающие себя вполне социализированными (в прежних условиях), сталкиваются с тем, что не знают, как себя вести в той или иной ситуации. Особенно это касается потребности в поддержке и помощи: *«Необходимо знать права и возможности, что тебе полагается. Например, сын родился, и никто из социальных работников тебе не скажет, что ты имеешь право на стиральную машину. Обо всех правах узнаем от родственников. Родственники сами многого не знают».*

Скучно жить в Германии. Несоциализированность переселенцев заключается и в том, что они не могут проводить свободное время так, как это делали прежде. Новые формы досуга не усваиваются, отсюда — скука: *«Пришел к другу чаю попить, а тебя выпроваживают — назначай «термин» (встречу). Теперь в гости нельзя без звонка. Еще проблема — чтоб на рыбалку попасть, необходимы платные курсы и другие поборы. Нельзя костер разжечь, кругом — частная земля».*

Нет русского центра и русской общины. Это утверждение близко ностальгии, однако, например, не читая по-немецки, многие переселенцы не интересуются и российской культурой. Фактически можно сказать, что происходит культурная деградация в среде переселенцев, они ищут помощи и поддержки, а не собственного развития.

К тем немцам, кто приехал из СНГ, отношение хуже. «Коренные» немцы испытывают «усталость» при контактах с переселенцами: *«В СМИ много пишут*

о преступлениях, алкоголизме и наркомании переселенцев».

К «невидимым» проблемам переселенцев мы относим следующие утверждения.

Экстернальность: отсутствие поиска собственных ошибок. Новые жизненные ситуации прочитываются не с точки зрения новых правил (принятия новых правил), а с точки зрения того, как использовать старые «хитрости» (обман, уловки) для того, чтобы выиграть: *«Вот, например, переселенец ехал, остановился на велосипедной дорожке. Немка задела о его руль, ударилась, упала. Он поднял ее. Извинился, а немка подала на него в суд. Он проиграл и платил за ущерб (она в больнице недолго лежала). Впоследствии ему объяснили, что чаще побеждает тот, кто первый подал в суд. Переселенцам в такой ситуации трудно, потому что привыкли не судиться, а договариваться по-хорошему».*

Культурный сепаратизм: *«То, что делают обычно немцы — не понимаешь, поэтому скучно».*

Установки, которые демонстрируют переселенцы в первые дни, изменяются после первых месяцев. Они собираются «посмотреть мир», а не посещают даже местных музеев и праздничных мероприятий. Они предпочитают навещать родственников, тоскуют по рыбалке. Среди друзей и знакомых преобладают такие же переселенцы, с местными немцами «дружить» не получается. Не проявляют интереса к немецкой культуре. Не выражают готовности осваивать новое культурное пространство. Подчеркивают свою «русскость», которая также не выражается в практике (не читают на русском, не смотрят фильмы, не посещают выставки из России и т.п.).

На данном этапе противоречия между желаниями и возможностями переселенцев обостряются. С одной стороны, принимающее «коренное» большинство

ожидает, что переселенцы будут осваивать их правила и подстраиваться, но переселенцы со временем обнаруживают, что не готовы «подстраиваться», и у них это не получается.

3. Те, кто прожил в Германии около 10 лет и может считаться «адаптированным», называют следующие «видимые» проблемы (участники групповой дискуссии — 7 человек, мужчины и женщины).

Потеря социального статуса. Годы, проведенные в Германии, позволяют подвести итоги, что получилось, а что нет. Часто выводы относительно сохранения социального статуса неутешительны: *«Для переселенцев ничего нет в Германии. Учителя работают уборщицами. Мало кто чего добился».*

«Нужно знание законов жизни». Переселенцы осознают, что неформальная ресоциализация — это их «внутреннее дело», но без «формальной ресоциализации» они не выживут: *«Необходимо знать простые вещи, например, как снять квартиру. Когда законов не знают, можно пострадать даже из-за квартирной хозяйки».*

«У нас другая ментальность». Интуитивно переселенцы понимают, что их различия с немцами носят, в том числе и «идеальный» характер: различия в ценностях, в привязанностях и т.п.: *«Здесь главное — индивидуализм, личность. Личности не нужны друзья. Поэтому «наши» держатся друг друга».*

Следующий блок трудностей можно назвать «проблемы отцов и детей». Он показывает, что эмиграция нередко разрушает семью — то главное, что эмигрант считает своим «тылом». В «проблемы отцов и детей» мы включаем непонимание родителями школы и школьных педагогов Германии, отторжение идеи детских прав и призывы к государству спасти детей переселенцев.

Семья и школа: проблема взаимодействия. Переселенцы сетуют, что вынуждены много работать, поэтому не могут уделять детям внимание.

Детские права. Родители-переселенцы живут старыми правилами, ресоциализация дается тяжело. Социализация детей переселенцев в той или иной форме происходит более динамично. Дети приносят в семью новые правила, которые родители не готовы принимать: *«Дети переселенцев раньше никогда ни про какие права не говорили. А теперь — приехали, и в школе им говорят, что у них есть детские (особые!) права и они могут доносить на родителей. Родители могут быть наказаны. Это сводит наших детей с ума».*

«Спасите наших детей». Родители полагают, что кто-то будет помогать их детям, «спасать» их, пока они зарабатывают на жизнь. Родители предпочитают «не видеть» проблем до кризиса. В интервью так и говорят: *«Мы, может, сами не понимаем, что нам нужен психолог. Пусть психолог придет и заставит нас измениться».*

Следующие проблемы можно объединить в блок, который фактически будет описывать **дискриминационное положение** переселенцев.

«Двойные стандарты в обществе». Переселенцы обвиняют государство, воспринимая себя как «спасение немецкой нации», поскольку привезли в Германию «свой генофонд», и желают получить за это награду. В реальности они сталкиваются с тем, что им предлагаются самые низшие этажи в социальной иерархии: *«На правительственном уровне говорят, что надо переселенцев адаптировать, но на деле ставятся препоны. Мы им нужны, только чтоб правильно мусор сортировать».*

«Никому не нужны наши дипломы». Поскольку эмигрантам уготовлены более низкие социальные позиции, а так-

же вследствие объективных причин (недостаточных языковых навыков), большинство переселенцев не может работать по специальности и восстановить свой утраченный с переездом социальный статус: *«Как приезжаешь — опускают, говорят: вы никогда в жизни врачом не будете. Но если один раз согласился на более низкий уровень — не поднимешься никогда».*

«Сейчас как никогда сильна ненависть ко всему русскому». Отрицательное отношение к нарушениям правил со стороны принимающих немцев переселенцы воспринимают как негативную оценку собственной личности. Также раздражает переселенцев негласный запрет на использование русского языка в общественных заведениях: *«Постоянно слышишь: зачем вы приехали? Если начинают говорить на русском — значит, о плохом. В «нашей» молодежи видят самое плохое. И молодежь специально идет на вызов».*

К «невидимым» проблемам мы относим следующие.

Ориентация на материальные ценности. Переселенцы, по их признанию, после переезда «устраивают гонку» среди родственников: кто быстрее обустроится (быстрее купит дом, машину, новую мебель). Не тратят деньги на отдых, на образование детей — то, что более характерно для местного населения.

Социальная инфантильность. Переселенцы не готовы принять ответственность за свои действия и ошибки. В своих ошибках они видят происки враждебных сил, с которыми невозможно бороться.

Отсутствие четких жизненных планов. Часто получается так, что переселенцы живут от холодильника к автомобилю, то есть не планируют свою жизнь, не анализируют возможные перспективы и их реалистичность. Особенно ярко отсутствие планов звучит в ин-

тервью тех переселенцев, кто страдает наркоманией или уже находится в заключении.

Резюмируем: сугубо «экономическое решение» проблем иммиграции со стороны государства (пособия, бесплатные языковые курсы, специализированная материальная помощь, «льготные квартиры» и т.п.) не снимает напряжения, возникающего у переселенцев в процессе ресоциализации и аккультурации.

З.И.Левин, анализируя миграционные процессы в нескольких поколениях, считает, что первое поколение мигрантов должно быть направлено на аккультурацию, маргиналами себя считает второе поколение эмигрантов и только для третьего поколения принимающая сторона становится «родиной» (то есть только «внуки» ассимилируют) [2].

В рамках этой идеи возможно предположить, что ассимиляция переселенцев из СНГ в Германию происходит с опережением, возможно, уже второе поколение переселенцев будет иметь более высокие шансы на ассимиляцию. Однако речь скорее идет о том, что первое поколение переселенцев вообще не было направлено на аккультурацию: это была не просто репатриация, а «экономическая» репатриация. «Поздние переселенцы» по своему самовосприятию скорее «русские», они воспользовались брачными отношениями или кровным родством для того, чтобы выехать в экономически более привлекательную страну, но ассимилировать с немецким большинством при этом не планировали.

Учитывая особенности «поздних переселенцев», необходимо было скорректировать государственные программы помощи, усилив в них языковую и культурную составляющие. Рассматривая данную категорию иммигрантов как более сложную, необходимо отметить, что государственные программы для переселенцев необходимы и в области образо-

вания, чтобы дети «российских немцев» не испытывали дискриминации, которая затрудняет социальную адаптацию их родителей. То есть, экономическая государственная помощь переселенцам не решает проблем аккультурации, лишь несколько смягчая неблагоприятные последствия переезда, связанного с репатриацией.

Также мы хотели бы подчеркнуть политическое значение прикладных социально-психологических исследований, благодаря которым возможна «обратная связь», понимание реального самочувствия и состояния иммигранта для формулирования ведущих положений миграционной политики.

Литература

1. *Вромсбехер Г.* Немцы в СССР // Знамя. 1988. № 11. С. 193–203.
2. *Левин З.И.* Менталитет диаспоры. — М.: ИВ РАН «КРАФТ+», 2001.
3. *Маховская О.И., Бургус М.* Пути социализации детей российских эмигрантов во Франции сквозь призму «историй жизни» // Психологический журнал. 2001. № 4. С. 60–69.
4. Психологическая помощь мигрантам / Под ред. Г.У.Солдатовой. — М.: Смысл, 2002.
5. Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под ред. Г.У.Солдатовой. — М.: Смысл, 2001.
6. *Радина Н.К.* «Мужская культура» и причины социальной девиации: гендерный анализ дезадаптации переселенцев из России в Германию // Журнал прикладной психологии. № 2. 2004. С. 15–23.
7. *Радина Н.К.* Социально-психологические проблемы переселенцев из России в Германию, испытывающих трудности с аккультурацией и ресоциализацией (больные алкоголизмом и наркоманией, заключенные) // Этническая психология и современные реалии. Материалы научно-практической конференции. — Якутск, 2003. С. 121–126.
8. *Хармз В.* Психологическая адаптация эмигрантов (на материале исследования иракских эмигрантов в Швеции). — СПб.: Речь, 2002.
9. Integrations-Initiative Nordrhein-Westfalen Ansätze und Perspektiven der verbesserten Integration von Zugewanderten Einleitung // www.lzz-nrw.de/docs/integrationsinitiative_nrw.pdf
10. Interkulturelle Suchthilfe Hannover (ISH) — Prävention und Beratung für Migranten // <http://www.interkulturelle-suchthilfe.de>
11. *Laux, L., Vassel, G.* (1982). Theoretical and methodological issues in achievement-related stress and anxiety research // Psychological stress. P. 3–18.
12. *Murphy, H.B.M.* (1976). Migration, Culture and Mental Health. Paper presented at the International Congress on Transcultural Psychiatry, Bradford, England.
13. *Radina N.* (2002). Zur Frage der Integration von Spataussiedlern aus der GUS in Deutschland // BINAD-Info. Oktober-Dezember. 2002. No 23. P. 31–35.

Соколова И.Ю.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЛИЧНОСТИ И ИХ РАЗВИТИЕ В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Подготовка высококвалифицированных, конкурентоспособных, способных развивать свой творческий потенциал, физически и нравственно здоровых специалистов является основной задачей профессионального образования, ее решение требует создания ряда психолого-педагогических условий для развития потенциальных возможностей, способностей, качеств подрастающего поколения и тех, «кто сеет разумное, доброе, вечное».

Одним из значимых условий подготовки таких специалистов, развития их потенциала, профессиональных, творческих способностей и сохранения здоровья, является самопознание — основа самовоспитания и саморазвития.

Какие же потенциальные возможности свойственны личности, индивидуальности? По мнению М.С.Кагана [1], в структуре личности можно выделить пять потенциалов, соотношением которых она определяется:

1) Гносеологический потенциал личности. Характеризуется объемом и качеством информации, которой располагает личность и которая складывается из знаний о внешнем мире, природном и социальном, и самопознания. Получение этой информации зависит от природного ума, образованности и практического опыта личности.

2) Аксиологический потенциал личности. Определяется обретенной ею в процессе социализации системой ценностных ориентаций — ее идеалами, жизненными целями, убеждениями, устремлениями, связанных с

развитием сознания личности и ее самосознания.

3) Творческий потенциал личности. Характеризуется полученными ею и самостоятельно выработанными умениями и навыками, способностями к действиям, к труду-созидательному и (или) разрушительному, продуктивному и репродуктивному, а также мерой их реализации в той или иной сфере труда.

4) Коммуникативный потенциал личности. Определяется мерой и формами ее общительности, характером и прочностью контактов, устанавливаемых с другими людьми.

5) Художественный потенциал личности. Определяется уровнем, содержанием, интенсивностью ее художественных потребностей и тем, как она их удовлетворяет.

Анализ результатов исследований психофизиологов [2], психологов [3] и мнение И.П.Павлова о том, что человек — система, развиваемая и саморазвивающаяся, сама себя поддерживающая и даже совершенствующая, позволили сделать следующие выводы.

1. В каждом человеке природой заложен потенциал «мыслителя» (2-я сигнальная система, функции левого полушария) и «художника» — творческой личности (1-я сигнальная система, функции правого полушария) и потенциалы саморегуляции, саморазвития и самореализации;

2. Развитие потенциалов «мыслителя» и «художника», в свою очередь, способствует развитию гностического, аксиологического, коммуникативного, ху-

дожественного, творческого и других потенциалов человека.

3. Развитие этих потенциальных возможностей и соответствующих им способностей может происходить в течение всей жизни человека, начиная от рождения, в процессе осуществления и смены ведущих видов деятельности.

4. Определенные этапы жизнедеятельности человека являются сензитивными — наиболее благоприятными для развития тех или иных потенциальных возможностей, способностей личности, что связано, в первую очередь, со зрелостью физиологических функций и развитием соответствующих психических функций, поэтому обучение должно быть природосообразным.

5. Особенно важно учитывать сензитивные периоды развития личности на этапах дошкольного обучения и в начальной школе, что, к сожалению, часто не обеспечивается и приводит к слабому развитию потенциальных возможностей подрастающего поколения, как в общеобразовательной школе, так и в последующих образовательных системах и в профессиональной деятельности.

Так, сензитивным периодом развития воображения является возраст 5–7 лет, так как к этому времени у ребенка уже достаточно развито наглядно-действенное и наглядно-образное мышление, развиваются мыслительные операции — анализ, синтез, сравнение, обобщение, приобретен определенным опытом ролевой игры.

Сензитивный период развития логического мышления — 10–13 лет, поскольку к этому времени при соответствующем обучении у ребенка развились не только наглядно-действенное, наглядно-образное мышление и мыслительные операции, но способности делать умозаключения.

Сензитивный период развития личности в целом — 18–20 лет. К этому времени у человека могут быть достаточно развиты способности саморегуляции, саморазвития, самообразования, психические познавательные процессы — восприятие, память, внимание, мышление, воображение, речь. На их основе развиваются различные интеллектуальные способности, в том числе: пространственное мышление, интеллектуальные стили — стили представления и решения проблем, а также способности целеполагания, программирования, планирования, прогнозирования, которые имеют большое значение для успешной деятельности личности в любой сфере профессиональной.

Анализ результатов исследований отечественных и зарубежных философов, психологов и педагогов по проблеме развития человека и становления личности позволил выявить теоретико-методологические основания развития личности, ее потенциала, предусматривающие реализацию в образовательном процессе:

- антропоориентированного, системно-деятельностного, психодидактического — системного психолого-педагогического подходов;
- трех взаимосвязанных составляющих единого процесса развития человека в онтогенезе: социализацию, индивидуализацию и персонализацию;
- принципов единства сознания и деятельности, единства сознания, личности и деятельности;
- педагогически обоснованного комплекса деятельностей и общения, который обеспечивал бы активное взаимодействие развивающейся личности с ее социальным окружением;
- подготовки внутри предыдущего возрастного периода (за счет успешной интеграции) перехода к новому периоду

ду, чтобы предотвратить возникновение условий для кризисного развития личности;

- самопознания обучающимися своих индивидуально-психологических особенностей, что является основанием для их самовоспитания, саморазвития и самоактуализации;

- формирования направленности личности, в частности, развитие профессиональной направленности студентов, что является основанием для формирования их психологической готовности к профессиональной деятельности;

- способствует развитию их интеллектуальных, профессиональных, творческих способностей и способностей к саморегуляции, самообразованию, самореализации.

В соответствии с выявленными теоретико-методологическими основаниями и на основании разработанной нами концепции качества подготовки специалистов в вузе [4], а также по результатам анализа собственных исследований автора и его аспирантов, были установлены психолого-педагогические условия развития личности, ее потенциальных возможностей и сохранения здоровья в системах общего и профессионального образования:

- активная позиция учащихся, стремление к саморазвитию, самореализации;

- эффективность образовательного процесса, обеспечиваемая педагогом;

- создание творческой образовательной среды в предметных областях знаний и образовательной системе в целом.

Очевидно, что для развития потенциальных возможностей студентов, их интеллектуальных, профессиональных, творческих способностей, которые характеризуют конкурентоспособность специалистов, необходимо создание творческой образовательной среды. Та-

кая среда может быть создана, в первую очередь в отдельных предметных областях педагогами-профессионалами, которые в своей педагогической деятельности опираются на личностно-ориентированный и системный психолого-педагогический-психодидактический подходы в обучении.

Каковы же принципы создания творческой образовательной среды в учебном процессе вуза? Основные из них отражены в разработанной нами концепции повышения качества подготовки специалистов в вузе — это реализация в образовательном процессе посредством технологий (в том числе компьютерных), методов и форм обучения:

- принципов гуманизации образования, развития и саморазвития личности студента;

- основных психологических концепций и дидактических принципов обучения, концепции психологической системы деятельности (ПСД);

- учета индивидуально-психологических особенностей и склонностей студентов к предметной, профессиональной деятельности (для технических вузов — к инженерно-технической, инженерно-гуманитарной деятельности).

Кроме того, это психолого-педагогические условия активизации познавательной деятельности учащихся, основные среди них:

- изменение функций участников образовательного процесса, когда педагог становится не транслятором знаний, а направляющим познавательной деятельности студентов, которые из пассивных слушателей превращаются в активных преобразователей учебной и иной информации;

- наличие мотивации познавательной деятельности вследствие того, что она осуществляется в соответствии со склонностями студентов к определенной

предметной и профессиональной сфере деятельности;

- обобщение педагогом учебной информации, ее систематизация и структуризация, представление крупными блоками (в виде схем: структурно-логических, информационно-логических, ориентировочной основы действий) и по дедуктивному принципу;

- применение активных, исследовательских, проектных методов и компьютерных технологий обучения;

- совместная (в малых группах — диадах) познавательная деятельность учащихся.

Следует отметить, что изменение функций педагога и студентов возможно, если педагог разрабатывает такой дидактический инструментарий, применяет такие технологии и методы его реализации в образовательном процессе и систему контроля, которые обеспечивают активную самостоятельную познавательную деятельность студентов исследовательского, творческого характера. Таким дидактическим инструментарием могут быть учебно-методические комплексы (УМК), в том числе автоматизированные.

Эти комплексы и технологии обучения, ориентированные на развитие интеллектуальных, профессиональных способностей учащихся являются дидактическим и технологическим обеспечением творческой образовательной среды в соответствующей предметной области знаний, образовательной системе в целом. При этом школьникам, студентам предоставляется возможность активной и эффективной (с меньшими затратами их времени и энергии), в большей степени самостоятельной познавательной деятельности по освоению соответствующей области знаний. Примерами являются созданные разными авторами творче-

ские образовательные среды по дисциплинам:

- «Неорганическая химия» — С.Ю.Андреевой [5];

- «Математика» в 9 классе — Л.М.Голубевой [6],

- «Математика» в 5–11 классах — А.М.Пустынниковой [7];

- «Литература» в 5–9 классах — Л.С.Мишениной [8];

- «Изобразительное искусство» — В.А.Пантиковым [9];

- «Иностранный язык» для студентов языковых вузов — В.Ю.Зюбановым [10];

- «Иностранный язык» для студентов технического вуза — Т.В.Ивановой [11];

- «Инженерная графика» — М.В.Матвеевой [12];

- «Микроэкономика», «Управление персоналом» — И.Г.Никифоровой [13];

- «Экономика и менеджмент горного производства» — О.В.Богдановой [14];

- «Гидромеханика», «Насосы, вентиляторы, компрессоры», «Педагогическая психология» на основе структурно-логических схем — И.Ю.Соколовой [15];

- «Основы среднего профессионального образования», «Технологии профессионального образования» — Т.Н.Таброско [16];

- «Теоретические основы электротехники» — Н.П.Фикс [17].

Литература

1. Каган М.С. Человеческая деятельность: (Опыт системного анализа). — М.: Политиздат, 1974. 328 с.

2. Голубева Э.А. Способности и индивидуальность. — М.: Прометей, 1993. 305 с.

3. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в дет-

ском возрасте // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. — М., 1981.

4. *Соколова И.Ю.* Психологическое обеспечение качества образовательного процесса. Учебное пособие. — Томск: ТГПУ, 2006. 325 с.

5. *Андреева С.Ю.* Дидактические условия и технология активизации познавательной, творческой деятельности учащихся (на примере курса химии). Автореф. дис. канд. пед. наук. — Томск: ТГПУ, 2003. 18 с.

6. *Голубева Л.М.* Учебно-диагностический комплекс как средство развития интеллектуальных способностей школьников (на материалах алгебры 9 класса). Автореф. дис. канд. пед. наук. — Томск: ТГПУ, 2001. 22 с.

7. *Пустынникова А.М.* Дидактические повторения как средство развития комбинаторных способностей школьников 5–11 классов. Автореф. дис. канд. пед. наук. — Томск: ТГПУ, 2004. 19 с.

8. *Мишенина Л.С.* Личностно-ориентированная система активизации познавательной и исследовательской деятельности школьников 5–9 классов (на примере литературы). Автореф. дис. канд. пед. наук. — Томск: ТГПУ, 2005. 21 с.

9. *Пантиков В.А.* Дидактические условия развития воображения и художественно-творческих способностей младших школьников на уроках изобразительного искусства. Автореф. дис. канд. пед. наук. — Томск: ТГПУ, 2003. 18 с.

10. *Зюбанов В.Ю.* Активизация самостоятельной познавательной деятельности студентов в процессе иноязычной подготовки на основе компьютерного комплекса. Автореф. дис. канд. пед. наук — Томск: ТГПУ, 2007. 22 с.

11. *Иванова Т.В.* Индивидуально-ориентированная система иноязычной подготовки студентов технического вуза. Автореф. дис. канд. пед. наук — Томск: ТГПУ, 2003. 20 с.

12. *Богданова О.В.* Теоретическое обоснование и технология экономической подготовки студентов технического вуза. Автореф. дис. канд. пед. наук. — Томск: ТГПУ, 2005. 20 с.

13. *Матвеева М.В.* Активизация подготовки студентов к инженерно-конструкторской деятельности посредством компьютерных технологий (на примере инженерной графики). Дис. канд. пед. наук — Красноярск, 2003. 200 с.

14. *Никифорова И.Г.* Организационно-методическая система развития профессиональных способностей студентов-менеджеров. Дис. канд. пед. наук. — Томск, 2003. 186 с.

15. *Соколова И.Ю., Кабанов Г.П.* Качество подготовки специалистов в техническом вузе и технологии обучения. — Томск: ТПУ, 2003. 203 с.

16. *Таброско Т.Н.* Психолого-педагогические условия.

17. *Фикс Н.П.* Теоретическое обоснование и опыт применения автоматизированного учебно-методического комплекса (на материалах ТОЭ). Дис. канд. пед. наук. — Томск: ТГПУ, 2002. 189 с.

ЭКСПЕРИМЕНТ И ТЕХНОЛОГИЯ

Будякова Т.П., Мокринская Н.В., Тарова С.А.

ВОСПРИЯТИЕ СУДЬИ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Рассматриваются вопросы психологии личности судьи. Экспериментально выделены психологические факторы, оказывающие влияние на формирование позитивного или негативного образа судьи. Особое внимание уделено роли гендера, социальной известности, средств визуальной психосемиотики в восприятии судьи. Выделены различия в критериях доверия к судье у участников судопроизводства: потерпевших, прокуроров, адвокатов, подсудимых, а также потенциальных жертв и иных лиц.

Ключевые слова: психология судьи, гендер, семантика взгляда, доверие, недоверие.

Практическая актуальность психологических исследований восприятия судьи участниками судебных процессов и иными лицами обусловлена социальной потребностью формирования доверия к судье, суду, судебной власти как ветви государственной власти. В целом проблема формирования доверия к суду является комплексной. Ее разрешение требует усилий ученых разных отраслей научного знания: юристов, этиков, психологов и др.

Юридический способ решения этой проблемы заключается, в частности, в конструировании правовых норм, обеспечивающих независимость судей. В Федеральном законе «О статусе судей в Российской Федерации» уже закреплены нормы о несменяемости судей, о материальных гарантиях судьям и членам их семей, особый порядок отставки судей и др.

Другим юридическим средством обеспечения доверия судебной власти в России стало введение в ходе недавней судебной реформы дисциплинарной, административной и уголовной ответственности судей за совершаемые ими аморальные, административные и уголовные правонарушения, то есть судья перестал быть неподсуден. Это стало реакцией общества на далеко не исключительные

факты аморального (пьянство, дебоширство) и даже преступного поведения отдельных судей, остававшихся, как правило, безнаказанными либо слегка пожуренными коллегами из квалификационных коллегий [14]. Безусловно, это не повышало судейский авторитет.

Существует и этико-психологическая сторона рассматриваемой проблемы. Во многом доверие к суду зависит от соответствия поведения судьи определенным этическим правилам. По данным мониторинга, проведенного в рамках программы Международной комиссии юристов в двух межмуниципальных судах г. Москвы, некорректное поведение судьи является одним из ведущих факторов, снижающих уважение к правосудию и не создающих у присутствующих в судебном заседании ощущение справедливости судебного разбирательства [10]. Аналогичные данные были получены в исследовании литовских психологов Г.Валицкаса и В.Юстицкиса, проведенном при поддержке Открытого фонда Литвы. Используя методы экспертных оценок и наблюдения за работой судей в зале судебного заседания, указанные авторы установили, что когда закон не регламентирует ситуации, то поведение судей со-

ответствовало требованиям процедурной справедливости (то есть требованиям судебной этики) только в 7,6% случаях. Судебное разбирательство в итоге гарантировало объективную, но не субъективную (воспринимаемую) справедливость вердикта, что снижало доверие граждан к судьям и законам [5]. Здесь уместно привести психологическую формулу, выработанную в самом судебском сообществе, которая подтверждает результаты вышеприведенных исследований: «Недостаточно, чтобы правосудие свершилось, правосудие должно также выглядеть свершившимся» [1; 34], ведь именно тогда возникает чувство психологического удовлетворения у сторон судебного разбирательства.

Психологические исследования феномена доверия личности другим людям традиционно сгруппированы вокруг изучения факторов доверия и недоверия в экономической сфере и интимно-личностных отношениях. Выявлено, что существуют определенные различия в параметрах доверия и недоверия, если объектом социальной перцепции выступает постороннее или близкое лицо [8]. Особенностью этих исследований является то, что предметом изучения стали преимущественно характерологические свойства личности.

Критерии доверия и недоверия лицам, осуществляющим судебскую профессиональную деятельность, сформулированы как в работах правоведов, так и юридических психологов. По содержанию это в основном, также перечень различных характерологических качеств: нравственных, эмоционально-волевых, интеллектуальных. К примеру, А.Барак выделил четыре наиболее важные характерологические черты личности судьи, обеспечивающие доверие к судебной власти: а) самокритичность; б) отсутствие высокомерия; в) самоограничение; г) интеллектуальная скромность [1]. М.И.Клеандров описал 32 позитивных (рационалистичность, невоз-

мутимость, доброта, вежливость и т.д.) и 22 негативных (высокомерие, чванство, грубость, мстительность и др.) личностных качеств судьи [7]. М.И.Еникеев приводит неисчерпаемый перечень подобных качеств, требуемых в судебской профессии: толерантность, эмоциональная устойчивость, способность к конструктивной деятельности в эмоционально напряженных условиях и т.д. [6].

Очевидно, что без должной психологической оценки остались такие значимые параметры личности судьи, как гендер, психологический возраст, особенности визуального контакта, социальная известность.

Косвенно такой фактор, как гендер, в плане доверия судьбе был выделен в работе И.Сумарокова. Указанный автор, в частности, утверждает, одинокие женщины-судьи чаще выносят более суровые приговоры, чем иные судьи [15]. Однако поскольку И.Сумароковым не приведены соответствующие факты, а кроме того неясно, какими критериями руководствовался автор при оценке судебного вердикта, то не представляется возможным считать его данные достаточно надежными. В действительности подобные выводы сделать довольно сложно, так как каждое судебное дело конкретно: всегда есть индивидуальные особенности подсудимого и потерпевшего, могут быть особые обстоятельства совершения преступления, учитывающиеся судом при вынесении приговора и т.д.

Таким образом, проблема доверия к судьбе не будет полностью освещенной без исследования всех факторов, влияющих на восприятие личности судьи.

Цель исследования: выявление значимых характеристик личности судьи, обуславливающих доверие к его профессиональной деятельности.

Гипотезы:

– значимыми характеристиками личности судьи, обуславливающими доверие к его профессиональной деятельности

являются гендер, возраст, семантика взгляда, социальная известность;

– существуют различия в эталонах образа судьи у жертв, подсудимых, прокуроров, адвокатов;

– собственные эталоны судейского образа у судей могут не совпадать с общественными ожиданиями.

Методика

Метод: эксперимент.

Статистическая обработка полученных данных осуществлялась с использованием непараметрического биноминального теста.

Описание испытуемых: в исследовании приняло участие 145 человек, достигших возраста избирательного права. Испытуемые были поделены на две группы. Первую, основную группу составили испытуемые, имевшие на момент эксперимента (55 человек) или в недавнем прошлом (15 человек) уголовно-процессуальный статус (всего: 70 человек). Из них: 10 судей (3 женщины, 7 мужчин), 10 адвокатов (6 женщин, 4 мужчин), 10 прокуроров (5 женщин, 5 мужчин), 15 потерпевших (8 женщин, 7 мужчин), 15 подсудимых (8 женщин, 7 мужчин). Кроме того, в эту группу были включены 10 работников аппарата суда: помощники судей и секретари суда (10 женщин).

В контрольную группу вошли 90 человек, не участвовавших на момент эксперимента в каком-либо судебном разбирательстве. 23 человека (25% от контрольной группы) ранее участвовали в реальных судебных процессах в качестве общественных защитников, свидетелей или просто присутствовали в зале судебного заседания как обычные наблюдатели. По субъективному восприятию, а также благодаря установкам, дававшимся в ходе эксперимента, они представляли себя в роли потенциальной жертвы и именно от ее лица делали свой выбор условного кандидата в судьи. Вместе с тем

— это были представления наивных потенциальных жертв, не имевших соответствующего опыта переживаний, как у реальной жертвы. В целом контрольную группу можно охарактеризовать как испытуемых, нейтральных к уголовному судопроизводству, но имеющих позитивный общественный интерес в формировании социально одобряемого образа судьи. Из 90 человек — 55 женщин и 35 мужчин. По возрасту: 18–30 лет — 60 человек, 31–55 лет — 26 человек; свыше 55 лет — 4 человека. По социальному статусу: 33 студента, 7 преподавателей, 20 служащих, 2 предпринимателя, 2 рабочих, 10 учителей, 16 инженерно-технических работников.

Материал исследования: специально изготовленные коллажи. Общий фон для коллажа — фотография рабочего места судьи в зале судебного заседания и судебная одежда — мантия судьи. Лица «условных» судей являются частью других изображений и встроены в исходное изображение с помощью компьютерной программы.

1 серия была условно названа «Случайные лица».

Материал: шесть коллажей, на которых изображены условные судьи, лица которых малоизвестны широкой аудитории. Из них три женских изображения, три мужских. Кроме того, фигуранты изображений каждого пола находятся в одном из трех возрастов: молодые люди, среднего возраста, пожилого возраста. Имеются различия также в особенностях причесок, мимики, ракурса головы (см. коллажи №№ 1–6).

Инструкция испытуемым: «Представьте себе, что Вы участвуете в выборах Федерального судьи. Посмотрите на изображение и скажите, за кого из изображенных лиц Вы бы проголосовали и почему?» После выбора требуемого коллажа и объяснения своего выбора, у испытуемых спрашивали: «Почему Вы не выбрали других претендентов?»

2 серия была условно названа «**Известные лица**».

Материал: шесть коллажей с изображением известных в России лиц или лиц малоизвестных в России, но хорошо известных и уважаемых в других странах, умеющих держаться перед фотоаппаратом или кинокамерой и создавать собственный привлекательный, в том числе фотографический образ (см. коллажи №№ 7–12).

Коллаж № 7 — в образе судьи — И.М.Хакамада;

Коллаж № 8 — в образе судьи — Энтони Хопкинс; актер, игравший героическую роль Зорро; имеющий в Великобритании рыцарский титул;

Коллаж № 9 — в образе судьи — В.В.Путин;

Коллаж № 10 — в образе судьи — норвежский кронпринц Хокон;

Коллаж № 11 — в образе судьи — американская суперзвезда Брук Шилдс;

Коллаж № 12 — в образе судьи — М.С.Горбачев.

Инструкция испытуемым: «Представьте себе, что первые выборы не состоялись и Вам нужно участвовать в повторных выборах с другими кандидатами в Федеральные судьи. Посмотрите на изображение и ответьте: «За кого из изображенных лиц Вы бы проголосовали и почему?» После выбора требуемого лица и объяснения своего выбора у испытуемых спрашивали: «Почему Вы не выбрали других претендентов?»

Результаты и их обсуждение

1. Результаты, полученные при работе с контрольной группой испытуемых

Результаты 1 серии «Случайные лица»

При конструировании методики исследования предполагалось, что испытуемые, обосновывая свой выбор или не выбор, будут ориентироваться не только

на коллаж, но и на свой опыт общения с судьями (а такой опыт был у 25% испытуемых), а также на имеющийся у каждого свой образец судьи, основанный на литературных, кино, и других источниках. Сами фотоколлажи были своеобразной материальной опорой, стимулирующей репродукцию личного опыта и имеющихся стереотипов.

Наше предположение подтвердилось. Испытуемые не ограничивались анализом представленного им экспериментального материала, их обобщение включало также личный опыт и знания.

Для наглядности представим критерии положительного и отрицательного образцов судьи, выделенных в эксперименте, в сравнительной таблице (см. таблицу № 1).

Среди всех критериев наиболее обсуждаемыми были гендер, возраст и семантика взгляда. С этими показателями в основном связывались и другие параметры: характер, поведение и т.д. Рассмотрим последовательно каждый из них.

Гендер. Наибольшее, а точнее преимущественное предпочтение, испытуемые отдали «кандидатам в судьи» мужского пола.

Статистическая картина предпочтения каждого судейского образа в первой серии выглядит следующим образом (см. таблицу № 2):

Среди объяснений испытуемых, отсеявших женские образы судей, доминировали следующие: «женщина физически слабее и из-за страха перед силой больше подвержена давлению», «ей хочется понравиться, произвести впечатление, она занята собой, а не жертвой», «очень красивая» (коллаж № 1), «фотомодель, а не судья», «внешность будет отвлекать внимание от дела» и т.д.

Часть испытуемых, причем, и мужчины, и женщины, с самого начала эксперимента исключали из кандидатур всех женщин, сопровождая это категоричными замечаниями: «Только не женщины».

Таблица № 1

№ п /п	Критерии образца	Положительный образец	Отрицательный образец
1.	Возраст	Лучше средний (в редких случаях — пожилой или молодой)	Молодой или пожилой
2.	Гендер	Мужчина (в редких случаях — женщина)	В основном женщина
3.	Опыт (профессиональный или житейский)	Наличие опыта	Отсутствие достаточного опыта
4.	Черты характера	Доброта, выдержанность, уверенность в себе. Серьезность, уравновешенность, принципиальность	Склонность к мздоимству, высокомерие, легкомысленность, мягкотелость, склонность к подчинению (зависимости), коварство, наивность, консерватизм, амбициозность
5.	Особенности внешнего вида	Аккуратность, лысина (указали многие испытуемые)	Холеность, красивая внешность, модная прическа
6.	Особенности поведения	Внимательность, заинтересованность	Кокетство, стремление произвести впечатление, наигранность, неестественность
7.	Интеллект	Высокий	Невысокий
8.	Образованность	Высокий уровень	Низкий уровень
9.	Тип темперамента	Не указан	Меланхолический
10.	Обобщающие характеристики личности	Солидность, интеллигентность, самодостаточность, надежность	«Скользкий тип», завышенная самооценка
11.	Особенности взгляда	Смотрит по-доброму, спокойный, располагающий, пронизательный, искренний, правдивый взгляд	Чудно смотрит, взгляд манекена, наглый, безразличный, высокомерный, надменный, неуверенный, недовольный, искусственный, демонстративный взгляд

Одни испытуемые объясняли такую реакцию негативным прошлым опытом общения с женщинами-судьями. Другие, хотя имели вполне позитивный опыт взаимодействия с женщиной-судьей, все же предпочитали бы видеть в качестве су-

дьи — мужчину. Так один из испытуемых был восхищен познаниями, проявленными женщиной-судьей в сложной крупногабаритной технике, однако даже само удивление было проявлением снисходительности к женщине, которая, ока-

зывается, что-то понимает в традиционно мужских областях знаний.

Очевидно, что недоверие к женщине-судье является проявлением социальных стереотипов. В общественном сознании доминирует мнение, что женщина уступает мужчине в способности выполнять сложную, напряженную, аналитико-синтетическую и управленческую деятельность. Этот феномен описан в ряде психологических исследований [18].

Между тем в нашем исследовании проявился еще один феномен, выявленный ранее психологами: объективно оценивая социальный статус какой-либо социальной группы, осознавая ее негативные или проблемные характеристики, отдельные представители этой группы считают себя свободными от недостатков, присущих другим ее членам. Так в нашем исследовании часть женщин-испытуемых, имеющих, как правило, определенный иерархический статус, отказывая в доверии женщинам-кандидатам в судьи, в то же время, примеривая к себе высокий статус судьи (или аналогичный), считали себя вполне способными выполнять данную работу лучше мужчин.

Общение с этой группой испытуемых заставило нас задуматься о продолжении нашего исследования. Так некоторые испытуемые на шутивное замечание экспериментатора о том, что не корпоративно женщинам отказывать в доверии членам своего клана, серьезно заявляли, что среди предложенных кандидатур просто нет достойных женщин (хотя достойные мужчины почему-то всегда находились). Нами запланировано дальнейшее исследование, предполагающее более широкий спектр женских образов.

Возраст. Подавляющее большинство испытуемых первой группы высказали пожелание, чтобы образцовый судья был среднего возраста. По их мнению, слишком молодой судья нежелателен не только в силу малоопытности, но также по психологическим причинам: его основ-

ной мотивацией будет самореализация, а не нужды, например, потерпевших. Молодая женщина-судья при этом, по мнению испытуемых, обладает также в большей степени женской легкомысленностью, что будет вызывать раздражение у сторон судебного разбирательства.

Пожилой возраст также был отвергнут большинством испытуемых, поскольку такое преимущество этого возраста, как большой общечеловеческий и профессиональный опыт, с лихвой перекрывается фактором возможных проблем со здоровьем. Судейская профессия достаточно стрессогенная, и испытуемые выразили сомнение в способности недостаточно здорового пожилого судьи сосредотачиваться на обстоятельствах дела, не отвлекаясь на симптомы плохого самочувствия.

Вместе с тем лидером положительных выборов в первой серии стал как раз мужчина пожилого возраста (55% — коллаж № 2). Испытуемые объясняли свой выбор между мужчиной среднего (коллаж № 6) и пожилого возраста в пользу последнего различиями в семантике их взглядов. Особенности взгляда стали третьим ведущим признаком в экспериментальном отборе кандидатов в судьи.

Семантика взгляда. Имеющиеся в настоящее время исследования по визуальной психосемиотике сосредоточены в основном на проблеме декодирования визуальной информации [11, 13]. Это касается и исследований в области юридической психологии, когда, например, изучается возможность распознавания лжи по особенностям взгляда [17]. В нашем случае мы столкнулись с несколько иной проблемой: соответствия различных видов контактов глаз функции обеспечения доверия к определенному субъекту — судье. Как показало наше исследование, при конкуренции с другими значимыми признаками именно взгляду, как правило, придавалось первостепенное значение, когда речь шла о доверии к судье. Уже отмечалось, что фигурант коллажа

№ 6, имея более предпочтительный возраст, проигрывал во мнении испытуемых из-за особенностей демонстрируемого им взгляда. В целом этот взгляд можно обозначить как «неопределенный», то есть его можно интерпретировать по-разному. Те из испытуемых, которые «прочитали» в этом взгляде неуверенность, растерянность, истерику, недовольство и т.п., отказали его носителю в доверии. Другие испытуемые (13,3%) восприняли взгляд персонажа коллажа № 6 как искренний, правдивый и сделали положительный выбор в его пользу.

Семантически однозначные взгляды, запечатленные на лицах персонажей (коллажи № 2, № 4, № 5), вызвали и однозначное отношение у испытуемых. Взгляды, представленные на коллажах № 4 и № 5, были интерпретированы как легкомысленные, искусственно демонстрируемые, не соответствующие статусу судьи. Зато взгляд персонажа коллажа № 2 подавляющее большинство испытуемых (даже часть тех, кто в итоге выбрал иную кандидатуру) посчитали наиболее приемлемым для судьи. Этот взгляд в целом можно обозначить как

«психотерапевтический», поскольку он ассоциировался со способностью расположить к себе человека, вникнуть в требуемую проблему, сосредоточиться на помощи. Испытуемые назвали его «умным», «серьезным», «располагающим», «проницательным». Удивительно, что случайно для создания этого коллажа использовалась фотография действующего психотерапевта.

Результаты 2 серии «Известные лица»

В этой части эксперимента выявлялось влияние факторов «социальной известности» и «фотогеничности» на создание положительного психологического образа судьи.

Коллажи, предъявлявшиеся в данной серии, по замыслу экспериментаторов, были условно поделены на две группы. В первую группу входили коллажи, где использовался фотографический образ широко известных в России лиц (коллажи № 7, № 9, № 12). Другую группу составили коллажи, где фигурировали люди малоизвестные в России, однако хорошо известные и пользующиеся уважением в своих странах и умеющие в силу

Таблица № 2

Номер коллажа	Количество испытуемых, выбравших коллаж	% испытуемых выбравших коллаж	Отличие от равнономерного распределения
1.	5	5,5	
2.	55	61	
3.	9	10	
4.	3	3,3	
5.	6	6,6	
6.	12	13,3	

Таблица № 3

Номер коллажа	Количество испытуемых, выбравших коллаж	% испытуемых выбравших коллаж	Отличие от равнономерного распределения
7.	2	2,2	
8.	19	21,1	
9.	39	43,3	
10.	28	31,1	
11.	1	1,1	
12.	1	1,1	

профессионального или социального статуса создавать привлекательный собственный фотографический образ (коллажи № 8, № 10, № 11).

Количественные результаты второй серии представлены в таблице № 3.

Результаты второй серии были практически идентичны результатам, полученным в первой серии, когда речь шла об оценке кандидатов-женщин. Коллаж № 7 получил 2,2% положительных выборов, коллаж № 11 — 1,1%. Яркая привлекательная внешность условного кандидата в судьи (коллаж № 11), с точки зрения большинства испытуемых, является, скорее всего, препятствием для осуществления должностных функций судьи, чем необходимым условием. Было высказано мнение, что женщина-судья не обязательно должна быть внешне привлекательной, но обязана иметь «скромный вид», не предполагающий наличие особо модных причесок, бросающихся в глаза аксессуаров и т.п.

Наибольшее предпочтение во второй серии было отдано коллажу № 9 — 43,3% положительных выборов и коллажу № 10 — 31,1% положительных выборов. Очевидно, что в этих выборах материализовались представления большинства испытуемых о кандидате-мужчине, среднего возраста со спокойным располагающим взглядом, высказанные в первой серии эксперимента. Вместе с тем при выборе коллажа № 10, где использовался фотографический образ В.В.Путина, существенную роль сыграл фактор «социальная известность». Некоторые испытуемые, сразу узнав В.В.Путина, делали категоричный выбор сиюминутно, даже не вглядываясь в лица других условных кандидатов: «Только Путин!» Понятно, что это отражение высокого авторитета В.В.Путина как президента России в глазах значительного числа российских граждан. Наиболее часто повторявшийся аргумент в пользу кандидатуры В.В.Путина обобщенно выглядел так: «он умеет

грамотно управлять страной, справиться и в должности судьи».

Интересно, что некоторые испытуемые, отказавшие в предпочтении В.В.Путину, демонстрировали когнитивный диссонанс. Доверяя ему как кандидату в судьи, они субъективно не представляли его в этой должности. Причиной диссонанса стало опасение, что невысокие иерархические амбиции будут способствовать снижению авторитета В.В.Путина и не соответствовать собственным ожиданиям. В психологическом плане здесь проявилось нежелание наблюдать возможное формирование описанного в научной литературе личностного комплекса «потерянного авторитета», способного разрушить позитивный образ уважаемого человека [4].

Фактор «известности» оказался значимым и в аргументах тех испытуемых, которые отвергли кандидатуру В.В.Путина по другим причинам. Так одни указывали на его «чекистское» прошлое, которое могло бы способствовать обвинительному уклону при вынесении судебного вердикта, другие выражали сомнение в независимости поведения В.В.Путина и т.д.

Критерий «социальная известность» стал доминирующим и при положительном выборе коллажа № 8, поскольку предпочтение ему отдали в основном те испытуемые, которые узнали в лицо Энтони Хопкинса. Здесь надо отметить, что фактор «пожилой возраст» оказался менее значимым в ситуации оценки лица, имеющего в общественном сознании нравственный авторитет.

При выборе коллажа № 10 в чистом виде проявился фактор «фотогеничности». Лицо кронпринца Норвегии Хокона практически не идентифицируется в России. Никто из испытуемых его не узнал. Однако даже многие из тех испытуемых, которые сделали свой положительный выбор в пользу других условных кандидатов в судьи, отметили «мягкую улыбку», «внимательный взгляд», «доб-

рые глаза» принца. Под «фотогеничностью» в рамках нашего исследования понималось умение создавать свой фотообраз. Очевидно, что в отсутствии иной информации о человеке, именно фотогеничность имеет значение в выборе судьи. Правда, это утверждение относится, как показало наше исследование, только к кандидатам мужского пола.

При оценке фигуранта коллажа № 12 проявился не только фактор «социальной известности», но и феномен «потерянно-го авторитета».

2. Результаты, полученные при работе с основной группой испытуемых

Результаты первой серии «Случайные лица»

В криминологическо-социологических исследованиях было замечено, что лица, имеющие профессию, связанную с правосудием: судьи, адвокаты, полицейские и другие, зная реальную картину раскрываемости преступлений, проблемы доказываемости обвинения в суде, иначе воспринимают информацию о справедливости судебных решений, о доверии к судебной власти [19].

В психологических исследованиях было установлено, что у преступников имеются собственные положительные и отрицательные эталоны правоохранительных профессий: «Судья», «Прокурор», «Следователь». Так, «хороший следователь» или «хороший прокурор» — это люди, которые не отличаются высоким интеллектом и активностью в работе. «Умный и активный работник правоохранительных органов» как положительный эталон для лиц данных профессий в восприятии преступников трансформируется в эталон «плохого следователя» или «плохого прокурора» и наделяется чертами: грубый, подлый, неприятный. Наиболее негативную характеристику нравственных качеств и интеллекта в группе насильственных преступников имел судья [2].

Эти и другие исследования легли в основу нашей гипотезы о том, что существуют значимые различия в психологических эталонах судьи у лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве или имеющих к нему непосредственное отношение по сравнению с людьми, получающими ограниченную селективную информацию о работе суда. Отсюда специальный отбор основной группы испытуемых, участвовавших в эксперименте.

Психологические различия в сравнении с контрольной группой наблюдались уже с момента предложения участвовать в эксперименте. Если представители контрольной группы охотно и с интересом принимали такое предложение, то статус реального участника уголовного судопроизводства приносил в общение с экспериментатором известное эмоциональное напряжение.

По силе напряжения можно было судить о степени незащищенности и зависимости участника уголовного судопроизводства от судьи. Труднее всего шли на контакт потерпевшие, в момент эксперимента участвовавшие в реальном судебном процессе (таких было 4 человека), затем в последовательном порядке — подсудимые (как реальные, так и отбывшие наказание), адвокаты, сотрудники прокуратуры, судьи. Легче всего было получить согласие на участие в эксперименте у работников аппарата суда.

Данные, полученные по подгруппе «Потерпевших», в основном совпадают с показателями контрольной группы, кроме уже отмеченного, более сильного, общего эмоционального фона. Некоторые их испытуемых этой подгруппы начинали свой выбор с «горькой» фразы: «Все они — одинаковые».

Общие статистические данные по основной группе испытуемых представлены в таблицах №№ 4–9.

В подгруппе «Подсудимые» (см. таблицу № 4) наибольшее доверие вызвали фигуранты коллажей № 5 (33,3%),

№ 1 (26,6%), № 6 (26,6%), как раз те, которые получили наименьшее количество выборов в контрольной группе (потенциальных жертв). А безусловный лидер положительных выборов у потенциальных жертв (61%) и реальных жертв (50%) — коллаж № 2 был полностью отвергнут (0%) подгруппой «Подсудимые» по мотиву преклонного возраста.

Таблица № 4. Подгруппа «Подсудимые»; серия «Случайные лица»

Номер коллажа	Количество испытуемых, выбравших коллаж	% испытуемых выбравших коллаж
1.	4	26,6
2.	0	0
3.	0	0
4.	2	13,3
5.	6	33,3
6.	4	26,6

Таблица № 5. Подгруппа «Прокуроры»; серия «Случайные лица»

Номер коллажа	Количество испытуемых, выбравших коллаж	% испытуемых выбравших коллаж
1.	1	10
2.	3	30
3.	0	0
4.	1	10
5.	1	10
6.	4	40

Вместе с тем фактор «пожилой возраст» имел разный личностный смысл для испытуемых контрольной группы и подгруппы «Подсудимых» в аргументации отрицательного выбора. Потенциальные жертвы мотивировали свое недоверие к фигуранту коллажа № 2 тем, что пожилой возраст будет препятствием для осуществления стрессогенной, напряженной, ответственной работы судьы, хотя им,

Таблица № 6. Подгруппа «Адвокаты»; серия «Случайные лица»

Номер коллажа	Количество испытуемых, выбравших коллаж	% испытуемых выбравших коллаж
1.	4	40
2.	5	50
3.	0	0
4.	0	0
5.	0	0
6.	1	10

Таблица № 7. Подгруппа «Аппарат суда»; серия «Случайные лица»

Номер коллажа	Количество испытуемых, выбравших коллаж	% испытуемых выбравших коллаж
1.	1	10
2.	0	0
3.	0	0
4.	5	50
5.	0	0
6.	4	40

Таблица № 8. Подгруппа «Судьи»; серия «Случайные лица»

Номер коллажа	Количество испытуемых, выбравших коллаж	% испытуемых выбравших коллаж
1.	2	20
2.	3	30
3.	2	20
4.	0	0
5.	0	0
6.	3	30

как и тем, кто сделал положительный выбор, нравится спокойный, располагающий к доверию взгляд человека, запечатленного в коллаже № 2. Для «Подсудимых» же пожилой возраст ассоциируется с определенным типом мышления и ценностей, выработанными у людей советского поколения, к которому, по мнению подсудимых, принадлежит человек такого возраста, неспособный перестроить, понять непривычные для советского периода отношения и в силу этого проявить снисхождение к подсудимому. Молодые судьи (коллажи № 1 и № 5), свободные от установок советского времени, способны, по мнению 63,5% «Подсудимых», понять их. Кроме того, молодая, красивая женщина-«судья» молодыми подсудимыми воспринималась как сексуальный объект, податливый их мужскому обаянию.

Коллаж № 6 в подгруппе «Подсудимых» получил большее количество выборов, чем в контрольной группе (26,6% против 13,3%), из-за особенностей взгляда фигуранта коллажа. Более откровенными в объяснении выбора были бывшие подсудимые, уже отбывшие наказание. «Мутный», «заискивающий», «испуган-

Таблица № 9. Подгруппа «Потерпевшие»; серия «Случайные лица»

Номер коллажа	Количество испытуемых, выбравших коллаж	% испытуемых выбравших коллаж
1.	1	6,6
2.	8	53,3
3.	0	0
4.	0	0
5.	2	13,3
6.	5	33,3

ный» взгляд, по их мнению, отражал общую неуверенность в себе «условного» кандидата в судьи, что позволяло манипулировать им.

Результаты, полученные в подгруппе «Прокуроры» (см. таблицу № 5), по аргументам положительных и отрицательных выборов во многом похожи на результаты контрольной группы. По-видимому, это объясняется примерно общими интересами потенциальных потерпевших и стороны, призванной поддерживать обвинение в отношении того, кем нарушены права потерпевших совершенным преступлением.

С другой стороны встречались и аргументы, отражающие специфику процессуального статуса прокуроров. Испытуемый, выбравший коллаж № 5, объяснил свой выбор так: «С этим легче договориться!» Ведущими факторами положительного выбора здесь были: гендер, возраст и специфика взгляда «простецкого» и «бесшабашного».

В выборах подгруппы «Адвокаты» (см. таблицу № 6) проявилась некоторая амбивалентность по сравнению с выборами других групп испытуемых.

С одной стороны, они так же, как и потенциальные и реальные жертвы, отдали предпочтение (в 50% случаев) коллажу № 2, используя практически те же аргументы. С другой стороны (в 40% случаев), они предпочли фигурантку коллажа № 1, которая у потенциальных жертв почти не вызвала доверие (только 5,5% положительных выборов), зато получила 26,6% положительных выборов у «Подсудимых».

Возможно, это связано с психологической амбивалентностью самого статуса адвоката. В уголовном судопроизводстве адвокат может быть как защитником подсудимого, так и представителем потерпевшего. Феномен процессуальной амбивалентности был описан Д.Майерсом при моделировании судебного процесса. В его исследовании «свидетель» менял показания в зависимости от того, какой стороной — обвинения или защиты — он был заявлен свидетелем [9].

Показательные результаты, полученные в подгруппе «Аппарат суда» (см. таблицу № 7). Только в этой группе 50% выборов получила фигурантка коллажа № 4, почти во всех других группах было 0%. В этой же подгруппе женщины-фигурантки коллажей получили 60% от общего числа выборов. Аппарат суда — помощники судьи и секретари судебных заседаний, имеющие, как правило, высшее юридическое образование — исключительно женского пола. В правоведческих дискуссиях высказывалось мнение, что помощники судей и секретари судов должны рассматриваться как основной резерв кандидатов на должность судьи [16]. Очевидно, что в данной подгруппе в первую очередь доминировал мотив «примеривания должности судьи к себе».

Наиболее сложно было интерпретировать данные, полученные в подгруппе «судьи», из-за отсутствия четкой статистической тенденции (см. таблицу № 8). Однако можно предположить, что у су-

дей нет общего положительного психологического образа судьи. Нельзя сказать, что это свидетельствует о размытости критериев образов судейской профессии у самих судей. Скорее, это результат объективного понимания того, что таких образов должно быть несколько.

Поскольку основные тенденции выборов условных судей проявились уже в первой серии «Случайные лица», нет необходимости в рамках журнальной статьи обращаться к ранее обсуждавшимся вопросам. Поэтому переходим к выводам.

Выводы:

1. Можно говорить не об одном, как принято в литературе, а о нескольких объективно требуемых психологических образах судей, отражающих имеющиеся естественные различия людей по индивидуально-типологическим признакам: гендер, возраст, темперамент и т.д.

2. В общественном сознании не сформирован положительный образец современного молодого судьи, образец женщины-судьи. Требуется специальная работа общественных структур, в первую очередь средств массовой информации по формированию таких образцов, а также психологические исследования по выявлению параметров положительных гендерных и возрастных образцов.

3. Психологическая незащищенность в уголовном судопроизводстве в стадии судебного разбирательства больше всех выражена у потерпевших, именно они, как показало исследование, нуждаются в психотерапевтическом образе судьи. Это говорит о необходимости введения специальной службы, которая бы занималась психологическим сопровождением жертв в уголовном судопроизводстве, что уже давно предлагается в криминологическо-психологической литературе [3].

4. Психологические образы судьи у жертв и преступников существенно различаются. Это свидетельствует о необхо-

димости учета судьей психологических особенностей восприятия каждой из сторон — участников уголовного судопроизводства.

5. Психологический образ судьи, имеющийся у жертв, больше соответствует массовым общественным ожиданиям. Можно привести высказывание М.Тэтчер, кумулятивно отражающее общественные настроения в данном вопросе: «Гуманное отношение надо проявлять прежде всего не к преступникам, а к их возможным жертвам» [цит. по: 12; 91].

6. Фактор социальной известности оказывает существенное влияние на доверие к судье. Вместе с тем информация о кандидатах в судьи и самих судьях не доступна широким массам. Очевидно, что требуются соответствующие бюллетени, содержащие подобную информацию, а возможно, и порядок самоотчета кандидатов на должность судьи и судей перед широким кругом граждан.

7. Была бы полезна тренинговая психологическая работа с судьями по формированию психологически одобряемого образа судьи.

Литература

1. Барак А. Судейское усмотрение. — М.: Норма, 1999.
2. Белобородов А.Г. Некоторые особенности имплицитных теорий личности у преступников // Личность и общество: актуальные проблемы современной психологии. Материалы Всероссийского симпозиума. — Кострома, 2000. С. 44–45.
3. Будякова Т.П. Виктимологическая профилактика преступлений посягающих на личные неимущественные права. — Елец, 2006.
4. Будякова Т.П. Индивидуальность потерпевшего и моральный вред. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2005.
5. Валицкас Г., Юстицкис В. Требования процедурной справедливости и реальное поведение судей // Материалы конференции по юридической психологии, посвященной памяти М.М.Коченова. Ч. 1. — М.: МГППУ, 2005. С. 12–13.
6. Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии: Учебник для вузов. — М.: Юристъ, 1999.
7. Клеандров М.И. Что такое модель идеального судьи и зачем она? // Российский судья. 2005. № 11. С. 4–9.
8. Куррейченко А.Б., Табхарова С.П. Критерии доверия и недоверия личности другим людям // Психологический журнал. 2007. № 2. С. 55–67.
9. Майерс Д. Социальная психология: — СПб.: Питер, 1998.
10. Мирза Л.С. Доступ к правосудию и доверие граждан суду // Российский судья. 2005. № 10. С. 3–6.
11. Петрова Е.А. Знаки общения. — М., 2001.
12. Попов В.И. Маргарет Тэтчер: Человек и политик. — М.: Прогресс, 1991.
13. Рогов Е.И. Психология общения. — М.: Владос, 2002.
14. Стецовский Ю.И. Судебная власть. — М.: Дело, 1999.
15. Сумароков И. Судебный стресс // Российская юстиция. 2003. № 13.
16. Экман П. Психология лжи. — СПб.: Питер, 1999.
17. Юдин В.Г., Вишневецкий А.В. Вопросы подготовки кандидатов на судебные должности // Российский судья. 2006. № 9. С. 9–12.
18. Konrad, A.M., Ritchie, J.E.Jr., Zieb, P. (2000). Sex differences and similarities in job attribute preferences: A meta-analysis // Psychol. Bull. 2000. Vol. 126. P. 593–641.
19. Strasser, H., Birk, H. van den. (2004). Kriminalität im Dienste Gesellschaft oder: Was Emile Durkheim zum kommunalen Kriminalprävention gesagt hätte // Zeitschrift für Rechtssoziologie. Stuttgart. Heft 2. S. 241–254.

Григорьева Е.В.

ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИДЕНТИЧНОСТИ: ИНТЕГРАТИВНАЯ ПОЗИЦИЯ

В современной психологической теории и практике давно возникла необходимость в интеграции знаний на различных уровнях, происходит непрерывный поиск нового видения психического, не ограниченный узкими рамками единственного научного направления, а предполагающий продуктивное взаимодействие различных школ для решения конкретных практических задач. Симптомами кризиса психологической науки, по мнению А.В.Юревича (Юревич, 2001), являются: отсутствие единой, общеразделяемой теории; разобщенность на психологические империи (психоанализ, когнитивизм, бихевиоризм); некумулятивность знания, объявление каждым новым направлением всей предшествующей ему психологии собранием заблуждений; раскол между исследовательской и практической психологией; расчлененность целостной личности на психические функции; существование «параллелизмов».

В сложившейся ситуации перманентного кризиса в отечественной психологии появляются различные «стратегии совладания» с критической ситуацией. Это, например, учение о категориальном аппарате А.В.Петровского и М.Г.Ярошевского (Петровский, Ярошевский, 2001), в котором авторы причины кризиса связывают с попытками ученых вновь возникавших школ в истории психологии доминирующую категорию своей парадигмы (мотив, образ, действие) «растянуть» на всю психическую реальность, что оказывалось невозможным. Петровский А.В. и Ярошевский М.Г. предлагают рассматривать теоретическую психологию как взаимосвязь раз-

ноуровневых категорий (биоцентрических, протопсихологических, базисных, метапсихологических, социоцентрических).

Свой вариант методологического либерализма предлагает А.В.Юревич: «методологический либерализм» предписывает, что психологическое объяснение всегда будет разноуровневым, построенным по принципу «слоеного пирога», каждый слой которого обладает самостоятельной значимостью и принципиально не заменим ни одним другим. Любой психологический феномен имеет различные уровни детерминации: феноменологический, физический, биологический и социальный, — требует объяснения на каждом из данных, не сводимых друг к другу, уровнях, и именно сочетание этих слов всегда будет придавать психологическому «пирогу» его своеобразный вкус. Наиболее же эвристичной методологической установкой является нацеленность не на «поедание» уровнями друг друга, а на поиск переходов между ними... И наиболее перспективным «каркасом» для ее построения представляются комплексные, межуровневые объяснения, в которых нашлось бы место и для смысла жизни, и для нейронов, и для социума, и для эволюционной целесообразности» (Юревич, 2001, с. 16–17).

Из представителей зарубежной психологии следует отметить работы К.Уилбера (Уилбер, 1998, 2002, 2004) и разрабатываемый им интегральный подход. К.Уилбер предлагает рассматривать различные научные школы и направления как сконцентрированные преимущественно на одном из четырех секторов реальности: внутреннем индивидуальном,

внутреннем коллективном, внешнем индивидуальном, внешнем социальном, или же «Я», «Мы», «Оно». Автор также указывает на неправомерность обобщения знаний, полученных в рамках одного из секторов, на остальные, несводимость их друг к другу. С точки зрения интегрального анализа по обозначенным секторам «самым интегральным» представляется деятельностный подход, разработанный в отечественной психологии, и не упоминаемый К.Уилбером. Именно в деятельностном подходе в единстве представлены: внутреннее индивидуальное (Я) как идеальная цель деятельности, реализуемая во внешнем индивидуальном (Оно) — действии, поведении, психофизиологических функциях, действие выводит человека в социальный мир и социально обусловлено (внутреннее коллективное — Мы); личность есть совокупность общественных отношений (Оно — внешнее социальное).

В более ранних работах (1998) К.Уилбер рассматривает психологические школы и направления в зависимости от уровня сознания целостного спектра сознания, к которому они применимы.

Наша работа базируется на применении интегративного подхода к теории и практике психологии, активно разрабатываемого отечественным ученым В.В.Козловым (Козлов, 1999, 2001, 2007). «Методологический фундамент интегративного подхода состоит из методологических принципов многомерности истины, позитивности, соотнесенности, онтологического плюрализма» (Козлов, 2007, с. 19). В рамках интегративного подхода все направления изучения идентичности рассматриваются не как противоречащие друг другу, а как взаимодополняющие, не как «собрание заблуждений», а как многомерность идентичности, Я человека, в котором есть место и бессознательному, и интеракциям, и об-

разам, и культурным контекстам, и архетипическим переживаниям, и ни одна из этих областей не может быть исчерпывающим описанием и объяснением.

Достоинствами интегративного подхода В.В.Козлова являются, во-первых, разработанность психотехнической компоненты, способствующей личностному и надличностному развитию. У предыдущих авторов преодоление кризиса психологии рассматривается только теоретически. Можно сказать, что автор дал свои оригинальные ответы или «рецепты» по поводу симптомов кризиса, описываемых А.В.Юревичем.

В качестве единой теории предлагается многомерный синтез и интегрирование различных направлений в целостное поле психологии, где «разобщенность на психологические империи» и «некумулятивность знания» не являются более критичными недостатками, а каждая школа имеет «свой голос в общем многоголосье», свою область применения, свой понятийный тезаурус и свой психотехнический аппарат, которые практически применимы в зависимости от личности клиента, его самоидентичности, типа проблемы.

В.В.Козлов преодолевает «раскол между исследовательской и практической психологией», предлагая кроме теоретических методологических разработок новое направление в психологической практике — интенсивные интегративные психотехнологии.

Наконец, он устраняет такой «дефект» личности в психологии как «расчлененность целостной личности на ведущие какое-то странное самостоятельное существование память, мышление, восприятие, внимание и другие психические функции» (Юревич, 2001) вводя свое представление о сознании и языках сознания: «Высшая конкретная форма организованной целостности — человеческая личность, стержень функциони-

рования — индивидуальное свободное сознание... Сознание трансцендентно по отношению к материи, материя — возможность идентификации, «надевание содержания», сознание свободно от идентификации, воплощения, «космический странник» (Козлов, 2007, с. 23). «Языки сознания ... являются объектом отождествления, отношения, переживания личности. Они являются смыслообразующими конструктами жизнедеятельности личности» (Козлов, Майков, 2004, с. 401).

Существование «параллелизм» снимается через опыт функционирования сознания в среде — физиологической, психологической, социальной — чем утверждается единство мира и человека, снятие дуализма субъекта и объекта (Козлов, 2007, с. 26).

Еще одним важным достоинством интегративной психологии В.В.Козлова является ее оптимистичность и позитивность. В последнее время в обсуждениях методологии познания все больше говорится о том, что в процессе научного познания исследователь не столько открывает миру объективно существующую истину, сколько конструирует ее, проецируя на нее содержание собственной личности и воссоздавая ее в адептах своей системы (Петренко, 2002). Принятие этого факта, уже озвученного в физике, но все еще входящего в психологию, означает признание того, что для гармонизации человеческого бытия и преодоления антропологического кризиса, расцениваемого учеными как главная катастрофа современности, психологической науке нужны оптимистичные теории. Теории, которые транслируют и воссоздают в реальности не пассивных жертв собственного бессознательного З.Фрейда, не запрограммированного человека бихевиористов и когнитивистов и даже не деятельного человека, активно и ответственно преобразующего дей-

ствительность, отечественной и гуманистической психологии. Даже активный и деятельный человек, не являющийся жертвой бессознательного или обусловленный своим «программным обеспечением» не способен разрешить свой «коан существования» (Козлов, 2007), избавиться от отчаяния собственными силами без обращения к высшим смыслам и трансцендируя собственное эго.

Образ человека в интегративной психологии более оптимистичен: это человек трансцендирующий, превосходящий себя при неограниченных пределах личностного роста. Этот образ более конструктивен по сравнению с другим образом современности — человека-Протея постмодернистов, чье эго разрушено и расплылось в бесконечных дискурсах, что и является пределом развития, игры идентичности, где под масками другие маски. Как пишет К.Уилбер (Уилбер, 2004), преждевременная трансформация личности, превосхождение эго в отсутствие адекватной трансляции как способу смыслопорождения и «придания законности эго» может быть чревата психопатологией. Эго распалось на виртуальные субличности невротика, недо-воплощенные, недо-реализованные, недо-интегрированные в целостную личность.

Исследователи проблемы идентичности в психологии (Антонова, 1996, Павленко, 2002) выделяют три различных подхода к ее пониманию: психоаналитический, интеракционистский и когнитивный. Каждый из этих подходов трактует идентичность исходя из доминирующей категории своей парадигмы: эго, мотив в неопсихоанализе, интеракция, взаимодействие в интеракционизме, когнитивная схема в когнитивизме.

В психоаналитическом подходе (Э.Эриксон, Дж.Марсиа, А.Ватерман) под идентичностью понимается структура эго, состоящая из различных элементов и переживаемая как чувство то-

ждественности и непрерывности. Исследователи интеракционистского направления (Дж.Мид, И.Гофман, Р.Фогельсон, Л.Краппман, Г.Родригес-Томэ) делают акцент на социальной обусловленности идентичности, изучении процессов включения в «Я» отраженных оценок других людей. В когнитивном направлении (А.Тешфел, Дж.Тернер, Г.Брейкуэлл) идентичность представлена как когнитивная система, регулирующая поведение человека в социуме, как результат процесса самокатегоризации.

Можно выделить еще как минимум три подхода к изучению идентичности: нарративный, трансперсональный и интегративный. Представители нарративного подхода (К.Джерджен (Герген), Д.Макадамс, А.Гидденс, Г.Херманс, Т.Сарбин, Р.Харре) предлагают рассматривать идентичность как своего рода историю, повествование, определяемое контекстом взаимодействия, характеризуемое определенным сюжетом, персонажами, главной темой (Барский, Кутузова, 2004). Основное значение в постструктурализме приобретает изменчивость личности в различных социальных контекстах и взаимодействиях.

В трансперсональном направлении (С.Гроф, А.Минделл, К.Юнг) внимание исследователей обращено к глубинным слоям психики, проникновение в которые связано с расширением самоидентичности и идентичности, когда переживания непосредственного Я могут касаться архетипических образов (К.Юнг), перинатального и трансперсонального уровней психики (С.Гроф), вторичных процессов, находящихся за пределами края привычной идентичности и формирующих различные симптомы как сигналы противоборства разных идентичностей (А.Минделл) (Минделл, 1999).

Проанализируем основные подходы к изучению идентичности согласно схеме, предложенной В.В.Козловым (Козлов,

2007). Автор выделяет три уровня в психической реальности: персона, интерперсона и трансперсона, каждый из которых в свою очередь подразделяется на три компонента — материальный, социальный, духовный, каждому Я соответствует не-Я как отвергаемый аспект психики. Психоаналитический подход Эриксона (Эриксон, 1996), Марсиа (Антонова, 1996), Ватермана (Антонова, 1996) затрагивает в основном персонологические и интерперсональные аспекты психики: интерперсона социальная как система взаимодействия родителей с детьми оказывает влияние на становление идентичности — эго духовное и эго социальное. Можно обозначить и наличие в теории Эриксона духовного аспекта трансперсоны, который, однако, представлен имплицитно, ввиду отсутствия соответствующей феноменологии в психоаналитической теории: «В человеческом существовании есть многое кроме идентичности, в каждом индивиду действительно есть его «Я», есть центр сознания и воли, который может трансцендировать и даже пережить психологическую идентичность» (Эриксон, 1996, с. 146). В психоаналитическом подходе не представлены аспекты не-Я как отвергаемой части идентичности, трансперсоны за исключением обозначенного момента, недостаточно внимания уделяется материальным аспектам Персоны и Интерперсоны — телу и символам статуса.

В интеракционистском подходе в фокусе рассмотрения оказывается в первую очередь Интерперсона в социальном и частично материальном аспекте (как интеракции и считываемые знаки или символы политики идентичности), а также Персона социальная (работа идентичности) и частично материальная и духовная (принятые оценки других). Основное внимание уделяется интериоризации отраженных оценок других, а также политике идентичности как манипулирова-

нию предъявляемым образом себя. Мало представлен телесный компонент идентичности, отвергаемые аспекты фигурируют только в модели борьбы идентичностей Фогельсона (Антонова, 1996, Павленко, 2002), когда человек в поведении стремится максимально скрыть нежелательные аспекты идентичности (негативная идентичность).

В когнитивном подходе внимание исследователей направлено на Персону и Интерперсону в различных аспектах. Человек самокатегоризирует себя либо как индивидуальность (Персона духовная), либо как члена группы (Персона социальная). Ингрупповая идентичность противопоставлена аутгрупповой (Интерперсона социальная, духовная), я разделяю морально-ценностные установки своей группы, принимая их как свои. Совершенно не представлены в теориях данного направления трансперсональные аспекты психики, а также практически не уделяется внимания материальным компонентам соответствующих подструктур. Обращение к не-Я представлено в области Интерперсоны, социальной и духовной, когда своя группа противопоставляется чужой, члены которой воспринимаются как конкуренты или даже враги.

Нарративный подход с его главной идеей заимствования доминирующих в культуре повествований и интеграцией их в идентичность свое внимание направил в основном на социальный компонент Персоны и Интерперсоны. Я есть совокупность усвоенных сценариев (Персона духовная), влияющих на самопредъявление (социальная), обусловленных принятием доминирующих культурных контекстов (Интерперсона социальная и духовная). Трансперсональный уровень и телесность не представлены в данном подходе.

В трансперсональном подходе затрагивается, пожалуй, наибольшее количе-

ство уровней психики. Персона материальная (тело) фигурирует в процессуальном подходе А. Минделла (Миндел, 1999), когда он говорит о проявлении новой идентичности как работе в незанятых сенсорных каналах, а также телесных симптомах как маркерах проблем, связанных с ее неприятием. Персона социальная и интерперсона социальная отчасти упоминается Юнгом (Юнг, 1995, Фейдимен, Фрейджер, 2001), Грофом (Гроф, 2001), Ассаджиоли (Ассаджиоли, 2002), как самопредъявление идентичности и взаимодействие личностей, обусловленное архетипами (например, Анимы и Анимуса в гендерных отношениях), перинатальными матрицами и сублимностями, с которыми Я отождествляется. Духовную персону можно обозначить как сознание и личное бессознательное, чему тоже уделяется внимание авторами трансперсонального толка. Единственным полностью не представленным уровнем оказывается интерперсона материальная как демонстрация символов статуса, наверное, для данного подхода, этот уровень оказывается слишком поверхностным, обусловленным более глубинными структурами. Интерперсона духовная представлена у Маслоу (Маслоу, 1999) как основные гуманистические ценности самоактуализирующихся людей, регулирующие межличностные отношения. И, конечно, большое внимание данный подход уделяет трансперсональным переживаниям: проявления материальной трансперсоны как рисование мандалы для интеграции опыта, полученного в дыхательном процессе, рисование, лепка, песочная терапия Юнга. Трансперсональные переживания связаны с перинатальными, архетипическими образами, состоянием Единства и отсутствия субъект-объектного разделения. Подобием отношений гуру и ученика как проявления социальной трансперсоны можно считать указа-

ния на аспекты взаимоотношений процессуального терапевта А.Минделла и его клиентов, а также встречи с внутренним учителем у Юнга и Ассаджиоли.

Можно обобщить результаты проведенного анализа относительно того, насколько тот или иной слой психической феноменологии представлен в различных направлениях изучения идентичности в таблице 1.

Знак «+ +» означает, что в данном направлении указанному уровню уделяется достаточно внимания, «- -» — уровень

не представлен, «+ -» — представлен, но недостаточно, «- +» — уровень вскользь упоминается авторами.

Обобщая результаты проведенного анализа основных подходов к изучению идентичности, а также применения интегративного подхода для данной цели, мы пришли к следующим выводам.

1. Каждый подход в изучении идентичности релевантен и правомерен относительно рассматриваемой им феноменологии психического, той отдельной

Таблица 1. Представленность уровневой феноменологии психики в изучении идентичности у представителей разных направлений

	Психоанализ	Интеракционизм	Когнитивизм	Нарратив	Трансперсона
Персона материальная	- +	- +	- -	- -	+ -
Персона социальная	+ -	+ +	+ +	+ -	- +
Персона духовная	+ +	- +	+ -	+ +	+ -
Интерперсона материальная	- -	- +	- -	- -	- -
Интерперсона социальная	+ +	+ +	+ +	+ +	+ -
Интерперсона духовная	- -	- -	+ +	+ -	+ +
Трансперсона материальная	- -	- -	- -	- -	+ +
Трансперсона социальная	- -	- -	- -	- -	+ -
Трансперсона духовная	- +	- -	- -	- -	+ +

области, которой в большей степени уделяется внимание.

2. Интегративный подход как критический синтез и рефлексия различных школ и направлений наиболее полно охватывает феноменологию психического и идентичности личности. Преимуществами применения интегративной методологии к исследованию идентичности личности являются: учет различных областей психики и многомерности Я человека; преодоление расщепленности идентичности состоящей из отдельных компонентов (будь то Эго, интеракция, личностная, социальная идентичность и пр.) и нахождение фактора, объединяющего ее множественность — сознание; развитость психотехнического компонента, способствующего преодолению разрыва между теоретической и практической психологии.

3. Проведенный анализ показал недостаточную научную проработанность исследователями отдельных областей психики. Это, прежде всего, касается телесности и материальных коррелятов статуса как трансляторов психологических смыслов идентичности вовне и трансперсональной проблематики, которая рассматривается только очень ограниченным кругом исследователей, а также рассмотрения отвергаемых аспектов идентичности (не-Я) как потенциально-го источника проблем и личностного роста.

4. В интегративном подходе явно обозначен элемент целостности, самоотжественности, единства и преемственности идентичности — это сознание, которое и задает тождественность самому себе, субъект-субъектное отношение и является чистой осознанностью, направленной на саму себя.

5. Идентичность с точки зрения интегративного подхода понимается как единство сознания и объектов идентификации. Идентичность есть отождествле-

ние Персоны, Интерперсоны, Трансперсоны в аспектах материального, социального и духовного компонентов со своим Я или сознанием.

Литература

1. Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131.

2. Ассаджиоли Р. Психосинтез. Принципы и техники / Пер. с англ. Е.Перовой. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. 416 с. (Серия «Психологическая коллекция»).

3. Барский Ф.И., Кутузова Д.А. Представления об идентичности в рамках нарративного подхода // Мир психологии. 2004. № 2. С. 67.

4. Гроф С. За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / С.Гроф; Пер. с англ. А.Андрианова, Л.Земской, Е.Смирновой под общ. ред. А.Дегтярева. — М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2001. 504 с. (Тексты трансперсональной психологии).

5. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освящение повседневности. — М.: Психотерапия, 2007. 528 с.

6. Козлов В.В. Психолог: интегративная позиция // Седьмая волна психологии. Вып. 2 / Под ред. В.В.Козлова, Н.А.Качановой. — Ярославль: ЯрГУ; Минск: МАПН, 2007. 382 с.

7. Козлов В.В. Презумпция интегративности // Психология XXI столетия. Т. 1 / Под ред. В.В.Козлова. — Ярославль: МАПН, 2007. С. 344.

8. Козлов В.В. Социальная работа с кризисной личностью. Методическое пособие. — Ярославль, 1999. 238 с.

9. Козлов В.В. Истоки осознания. — Волгоград: Издательство «Семь ветров», 1999. 288 с.

10. *Козлов В.В.* Психотехнологии измененных состояний сознания. Личностный рост. Методы и техники. — М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. 384 с.
11. *Майков В.В., Козлов В.В.* Трансперсональная психология: Истоки, история, современное состояние / В.Майков, В.Козлов. — М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2004. 603 с.
12. *Маслоу А.Г.* Дальние пределы человеческой психики / Перев. с англ. А.М.Татлыбаевой. Научн. ред., вступ. статья и коммент. Н.Н.Акулиной. — СПб.: Евразия, 1999. 432 с.
13. *Минделл А., Минделл Э.* Вскачь, задом наперед: Процессуальная работа в теории и практике / Пер. с англ. Л.Масловой и В.Самойлова. — М.: Независимая фирма «Класс»; Издательство Трансперсонального института, 1999. 224 с. (Библиотека психологии и психотерапии. Вып. 73).
14. *Павленко В.И.* Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // Вопросы психологии. 2002. № 1. С. 135–142.
15. *Петренко В.В.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 3. С. 113–121.
16. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Теоретическая психология: Учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. 496 с.
17. *Уилбер К.* Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, терапия / Пер. с англ. под ред. А.Киселева. — М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2004. 412 с. (Тексты трансперсональной психологии).
18. *Уилбер К.* Никаких границ / Пер. с англ. Владимира Данченко и Александра Ригина. — М.: Изд-во Трансперсонального института, 1998. 176 с.
19. *Уилбер К.* Око духа: Интегральное видение для слегка свихнувшегося мира / Пер. с англ. В.Самойлова под ред. А.Киселева. — М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2002. 476 с. (Тексты трансперсональной психологии).
20. *Уилбер К.* Проект Атман: Трансперсональный взгляд на человеческое развитие / Пер. с англ. под ред. А.Киселева. — М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2004. 314 с. (Тексты трансперсональной психологии).
21. *Фрейдджер Р., Фейдимен Д.* Личность: теории, эксперименты, упражнения. — СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. 864 с. (Психологическая энциклопедия).
22. *Шнейдер Л.Б.* Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг: Учеб. пособие. — М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2004. 600 с. (Серия «Библиотека психолога»).
23. *Эриксон Э.Г.* Идентичность: юность и кризис. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.
24. *Юнг К.Г.* Аналитическая психология: Прошлое и настоящее / К.Г.Юнг, Э.Сэмюэлс, В.Одайник, Дж.Хаббэк; Сост. В.В.Зеленский, А.М.Руткевич. — М.: Мартис, 1995. 320 с. (Классики зарубежной психологии).
25. *Юревич А.В.* Интеграция психологии: утопия или реальность // Вопросы психологии. 2005. № 3. С. 16–28.
26. *Юревич А.В.* Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5.
27. *Юревич А.В.* Психология и методология // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 35–47.
28. *Юревич А.В.* Структура психологических теорий // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 5–13.

Гусева Т.

ДОВЕРИЕ К СЕБЕ КАК УСЛОВИЕ ГАРМОНИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ С САМИМ СОБОЙ

Вопрос доверия в нашей жизни всегда занимал и будет занимать огромное значение. Мы доверяем или не доверяем не только людям, но и политическим партиям, религии, магии, своему спутнику, самому себе...

Феномен доверия традиционно рассматривался в рамках философских концепций. В психологии исследование этого феномена началось сравнительно недавно, и изучение феномена доверия, как в теоретическом, так и в прикладном аспектах, с каждым днем становится все более актуальным. Эта актуальность определяется, прежде всего, тем, что за последние несколько лет в обществе имеет место разрушение устоявшихся норм и ценностей. А это, в свою очередь, способствует появлению негативных тенденций, проблем как в жизни общества в целом, так и отдельного человека в частности. Согласно многочисленным литературным источникам доверие является одним из механизмов гармонизации отношений человека с миром и с самим собой, поэтому изучение данного феномена представляется крайне необходимым.

Каждый человек находится в тех или иных взаимоотношениях с миром и с самим собой. Эти взаимоотношения позволяют ему выстраивать определенную систему ценностей. Но появлению определенного качества взаимоотношений человека с миром и с собой предшествует формирование определенного уровня доверия человека к миру и к себе. Таким образом, доверие выступает в качестве так называемой социально-психо-

логической установки по отношению к миру и к себе.

Доверие к себе представлено в работах многих ученых (Т.П.Скрипкина, Р.Эмерсон, О.В.Голубь, и другие). Оно рассматривается ими, прежде всего, как позиция человека по отношению к самому себе. Эта позиция может выражаться по-разному: от полного принятия себя, самоуважения, осознания ценности своей личности, способности нести ответственность за свое поведение и т.д. до полного недоверия к себе, а значит, зависимости от чужого мнения, поведения, неспособности ставить перед собой цели, самостоятельно их достигать и т.п.

Самопринятие играет очень важную роль в формировании доверия к себе. Принять себя означает полностью раскрыться перед собой, раскрыться во всех проявлениях своей сущности, быть для себя самим собой, без всяких социальных масок.

Принимая себя, человек адекватно осознает наличие всех своих достоинств и недостатков, своих слабых и сильных сторон. Таким образом, принимая себя, человек становится близким самому себе, искренним перед собой. Он перестает осуждать себя за какие-то неверные действия, осознавая свои слабости. Принимая себя, человек все свои мысли, поступки, образ жизни выстраивает в согласии с самим собой. Всецело приняв себя, ему больше не требуется огромное количество энергетических затрат на то, чтобы подавлять свое истинное «Я».

И в результате человек начинает доверять себе: своим мыслям, чувствам,

ощущениям, действиям; он начинает доверять первичным импульсам, исходящим от его тела. Человек перестает бояться чужих оценок, мнений, перестает зависеть от них, перестает подстраиваться под них. Приняв себя, доверяя себе, у человека как бы формируется «внутренний стержень», который позволяет видеть себя изнутри, и на котором рано или поздно начинают вырастать его личные позиции в отношении других людей и всего окружающего мира.

К сожалению, большинство людей воспитываются на многочисленных стереотипах, запретах, ограничениях. Человек изначально воспитывается зависимым от других людей. В детстве он зависит от мнения родителей, в юности и зрелом возрасте — от мнения друзей, коллег, авторитетов. Многие люди находятся в зависимости друг от друга. Люди переполняют свое сознание разными мнениями, позициями, оценками, установками в отношении чего-либо. И эти мнения, оценки, позиции и установки часто очень противоречат друг другу. В результате, сознание человека становится настолько переполненным, что создается полный хаос. Человек не знает, чему верить, что правильно, а что нет. Одни говорят о нем одно, другие совсем другое. Это порождает сомнения человека в отношении самого себя, а сомнения, в свою очередь, никуда не исчезают, а, наоборот, с каждым днем продолжают наслаиваться друг на друга. И, кажется, что человек совершенно не знает себя: кто он, зачем он, почему он. Так человек попадает в зависимость от других. Но он не может остановиться и сделать шаг назад, так как боится остаться один, считая, что в одиночестве потеряет себя.

В результате человек в большей степени привыкает ориентироваться и полагаться на чужое мнение. И если кто-то не верит в его способности и потен-

циал, то, скорее всего, человек не решится на тот или иной поступок. Причиной этому, вероятно, является то, что человек боится не оправдать доверие других людей в отношении себя.

Таким образом, человек губит свои способности, зарывает свой талант, не позволяет раскрыться своему потенциалу, своим ресурсам. Все это происходит потому, что человек сам себе не доверяет, он сам не верит в свои силы и способности. Он часто соглашается с мнением других, не зная себя, не зная своего истинного «Я», будто не понимая, что он сам может и хочет на самом деле.

И действительно, оказывается, что человек совершенно не знает самого себя. Как же ему быть? Как ему избавиться от того рабства, в которое он сам себя заключил?

И здесь самым главным является принятие себя, заглянуть вглубь себя, обратиться к своему «Я», полностью раскрыть свое «Я» перед собой, прислушаться к своему внутреннему голосу. Увидеть в себе те качества, тот потенциал, те ресурсы и возможности, которые на самом деле есть. При этом важно быть предельно искренним с собой, настоящим, без фальши, лести и масок.

И только увидев себя таким, человек может стать близким самому себе, он может раскрыть перед собой всю свою сущность. Человек может доверять себе, а значит, он может полюбить себя.

Доверяя себе, человек является свободным: он независим и невозмутим в принятии решений, совершении каких-то поступков и т.д., в противном же случае, он не может быть самим собой, так как зависит от других.

Эта зависимость является очень характерной для нашего общества, когда человек не чувствует себя в безопасности, так как в мире господствует жесткая конкуренция, криминал, безграничная погоня за властью, престижем, боль-

шими деньгами. Человек вынужден защищаться и постоянно укрепляет свою защиту (как правило, такой защитой является увеличение дистанции между собой и другими или различные социальные маски, которые увеличивают дистанцию между «Я» — социальное и «Я» — реальное).

Все это не позволяет человеку прислушиваться к своему внутреннему голосу, быть открытым и искренним, иначе он будет слаб и уязвим, а значит, этим может кто-то воспользоваться.

В результате человек вынужден постоянно носить маски, создавая для себя напряжение, которое, в свою очередь, влечет за собой негативные эмоции и переживания. Таким образом, в теле человека формируются зажимы, не позволяющие свободному протеканию энергии по всему телу.

Маски, которые человек носит постоянно, зажимы, которые формируются в результате этого, способствуют подавлению индивидуальности человека; истинная его сущность глубоко подавляется. В результате человек не знает себя, своего подлинного «Я», что и приводит к зависимости его от окружающих людей и событий.

Возможность осознать и проработать сформировавшиеся зажимы и блоки дает телесно-ориентированный подход. Его главной целью является облегчение самовыражения с помощью мобилизации энергии тела и возвращения ее природных качеств. Это приводит к свободе телодвижений, свободе от мышечного напряжения, раскрепощает тело, освобождает зажатую в блоках энергию. Таким образом, человек не только получает сознательный «доступ» к своему телу, возможность прислушаться к его импульсам, но и возможность избавиться от испытываемой отчужденности. В результате человек становится более чувствительным к себе, к своему телу, он начинает

видеть и осознавать каналы взаимодействия со своим телом. Он чувствует и понимает импульсы, исходящие от тела. Он становится ближе к себе, начинает раскрываться перед собой, открывать в себе что-то ценное и сокровенное, чего раньше не знал и не испытывал.

Человек начинает вести диалог со своим телом, возобновляется или появляется вновь доверие к знакам и сигналам тела, актуализируется творческий потенциал человека. Он начинает познавать себя, каждый раз открывая что-то новое. Это путь к подлинному «Я». Путь, на котором человек начинает принимать себя во всех своих проявлениях.

Таким образом, с помощью грамотно подобранных и специальным образом организованных телесно-ориентированных техник человек получает возможность встать на путь формирования или восстановления доверия к себе. С помощью этих техник человек обретает истинное «Я», принимает его, обретая гармонию с самим собой и со своим телом. Благодаря этому, а также раскрытию своего творческого потенциала, человек получает уникальную возможность развития уверенности в себе, чувства самооценности, доверия к самому себе.

Принимая себя, доверяя себе, человек находится в согласии, в гармонии с самим собой. Он внутренне спокоен и невозмутим, так как внутри него есть этот «стержень», есть то внутреннее ядро, которое позволяет ему быть уверенным в своих силах и возможностях, позволяет ему быть самим собой.

Таким образом, доверие к себе является главным условием гармоничных отношений личности с самим собой. Доверяющая себе личность способна воспринимать и принимать себя как целостный субъект, для которого характерным является самоуважение, независимость ценностей, искренность перед собой и открытость себе и своему личному опыту.

Мазур Ю.О.

ТРЕНИНГ ЛИЧНОСТНОГО РОСТА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Актуальность изучения феномена просоциального поведения и методов его развития определяется потребностью социума в людях, способных творить себя и способствовать развитию и творчеству других людей. В условиях современных перемен в российском обществе направленность деятельности личности приобретает не столько эгоцентрический аспект, сколько альтруистический, которые при гармоничном сочетании отражаются в стремлении к самореализации. В результате исследований отечественные психологи обнаружили в современном обществе тенденцию к некоторому возрастанию значимости гуманистических ценностей (К.А.Абульханова, М.И.Воловикова, 2007). В данном контексте возникает вопрос о том, каким образом можно способствовать дальнейшей актуализации и развитию просоциальной направленности личности.

Одним из оптимальных средств развития просоциального поведения является социально-психологический тренинг. Именно в рамках психологического пространства у каждого человека появляется возможность обнаружить собственные потенции, выйти на путь самореализации, и в дальнейшем сделать свою жизнь и жизнь других людей наполненной. Психологические формы работы, представляя собой средство развития просоциального поведения, делают возможным сохранение в нашем обществе людей, способных удерживать гуманистические ценности, необходимые для сохранения культуры в целом,

так как если не будет людей способных держать собой культуру, не будет мира, в котором это будет возможно.

Просоциальное поведение трактуется достаточно широко и не сводится к какой-либо одной фиксированной модели поведения. Диапазон действий направленных на благополучие других простирается от мимолетной любезности до помощи человеку, оказавшемуся в опасности, попавшему в трудное положение, вплоть до спасения его ценой собственной жизни. В целом, просоциальное поведение определяется как поведение, направленное на благо общества, реализующееся в помощи, заботе, сотрудничестве, участии в делах и переживаниях других людей.

В результате анализа исследований в данной области, мы можем заключить, что, во-первых, просоциальное поведение включает в себя эмпатию, альтруизм и помогающее поведение, во-вторых, просоциальная направленность характерна для зрелой личности, ориентированной на самореализацию и личностный рост [5; 10; 11].

В проявлениях социально-значимой ориентации подразумевается не отказ от своих жизненных целей и ценностей в пользу социума, не слепые формы жертвования собой в стремлении получить социальное одобрение или компенсировать чувство вины, и не невротическая потребность сделать других людей зависимыми от себя, проявляя чрезмерное беспокойство и, как указывал Э.Фромм, «невротический альтруизм». Просоциальная направленность предполагает

способность найти оптимальное сочетание общественных и индивидуальных смыслов, реализовывать индивидуальный потенциал на пользу обществу, сохраняя активную жизненную позицию, устойчивую систему внутренних стандартов, ценностей и представлений о себе.

Рассматривая смысл жизни в аспекте интеграции личной и социальной действительности, С.Мадди утверждает, что цели и смысл жизни должны быть определены в соответствии с общественными идеалами, но в тоже время не должны являться результатом пассивного включения личностью в себя внешних стандартов без осмысления и без учета внутренних приоритетов [6].

В связи с тем, что самоактуализация основывается на согласованном бытии личности в двух мирах (действительном, социальном мире и мире внутреннем, психическом) возможно гармоничное сочетание общественных и индивидуальных ценностей, реализация личности на благо других, при сохранении ощущения собственной индивидуальности, а также достижение новых уровней интеграции [12].

Обращаясь к теориям Э.Фромма, А.Адлера, К.Роджерса, мы можем сделать вывод, что только зрелая личность, обладающая самопринятием и уверенностью в собственных возможностях, способна на отдачу и социально-полезные поступки. Это связано с тем, что отношение человека к самому себе определяет его отношение к другим. Соответственно, неуверенность в собственных силах, глубинное недовольство собой и другие дефицитарные качества усиливают ориентацию личности только на собственные интересы и склонность к употреблению «нелегальных методов достижения цели» (К.Муздыбаев, 2000, с. 35).

В.М.Русалов, А.Л.Журавлев, Е.Ф.Василюк, Ю.Б.Гиппенрейтер и другие указывают, что гуманистическая направленность личности отражается в ее жизненных целях и ценностях, а именно в стремлении способствовать творчеству других людей, служении общечеловеческим идеалам [3; 4; 5; 11].

Таким образом, для достижения просоциального уровня личности необходимы четкая система целей и ценностей, с выраженной гуманистической направленностью, согласованность представлений о себе, в которых преобладают позитивные и ресурсные личностные черты, а также способность устанавливать такие отношения с людьми, в которых сохраняется ценность друг друга.

Как правило, просоциальная направленность личности закладывается в детстве. В дальнейшем реализуется или корректируется в совместной деятельности и общении со сверстниками, а в зрелом возрасте в социальных формах деятельности. Последующие изменения направленности личности могут возникать в кризисных жизненных ситуациях, когда происходит пересмотр системы ценностей, смыслов, отношений с миром. На данную закономерность указывают многие исследователи.

По мнению Б.Ф.Ломова, смена доминирующих, стержневых мотивов, происходит при существенных изменениях условий жизнедеятельности личности, ее отношений с обществом. Е.А.Петрова и Т.Б.Карцева рассматривают трудные жизненные ситуации как фактор, создающий условия для личностной трансформации и изменения смысла жизни. По мнению польской исследовательницы Н.Сек, поворотные жизненные события, в отличие от повседневных неприятностей, обладают более сильным, долгим и устойчивым эмоциональным влиянием на личность и могут

быть рассмотрены как моменты личностного роста [12].

В переживаниях «неподлинности бытия», в ситуации «потери смысла жизни» и «экзистенциального вакуума», с позиции представителей экзистенциальной психологии (Р.Мэй, И.Ялом, Дж.Бьюдженталь, В.Франкл), для личности появляется возможность обретения себя, возможность трансформации, развития гуманистической направленности [13; 15].

В данном контексте возникает вопрос о том, способен ли человек, находясь в сложной жизненной ситуации, самостоятельно активизировать свой потенциал, найти конструктивный выход из сложившегося положения и осуществить процесс личностных изменений в ресурсном направлении. Кроме того, развитие и изменение предполагают отказ от более простой, менее напряженной жизни и начало более трудной, связанной с большей ответственностью и большими испытаниями, проявлением воли, умения делать выбор.

Когда человек приходит к выводу, что ни его собственных ресурсов, ни поддержки друзей и членов его семьи недостаточно, тогда он начинает искать возможность получить профессиональную психологическую помощь.

В специально организованном психологическом пространстве у человека появляется возможность стать зрелой, автономной, свободной личностью, способной выбирать и формировать свой жизненный путь. В рамках социально-психологического тренинга возможно не только разрешение жизненных проблем, но и раскрытие личностного потенциала, а также перенаправление внутренней энергии за пределы эгоистического «Я», актуализация стратегий самореализующейся личности, которые отличаются социальной значимостью и

отражаются в служение общечеловеческим ценностям и идеалам.

Другими словами, социально-психологический тренинг личностного роста может стать средством развития просоциального поведения. Рассмотрим подробнее, какие содержательные компоненты тренинга личностного роста могут этому способствовать.

Во-первых, социально-психологический тренинг, в том числе и тренинг личностного роста, предполагает более глубокое познание себя и активизацию работы самосознания. Осознание себя становится возможным в тренинговой группе, в которой моделируется система взаимоотношений, характерная для реальной жизни участников. Это дает им возможность увидеть особенности взаимодействия между людьми и свои собственные модели поведения. Также у участников группы появляется возможность поставить себя на место партнера, идентифицировать себя с ним, «сыграть» роль другого человека как для лучшего понимания его или себя, так и для знакомства с новыми моделями поведения.

По мнению В.К.Стауб, ролевые игры, в которых участники становятся то в позицию нуждающегося в помощи, то в позицию оказывающего ее, тем самым научаясь принимать различные точки зрения, способствуют последующему проявлению альтруистической направленности. В свою очередь, для кооперативного поведения типичным является стремление действовать солидарно в целях извлечения взаимной пользы, готовность к взаимной поддержке и помощи друг другу, что также становится возможным в процессе совместной деятельности в тренинговой группе [10].

Любая социальная группа, по мнению В.В.Козлова, является субъектом совместной деятельности, средой само-

реализации личности. Тренинговая группа, в которой особым образом организованы условия, представляет собой возможность для личностного роста и расширения границ реализации потенциала [9].

Совместная деятельность предполагает развитие умения согласовывать свои действия с другими, подчиняться правилам группового взаимодействия, а также действовать в интересах других. В процессе взаимодействия и в результате получения обратной связи в рамках социально-психологического тренинга увеличивается вероятность изменений представлений о себе и других, развития эмпатии, альтруизма и помогающего поведения.

Таким образом, обращенность к людям, стремление понять мир другого человека способствуют развитию составляющих просоциальной направленности личности, а именно рефлексивных и эмпатических способностей, которые, по мнению А.Л.Журавлева, являются признаками личностной зрелости [5].

Во-вторых, в рамках тренинга личностного роста создаются условия для движения человека к «себе-лучшему», для того, чтобы личность становилась субъектом собственной жизни. В свою очередь, личностная автономия, согласованность представлений о себе, позитивная самооценка определяют отношение к другим людям и влияют на формирование просоциальной мотивации.

Для достижения автономии необходимы наличие ресурсных личностных качеств, устойчивость и согласованность представлений о себе, способность преодолевать трудности при помощи конструктивных жизненных стратегий. С точки зрения Э.Фромма, личность с отчетливым осознанием своей индивидуальности воспринимает себя как хозяина собственной жизни.

К.А.Абульханова-Славская показателем субъектности развития считает наличие и определенность жизненной стратегии. А.Л.Журавлев утверждает, что все признаки зрелой личности такие как, относительная автономность, социальная ответственность, способность к самостоятельному принятию решений, активная социальная позиция и владение своим социальным окружением, должны обладать гуманистической направленностью [1; 14; 15].

Психологическое пространство является одним из действенных способов раскрытия истинно позитивного, творческого и альтруистического начала в человеке. В групповой атмосфере безопасности и доверия у участников появляется возможность не только экспериментировать с разными моделями поведения, познавать себя и раскрывать внутренний потенциал, но также возможность прийти к согласованным представлениям о себе, принятию себя и позитивному самоотношению.

Г.Боуэр, Дж.Форгас, Н.Шварц считают, что позитивное настроение и мысли влияют на склонность к позитивным действиям, то есть усиливают просоциальную мотивацию [10]. Выше мы указывали, что самопринятие и уверенность в собственных возможностях способствуют социально-полезной деятельности (Э.Фромм, К.Муздыбаев), а также определяют отношение к другим людям, стратегии взаимодействия, коммуникативную и конфликтную компетентность (К.Роджерс, Г.Олпорт, С.М.Кашапов) [7; 8; 14].

В.В.Козлов указывает, что «человек, сонастроенный с положительными состояниями, является существом с более высокой жизненной энергией, с более высокой степенью самоактуализации, проявленности в жизни, в творчестве, в социуме» (В.В.Козлов, 2007, с. 62).

Современные западные исследования показывают, что высокий уровень самооценки личности связан с более высокими способностями к солидарности и сочувствию, а также с более выраженным чувством свободы и автономии [10]. Кроме того, представления личности о себе, положительная самооценка являются мотивирующим основанием при постановке целей и планировании будущего, которые в свою очередь также могут явиться определяющими компонентами просоциальной направленности.

В-третьих, тренинг личностного роста предполагает актуализацию социально-полезной мотивации и формирование жизненных стратегий, в которых находят свое отражение общечеловеческие ценности и идеалы.

Именно жизненные цели и ценности представляют собой личностное основание, которое в большей степени определяет просоциальные модели поведения. Самоактуализация возможна тогда, когда личность становится способной выйти за пределы собственного Я и реализовывать себя на путях альтруистической, значимой для других деятельности [3; 4; 5; 13; 15].

На связь просоциальной направленности личности с системой жизненных целей и ценностей указывали В.Франкл, А.Маслоу, И.Ялом, Н.Шварц, Б.С.Братусь, Ф.Е.Василюк, К.А.Абульханова-Славская и др.

В жизненных целях находит свое отражение система ценностей, которая не только служит внутренней опорой для личности, но и является критерием для выбора цели, стратегий ее достижения, построения отношений с людьми. В связи с тем, что человек преобразует мир сообразно своим целям, возникает вопрос о содержании и направленности жизненных ценностей. Другими словами, возникает вопрос об их созидатель-

ном или разрушительном аспекте, социальной полезности или вредности.

В свою очередь, «важнейшими психологическими факторами формирования системы ценностных ориентаций выступают личностные свойства» (К.А.Абульханова, М.И.Воловикова 2007, с. 11). С повышением самооценки личности возрастает значимость ценности счастья других, честности и чуткости. Это связано с тем, что личность, высоко оценивающая себя, может по достоинству оценить и других. При наличии высокого творческого потенциала возрастает значимость ценностей любви, творчества и мудрости. Таким образом, по мнению К.А.Абульхановой и М.И.Воловиковой, с высокой оценкой личностью своих возможностей связано в целом гуманистическое отношение к окружающему миру и соответственно просоциальная стратегия поведения [1].

Тренинг личностного роста является наиболее оптимальным средством для осознания и корректировки системы ценностей, формирования четких жизненных целей, с выраженной позитивной направленностью на других и общество в целом. Получение и предоставление обратной связи, опыт других людей, участие в специально организованных упражнениях, направленных на исследование собственного способа пребывания в мире, а также способствующих зарождению социально-значимой мотивации, позволяет участникам пересмотреть и расширить жизненные ориентиры, включить в систему целей просоциальный аспект и реализовывать свой потенциал на благо общества. Другими словами, у участников тренинга появляется возможность не только стать творцом собственной жизни, но и способствовать творчеству других людей.

В-четвертых, тренинг личностного роста должен реализовываться на

принципах интегративного подхода. Только в этом случае возможно формирование и развитие просоциального поведения.

В.В.Козлов выделяет следующие семь принципов интегративной методологии. Первым принципом является принцип целостности, суть которого заключается в понимании «личности как чрезвычайно сложной, открытой, многоуровневой, самоорганизующейся системы, обладающей способностью поддерживать себя в состоянии динамического равновесия и производить новые структуры и новые формы организации» (В.В.Козлов, 2007, с. 52). При реализации данного принципа важным является ориентация на человека как временную целостность, включающую его прошлое, настоящее и будущее, а также следование логике внутреннего процесса трансформации личности.

Вторым принципом является генетический принцип, который выражается в том, что «человеческая психика, личность, группа любого уровня структурной и функциональной сложности, имеет множество потенциальных направлений своего развития. Эти направления определяются в критических точках — точках кризисного состояния, где личность, или группа, делает выбор в отношении пути своего дальнейшего развития» (В.В.Козлов, 2007, с. 56). В состоянии кризиса личности или социальной общности необходима качественно организованная и структурированная поддержка, которой могут явиться социально-психологические формы работы. Данный принцип также предполагает рассмотрение процесса формирования просоциального поведения по каналам, которые выходят за границы индивидуальности, включают все окружающее и имеют смысл только в их отношении к целому.

Третьим принципом является принцип обусловленности, который подразумевает существование не только линейных причинно-следственных отношений, но и акаузальных взаимосвязей как внутри психики, так и между событиями внешнего мира. Принцип обусловленности подразумевает потенциальную возможность для клиента очищения через опыт страдания, возможность трансформации личности на социально полезные цели и деятельности.

Четвертый принцип, принцип позитивности, предполагает центрирование специалиста и клиента на положительном опыте, а также опору на факты, реальность, на опыт жизни, в том числе на житейскую мудрость и подлинность обыденного знания. Нахождение позитивных элементов в ситуации может явиться шагом в трансформации, когда система из кризисного состояния переходит к состоянию более высокого порядка, на следующую ступень интеграции.

Суть пятого принципа, принципа соотнесенности, состоит в необходимости «соотнести интенсивность действия психотехнологии, интенсивность действия личности психолога и уровень психологических возможностей клиента в кризисном состоянии, влияющих на структуру, содержание и форму воздействия» (В.В.Козлов, 2007, с. 63). Необходимым является предоставление свободного пространства клиенту, чтобы в нем выросла самостоятельность и самодостаточность на новом уровне.

Шестым принципом является принцип потенциальности, в котором акцентируется целостное видение личности и группы в перспективе их материального, социального и духовного роста, а также раскрытие их потенциальности, интуиции, творчества, высших состояний сознания и личностных ресурсов. Основанием данного принципа является

ся положение о том, что личность обладает тенденцией к саморазвитию, потенциальностью, интенцией к целостности.

Седьмой принцип, принцип многомерности истины, заключается в том, что любое объяснение и понимание индивидуальной психической реальности всегда будет не полным, в силу наличия при любом объяснении ряда неучтенных переменных. В тоже время факт того, что личность созревает на протяжении всей жизни, высокая динамичность индивидуальной психической реальности и межличностных отношений указывают на то, что любое понимание и объяснение человека может претендовать на жизнь и истинность [9].

В результате анализа преимуществ социально-психологического тренинга, мы можем сделать вывод, что тренинг личностного роста является оптимальным и действенным средством развития просоциальной направленности. Другими словами, тренинг личностного роста способствует актуализации ресурсного потенциала личности, формированию моделей личностной зрелости, расширению репертуара социально-полезных форм поведения, выходу на новый уровень интеграции.

Литература

1. Абульханова К.А., Воловикова М.И. Психосоциальный и субъектный подходы к исследованию личности в условиях социальных изменений // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 5. С. 5–14.
2. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. — М., 1993. 175 с.
3. Василюк Е.Ф. Типология переживания различных критических ситуаций // Психологический журнал. 1995. № 5. С. 104–114.
4. Гиппенрейтер Ю.Б. О природе человеческой воли // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 3. С. 15–24.
5. Журавлев А.Л. «Социально-психологическая зрелость»: обоснование понятия // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 44–54.
6. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. — М.: Смысл, 2003. 487 с.
7. Муздыбаев К. Эгоизм личности // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 2. С. 27–39.
8. Кашипов С.М. О модели становления конфликтной компетентности // Ярославский психологический вестник. Вып. 21. С. 75–80.
9. Козлов В.В. Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освещение повседневности. — М.: Психотерапия, 2007. 528 с.
10. Кухтова Н.В. Феномен просоциального поведения в психологической науке (некоторые подходы в изучении просоциального поведения) // Белорусский психологический журнал. 2004. № 1. С. 60–65.
11. Русалов В.М. Психологическая зрелость: единая или множественная характеристика? // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 83–91.
12. Старовойтенко Е.Б. Культурная психология личности: монография. — М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2007. 310 с.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла // Под. ред. Л.Я.Гозмана и Д.А.Леонтьева. — М.: Прогресс, 1990. 368 с.
14. Фромм Э. Душа человека. — М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. 664 с.
15. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т.С.Драбкиной. — М.: Класс, 2005. 576 с.

Сапожникова О.А.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СИСТЕМ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДИКИ OSAI

При большом интересе к оценке и развитию организационной культуры в настоящее время отсутствуют методики исследования взаимодействия систем организационных и индивидуальных ценностей.

В методике OSAI, разработанной Камероном К.С. и Куинном Р.Э. для диагностики организационной культуры, реализуется теоретический подход, в котором ключом к оценке является идентификация структурных элементов организации, отражающих ключевые ценности и допущения. В данной методике используется рамочная конструкция базовых конкурирующих ценностей (см. рисунок 1).

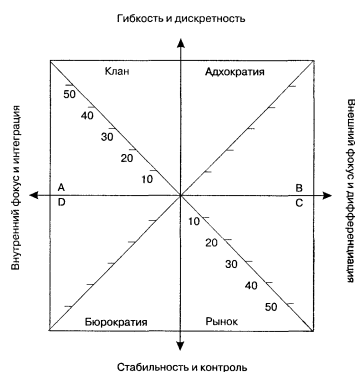

Рис. 1. Рамочная конструкция базовых ценностей

Рамочную конструкцию составляют два измерения — две пары базовых ценностей. Одно из них отделяет критерии эффективности, которые подчеркивают

гибкость и дискретность от критериев, акцентирующих стабильность и контроль. Второе измерение отделяет критерии эффективности, которые подчеркивают внутреннюю ориентацию, интеграцию и единство, от критериев, ассоциируемых с внешней ориентацией, дифференциацией и соперничеством. Оба измерения образуют четыре квадранта, каждый из которых представляет собой четко различимый набор индикаторов организационной эффективности. Эти четыре группы критериев определяют стержневые ценности, по которым выносится суждение об организации. Таким образом, каждая из культур характеризуется основополагающими ценностями:

- клан — гибкость и дискретность, внутренний фокус и интеграция;
- адхократия — гибкость и дискретность, внешний фокус и дифференциация;
- рынок — стабильность и контроль, внешний фактор и дифференциация;
- бюрократия — стабильность и контроль, внутренний фокус и интеграция.

Кроме содержательных измерений авторы методики выделяют образцовые измерения организационной культуры: тип, сила культуры и согласованность структурных элементов культуры.

По мнению авторов методики OSAI тип культуры организации следует определять по профилю культуры: каким типом культуры организация обладает на основании большей выраженности одного из квадрантов системы координат. В данном случае достаточно выбрать из четырех средних оценок большую.

В качестве базиса в методике OSAI используется шесть аспектов организационной культуры:

1) *доминантные характеристики организации*, то есть выявление обобщенного образа организации;

2) *стиль лидерства*;

3) *управление наемными работниками*, или стиль, который характеризует отношения к наемным работникам и определяет, что представляют собой условия труда;

4) *связующая сущность организации*, или механизмы, которые создают целостность организации;

5) *стратегические акценты*, которые сформированы в конкретной организации;

6) *критерии успеха*, которые показывают, как определяется победа, и что именно вознаграждается и чувствуется в данной организации.

Эти аспекты отражают культурные ценности. Оценки, выявленные в ходе опроса, позволяют обнаружить не только тип культуры или комбинацию типов культуры организации, но и ее силу, идентифицировать не только сформировавшуюся, но и предпочтительную культуру.

Перед нами стояла задача адаптации методики к цели нашего исследования: установление соответствия систем организационных и индивидуальных ценностей.

Во-первых, мы провели опрос среди сотрудников всех уровней. Руководители оценивают организацию как субъекта в целом, а рядовые сотрудники как среду индивидуального существования. Опрос мнения всего коллектива или большей его части позволяет повысить точность оценки. Авторы методики OSAI считают достаточным для диагностики сформировавшейся организационной культуры и выбора направления изменений проведение опроса среди груп-

пы менеджеров, оказывающих непосредственное влияние на формирование организационных ценностей. Руководители, скорее всего, будут более удовлетворены состоянием своего положения и дадут оценку состояния организации с точки зрения ее рентабельности, эффективности, а не личностных запросов. В то же время, организационная культура определяет жизненную среду существования рядовых сотрудников. Они проводят здесь большую часть своего времени, и в конечном итоге именно на них оказывает свой эффект организационная культура, и именно от них будет зависеть жизнеспособность организации в целом.

Во-вторых, вывод о типе культуры мы дополнили статистически обоснованным анализом силы культуры организации. Если средние оценки типов культуры не отличаются друг от друга значительно, то тип культуры не может быть установлен, так как в данном случае не могут быть определены значимые организационные ценности. По мнению авторов методики OSAI тип культуры организации следует определять по профилю культуры: каким типом культуры организация обладает на основании большей выраженности одного из квадрантов системы координат. В данном случае достаточно выбрать из четырех средних оценок большую.

Мы считаем, что наблюдения общего профиля недостаточно для того, чтобы оценить, действительно ли тип культуры сильно выражен. По нашему мнению, вывод о силе культуры следует делать с помощью такой статистической процедуры, как метод Уилкоксона. Для этого следует сравнить среднюю оценку типа культуры, оцененного выше других, со средними оценками других культур. Если различия являются значимыми (уровень значимости $p < 0,001$), мы можем утверждать о том, что этот тип культуры

является сильной. Проведя такой статистический анализ, мы так же можем сделать вывод о том, что ценности этого типа культуры являются значимыми. Авторы методики OSAI предлагают выявлять степень, с которой проявляется сила одной или большего количества типов культур в данной организации по наблюдениям их общего профиля.

В-третьих, мы ввели дополнительную характеристику «степень удовлетворенности типом сформировавшейся культуры» для того, чтобы сравнить между собой средние оценки сформировавшейся и предпочтительной культуры. Мы предполагаем, что с помощью этой характеристики можно делать обоснованные выводы о том, насколько сложившийся тип культуры удовлетворяет сотрудников организации. На наш взгляд эта характеристика отражает также и степень совпадения структур индивидуальных и организационных ценностей.

Степень удовлетворенности типом сформировавшейся культуры предполагается устанавливать с помощью уровня статистической значимости p , определенного с помощью критерия Уилкоксона. По нашему мнению, чем больше удовлетворены работники сформировавшейся культурой, тем меньше отличаются друг от друга средние оценки сформировавшейся и предпочтительной культуры.

Можно предположить, что сотрудники редко бывают полностью удовлетворены возможностями, которые предлагает организация. Это порождает дух соперничества, что может способствовать развитию. Однако в случае высокой неудовлетворенности сотрудников своим положением в организации может снижаться эффективность работы на любом из уровней: организационном, групповом, индивидуальном. В данном случае мы можем говорить о значительном несовпадении структур ценностей организации, группы, личности.

В-четвертых, в нашем исследовании впервые проведен анализ полярности-схожести типов организационной культуры, представленных в методике OSAI, исходя их возможности реализации в них конкретных индивидуальных ценностей.

Авторы данной методики вынесли суждение о полярности типов культуры, исходя из возможности реализации в них организационных ценностей. Стержневые ценности, лежащие на разных краях континуума (см. рисунок 1), отвергают друг друга, то есть гибкость противостоит стабильности, внутренняя ориентация — внешней направленности. В результате оба измерения формируют квадранты, отрицающие один другой и конкурирующие друг с другом по диагонали. Таким образом, полярными, по мнению авторов методики OSAI, являются культуры: 1) клановая и рыночная; 2) адхократическая и бюрократическая.

Учитывая достаточно высокую чувствительность респондентов к организационным ценностям, при анализе типов культур мы опирались на предпочтения и соотнесли тип организационной культуры с более широким спектром индивидуальных ценностей (тест Рокича), который выявлен при установлении взаимосвязей с предпочтительной культурой.

Схожими мы считаем два типа организационной культуры, которые имеют взаимосвязи с группой одинаковых индивидуальных ценностей.

Полярными две культуры являются в том случае, если индивидуальные ценности, значимые для респондентов, предпочитающих первый тип культуры, в то же время, малозначимы для респондентов, предпочитающих второй тип.

Проведенный нами сравнительный анализ индивидуальных ценностей, взаимосвязанных с клановой и рыночной культурами, позволил выявить индивидуальные ценности, которые связа-

ны одновременно и с той и с другой. При этом мы обнаружили, часть индивидуальных ценностей имеет общую направленность на взаимоотношения. Эти ценности значимы для респондентов, предпочитающих клановый тип культуры и малозначимы для респондентов, предпочитающих рыночный. Вторая часть ценностей имеет общую направленность на самореализацию. Эти индивидуальные ценности значимы для респондентов, предпочитающих рыночную культуру, и малозначимы для респондентов, предпочитающих клановую. Исходя из этого, мы считаем, что клановая и рыночная культуры являются полярными, так как привлекательны для личностей с несовместимыми системами ценностей.

В других культурах мы не выявили такой несовместимости систем индивидуальных ценностей друг другу.

Нами выявлено сходство в содержании значимых индивидуальных ценностей, взаимосвязанных с рыночной и адхократической культурой. Они характеризуются на первый взгляд сходством, одинаковой направленностью на самореализацию. Однако это сходство кажется нам лишь внешним. Для того, чтобы выявить отличие рыночной и адхократической культуры друг от друга, мы провели сравнительный анализ индивидуальных ценностей, взаимосвязанных с этими культурами.

Данные культуры мы не можем называть существенно сходными, так как выявлено незначительное количество индивидуальных ценностей, значимых и в той и в другой культуре. Это — познание, продуктивная жизнь, образованность.

Полярными эти культуры так же назвать нельзя, так как системы индивидуальных ценностей, взаимосвязанные с этими типами культуры не являются несовместимыми.

Малозначимые индивидуальные ценности, взаимосвязанные с рыночной

культурой, свидетельствуют о направленности личности скорее на самореализацию через конкурентную борьбу в социальной среде. В тоже время, мы видим, что характер малозначимых ценностей и характеристики адхократической культуры, которые были заложены в методике ОСАИ, указывают, что в данном случае это самореализация несколько иного плана. Она направлена на развитие своего личностного творческого потенциала.

Таким образом, в нашем исследовании методика ОСАИ впервые применена для диагностики взаимодействия систем организационных и индивидуальных ценностей. Для этого мы внесли в методику ряд дополнений. Во-первых, использованы оценки сотрудников всех уровней, а не только руководителей. Во-вторых, тип и сила культуры диагностируются с помощью такой статистической процедуры, как метод Уилкоксона. В-третьих, нами введена дополнительная характеристика «степень удовлетворенности типом сформировавшейся культуры», которая позволяет оценить степень совпадения структур индивидуальных и организационных ценностей. В-четвертых, в нашем исследовании полярность-схожесть типов организационной культуры, представленных в методике ОСАИ, впервые проанализирована, исходя их возможности реализации в них конкретных индивидуальных ценностей.

Литература

1. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры / Под ред. И.В.Андреевой. — СПб.: Питер, 2001. 320 с.
2. SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей / Ахим Бююль, Петер Цефель. — СПб.: ООО «ДиаСофтЮП», 2005. 608 с.

Щеколдина А.А.

**ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
САМОРЕАЛИЗАЦИИ СПЕЦИАЛИСТА
В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ
(НА ПРИМЕРЕ ПОИСКА РАБОТЫ ПРОФЕССИОНАЛОМ В СФЕРЕ
РЕКРУТМЕНТА)**

К началу XXI в. на рынке труда вырос дефицит высокопрофессиональных специалистов в области управления персоналом. Динамичное развитие малого и среднего бизнеса, внедрение инновационных подходов к управлению организацией, повышение конкуренции за человеческие ресурсы среди компаний-работодателей привели к необходимости выведения на стратегический уровень подразделений, отвечающих за управление персоналом организации. Департамент по управлению персоналом, отдел по работе с персоналом, служба персонала — эти подразделения зачастую считаются сервисными, то есть обслуживающими основные бизнес-процессы компании. Недоценивается их роль в решении таких актуальных коммерческих задач, как: формирование имиджа организации как привлекательного работодателя, привлечение и удержание ключевых специалистов прибылеобразующих подразделений, формирование эффективной команды профессионалов, нацеленных на результат.

В настоящее время руководители HR-подразделений (от англ. *human resources* — человеческие ресурсы) в основном занимаются решением оперативных кадровых вопросов, всегда срочных и важных, практически не уделяя времени анализу и профилактике сложившейся ситуации. Соответственно руководители производственных и коммерческих подразделений стремятся возложить ответ-

ственность за неэффективную работу своих подразделений на специалистов по управлению персоналом. Кроме того, руководство компании, как правило, реализует через директора по персоналу непопулярные у персонала решения, в чем видит одно из его функциональных предназначений. Не все специалисты HR-сферы выдерживают такое давление. Некоторые специалисты начинают формально относиться к своим обязанностям, чем дискредитируют имидж профессии, другие — уходят из HR-деятельности, в том числе и с руководящих должностей.

Эти тенденции указывают на проблему профессиональной самореализации специалиста в области управления персоналом, которая является предметом изучения организационной психологии и психологии труда. В данной работе мы приводим результаты исследования, посвященного изучению психологических особенностей профессиональной самореализации HR-специалиста на примере поиска работы профессионалом в сфере рекрутмента (от англ. *recruitment* — набор новобранцев, вербовка в армию, наем на работу).

Исследование проводилось нами на рынке труда г. Москвы с июля 2007 г. по апрель 2008 г. Было изучено 107 предложений о работе на позицию «директор по персоналу». 95% вакансий касались предложений о работе в российских компаниях, 5% вакансий — в западных.

Вакансии предлагались прямыми работодателями и посредниками по предоставлению рекрутинговых и хедхантинговых услуг (от англ. *headhunting* — «охота за головами»; техника переманивания конкретного специалиста из конкретной компании-конкурента). Среди прямых работодателей было изучено 44 компании, работающих в сферах: IT и телеком, системная интеграция, производство, машиностроение, и энергетика, нефть, инвестиции и строительство, банковская сфера, продажа оборудования, консалтинг, логистика, страхование, медиа-рынок. Среди посредников было изучено 45 кадровых агентств и 4 хедхантинговые компании, при этом ряд агентств предлагали на рассмотрение соискателю несколько вакансий в разные компании.

В качестве методов исследования использовались: мониторинг рынка труда (анализ объявлений о вакансиях и резюме соискателей, размещенных в СМИ и Интернет-ресурсах), телефонные переговоры и интервью с представителями прямых заказчиков и посредников, интервью с HR-специалистами, находящимися в поиске работы, и элементы трудового метода (рассмотрение предложений о работе директором по персоналу — автором данного исследования).

В качестве гипотезы мы предположили, что чем выше профессиональная компетентность специалиста по управлению персоналом, тем сложнее ему найти работу, адекватную его профессиональному уровню и ожиданиям в HR-сфере. Особенно ярко, по нашему мнению, эта закономерность проявляется на позиции руководителя HR-подразделения — директора по персоналу.

Директор по персоналу (ДПП) — это специалист, призванный на стратегическом уровне управлять организационными и кадровыми рисками предприятия, формировать единую кадровую полити-

ку, обеспечивать конкурентоспособность компании на рынке труда. От его уровня профессионализма зависит эффективное и оптимальное использование основных инструментов системы управления персоналом, таких как: подбор и адаптация, обучение и развитие, оценка и контроль, оплата и мотивация труда и т.п. Свою работу в компании ДПП, как правило, начинает, с внутреннего аудита кадровой ситуации и разработки рекомендаций по ее оптимизации в соответствии со стратегическими целями компании, ее ресурсами и корпоративной культурой. Далее ДПП формирует бизнес-план, где отражаются ключевые задачи и сроки их реализации, а также KPI (от англ. *key performance indicators* — ключевые показатели результативности), по которым оценивается эффективность реализации задач. К показателям результативности ДПП, например, относятся: уровень текучести кадров, динамика неиницированного найма, инвестиции в обучение, производительность труда, уровень брака, показатели по бизнес-процессам и др. Бизнес-план, как правило, разрабатывается на год — финансовый или календарный, в зависимости от формы учета, принятой в компании. Промежуточный срок отчетности по бизнес-плану — окончание испытательного срока ДПП. Бизнес-план согласовывается с генеральным директором компании и/или владельцами бизнеса, а также с руководителями, отвечающими за стратегическое развитие компании (например, совет директоров). В зависимости от размера компании, стадии ее развития и темпов роста, ДПП формирует HR-подразделение, отвечающее актуальным целям и задачам организации. Наладив работу своего подразделения и внедрив бизнес-процесс «управление персоналом», ДПП занимается профилактикой кадровых рисков и оптимизацией системы управления персоналом. В ситуациях неудов-

летворенности перспективами профессионального развития или недостаточной материальной мотивированности, а также при возникновении объективных факторов (финансовый кризис компании, смена команды менеджеров высшего звена и т.п.) ДПП вынужден искать новое место работы. Именно эту ситуацию мы рассматриваем в своем исследовании.

С точки зрения рынка труда, ДПП — один из самых «подготовленных специалистов» к ситуации поиска работы. Здесь проявляется **феномен «подготовленности специалиста»**. В силу специфики своей профессиональной деятельности ДПП должен хорошо ориентироваться на рынке труда, знать технологии подбора и отбора персонала, владеть навыками самопрезентации и ведения переговоров, знать азы успешного прохождения собеседования. С другой стороны, такая компетентность приводит к завышенным ожиданиям по отношению к качеству отбора кандидатов на должность ДПП, переговоры с непрофессиональным рекрутером часто ведутся с позиции «надстройки сверху». Профессиональному ДПП на уровне собеседования сразу видна «вся специфика» работодателя, то есть он не испытывает иллюзий по поводу кадровых проблем и узких мест компании, в которой открыта соответствующая вакансия. Кроме того, должность ДПП часто становится вакантна или в силу неудовлетворенности руководства работающим сотрудником, или в связи с динамичным развитием компании как start-up-проект (от англ. — первоначальный запуск, «с нуля»). Хорошо развитая профессиональная интуиция помогает ДПП избежать неоптимальных предложений о работе, при этом она мешает в принятии позитивного решения по вакансии после длительного поиска работы, акцентируя внимание на узких местах предложения или

идеализируя HR-ориентированные модели ведения переговоров.

Если речь идет о переговорах с лицами, не принимающими решение по позиции и некомпетентными в оцениваемой области, то основной сложностью для ДПП является **феномен «формирования самопрезентации, соответствующей представлениям третьего лица о позиции»**. Так, собеседование с кандидатом на должность ДПП, которое проводит личный помощник руководителя, направлено на оценку исполнительности, навыков ведения неформальной беседы, умения соблюдать субординацию и т.п. При проведении аналогичного собеседования финансовым директором, оценивается владение кандидатом финансовой терминологией, умение оперировать числовыми показателями, навыки формирования отчетности, понимание роли финансового департамента в деятельности компании и т.п.

Более 60% вакансий в HR-сфере предлагается на рынке труда через компании-посредники. И хотя услуги посредников оплачивают компании-работодатели, ситуация усугубляется крайне низким уровнем профессионализма рекрутеров и хедхантеров, работающих по данным вакансиям. Большинство рекрутеров ограничиваются пассивными способами подбора — снятие с работодателя информации о вакансии на уровне телефонных переговоров, публикация объявлений о вакансиях и работа только с поступившими на них откликами. При этом не ведется работа по обсуждению с заказчиком обоснованности требований вакансии и их соответствия условиям рынка труда. Не осуществляется самостоятельный поиск резюме и активная работа с соискателями, вплоть до ситуации, когда рекрутер «не тратит время» на личное собеседование с соискателем и рекомендует его по резюме, заочно. Некоторые рекрутеры «идут даль-

ше» и не откликаются на высланные резюме и поступающие от соискателей телефонные звонки, чем демонстрируют полную незаинтересованность в исполнении своих должностных обязанностей. **Феномен «пассивного подбора»** характерен и для агентств, и для прямых работодателей.

Еще одна разновидность неэффективного подбора проявляется при срабатывании феномена «**крупной брендовой корпорации**». Крупные компании, обладающие широко известной торговой маркой и претендующие на монополию в своем сегменте рынка, имеют характерный почерк рекрутмента. К нему относятся: установка на односторонний выбор — компания отбирает кандидатов (без учета выбора со стороны кандидатов); неготовность отходить от жестких требований вакансии при рассмотрении кандидатов; формализация процедуры отбора; использование групповых методов отбора с целью отсева «лишних соискателей»; многоступенчатость и длительность процедуры отбора — от одного месяца до полугода и др.

Рассмотрим данный феномен на примере крупной международной IT-компании. Структура HR-департамента данной компании нетипична для российских компаний. Департамент возглавляет ДПП, в прямом подчинении которого находятся HR-Business Partners (от англ. — бизнес-партнеры по управлению персоналом) — советники, курирующие различные подразделения компании (маркетинг, продажи, логистика, IT и т.п.) и HR-менеджеры по направлениям, таким как: подбор, оценка, мотивация и оплата труда, обучение и развитие и т.д. Бизнес-партнер работает по проектному принципу: получив запрос от заказчика — руководителя одного из подразделений компании, он формирует проектную команду из менеджеров по направлениям и курирует их работу, затем анализи-

рует полученные данные и разрабатывает для заказчика практические рекомендации по ситуации. Бизнес-партнер призван решать HR-задачи компании на стратегическом уровне и не должен заниматься оперативными вопросами. При этом он не имеет властных рычагов управления менеджерами по направлениям, поэтому задача формирования проектной группы и доведения ее работы до эффективного результата является основной сложностью в его работе.

Итак, в связи с ротацией одного из бизнес-партнеров по управлению персоналом в IT-компании открылась аналогичная вакантная должность. Ключевыми требованиями вакансии были: университетское образование, опыт работы на должности не ниже ДПП в международной компании, знание IT-рынка, владение английским языком на уровне не ниже *intermediate level* (от англ. — средний, промежуточный уровень). Рекрутера IT-компании заинтересовало резюме соискателя X, несмотря на отсутствие у него опыта работы в международной компании. Рекрутер провел подробное телефонное интервью с соискателем, в том числе и на английском языке, после чего пригласил его на собеседование. На момент приглашения соискателя на встречу поиск кандидатов осуществлялся более 3 месяцев. Первое собеседование включало подробное обсуждение опыта работы соискателя, его достижений и неудач, планов развития, в также беседу на английском языке на уровне рассказа о своих положительных и отрицательных качествах. Кроме того, рекрутер описал, как выглядит процедура отбора на данную вакансию. При успешном прохождении первого собеседования соискателю X предстоит серия собеседований с российскими сотрудниками и экспатами по принципу 360 градусов, то есть с потенциальными подчиненными, руководителями и коллегами,

среди которых — менеджеры по направлению рекрутинг; бизнес-партнер, в связи с ротацией которого открыта вакансия; другие бизнес-партнеры; ДПП; руководители подразделений, работу которых будет курировать данный специалист; ДПП головного офиса. Кроме того, соискатель должен будет пройти психологическое тестирование и тестирование на знание английского языка. Каждый из этапов отбора предполагает возможность отказа в дальнейших переговорах при неуспешном его прохождении. Окончательное решение по кандидату принимается коллегиально на общем собрании, где присутствуют представители каждой категории сотрудников, проводивших собеседование.

По результатам первого собеседования рекрутер сообщил соискателю X его основной недостаток для данной позиции — недостаточный уровень владения английским языком. Как выяснилось, первичный отбор на данную вакансию поручался специалистам, имеющим высшее лингвистическое образование и не обладающим специальными знаниями в HR-сфере, поэтому основной акцент при оценке кандидата делался именно на владение иностранным языком. Обратная связь была сообщена в режиме подготовки кандидата к отказу в продолжение переговоров. При этом принятие решения по каждому кандидату осталось за ДПП. Рекрутер не поинтересовался, есть ли заинтересованность у соискателя X в продолжение переговоров.

Через неделю рекрутер сообщил соискателю X, что он успешно прошел на следующий этап отбора, чем немало удивил последнего. Еще большее недоумение вызвало сообщение, что следующий этап будет посвящен не тестированию на знание английского языка, а встрече с бизнес-партнером, в связи с ротацией которого открыта вакансия. Собеседование с бизнес-партнером было построено по

принципу стрессового интервью и предполагало односторонний режим взаимодействия — только оценку кандидата. Поскольку на первом собеседовании описание вакансии было крайне скудным, то соискатель X настоял на получении ответов на актуальные для него вопросы по вакансии. Бизнес-партнер сообщил, что обратную связь по результатам встречи соискателю озвучит рекрутер, который проводил с ним первое собеседование. В компании не принято устанавливать сроки принятия решения по кандидатам, поэтому дата обратной связи остается открытой.

Еще через неделю рекрутер сообщил соискателю X, что он успешно прошел на следующий этап отбора и теперь ему предстоит пройти два тестирования — психологическое и на владение английским, а также встреча с бизнес-партнером-экспатом. Для экономии времени рекрутер предложил объединить оба тестирования и встречу с экспатом, но предупредил, что соискателю придется выделить на это целый день.

Еще через неделю с соискателем X связался координатор, который сообщил, что будет заниматься всеми организационными вопросами. Выяснилось, что проведение тестирований и встреча с экспатом в один день невозможны, максимум, что можно сделать — провести тестирования в один день. (Поскольку экспат уехал в командировку, то предлагалось начать именно с тестирований). Еще через неделю была назначена дата прохождения только психологического тестирования, поскольку объединить тестирования не удалось.

Психологическое тестирование представляло собой заполнение тестов на способности и теста «Матрицы Равена». Тесты на способности имели временное ограничение: тест на выявление способности анализа числовой информации — 35 минут, тест на оценку способности

логического анализа текстовой информации — 25 минут. Матрицы Равена состояли из 2 серий по уровню сложности и не имели временного ограничения. Тестирование проводилось на бумажных носителях, а не в электронном виде, что выглядит странно для IT-компаний. Тестирование проходило в группе. Остальные участники тестирования, кроме соискателя X, претендовали на различные должности в области маркетинга. Забегая вперед, следует сказать, что результаты тестирования подвергались сравнительной оценке, то есть успешность прохождения тестов зависела от процента правильных ответов на них среди претендентов на разные должности, которые проходили тестирование до соискателя X. Результаты тестирования координатор сообщил через неделю: соискатель X прошел его успешно.

Еще через 2 недели состоялось тестирование на владение английским языком. Оно состояло из устной беседы, аудирования и теста на грамматику. Все задания были насыщены IT-лексикой, то есть недостаточное владение IT-лексикой было серьезным препятствием для успешного прохождения тестирования. Временное ограничение на заполнение тестов по грамматике составляло 45 минут. Остальное тестирование проходило при непосредственном участии преподавателя и длилось также около 45 минут. Через неделю координатор сообщил о неудачном прохождении соискателем X тестирования по английскому. «Надо сказать, что требования по английскому у нас завышены и сами тесты довольно непросты. Но, так или иначе, установка HR-директора была такова, что у всех кандидатов на позицию английский должен быть не ниже *intermediate*». На этом процедура прохождения собеседований соискателем X была прервана.

Как видно из приведенного примера, при подборе специалиста на должность

бизнес-партнера в IT-компанию с самого начала были неправильно расставлены приоритеты. Из процедуры отбора и причины отказа соискателю следует, что основной критерий соответствия должности бизнес-партнера — это владение английским языком на требуемом уровне. То есть необходимо было рассматривать прежде всего кандидатов с высшим образованием в сфере иностранных языков (напр., выпускников МГИМО, МГЛУ им. Мориса Тореза) и уже в процессе работы учить новых сотрудников знаниям в HR-сфере. Поэтому крайне неэффективным выглядит решение продолжать процедуру переговоров с соискателем X, несмотря на отсутствие у него опыта работы в международных компаниях и недостаточный уровень владения английским языком, что было выявлено еще на первом собеседовании. При этом на отборочные процедуры было потрачено более 2 месяцев, хотя результат был очевиден сразу. В процедуре отбора соискателя X прежде всего привлекал профессиональный интерес: процесс подбора в крупной брендовой компании, специфика деятельности бизнес-партнера, особенности бизнес-процесса по управлению персоналом и т.п. Что касается действий представителей IT-компаний, то налицо непрофессиональный подход к отбору специалиста на вакансию бизнес-партнера. Можно сделать вывод, что феномен «крупной брендовой корпорации» срабатывает неоптимально как для компании, так и для соискателя.

Феномен «некомпетентности рекрутера» проявляется в неспособности оценить профессиональный уровень кандидата на должность ДПП, выявить его конкурентные преимущества, на которые можно опираться при презентации данной кандидатуры заказчику. Так, рекрутер кадрового агентства задает вопрос соискателю, имеющему кандидатскую степень: «Какой у Вас средний балл оце-

нок по диплому?» И получив ответ, что соискатель не помнит точно средний балл, но у него не красный диплом, сокрушается: «Жаль, а то было бы чем произвести впечатление на работодателя!» При этом рекрутер не задумывается над тем, что уровень образования данного соискателя определяется степенью кандидата наук, что, несомненно, является его конкурентным преимуществом.

Следующая сложность — неумение рекрутера организовать встречу соискателя с работодателем, или, говоря коммерческим языком, **феномен «неумения продать соискателя работодателю»**. Если рекрутер решает, что соискателя можно рекомендовать, то встреча с работодателем организуется только в ситуации возникновения заинтересованности работодателя в данном кандидате. Поскольку условия заявки на подбор выясняются поверхностно, оценка соискателя реализуется непрофессионально, то в итоге работодатель отказывается от встречи с соискателем по непонятным для рекрутера причинам. При этом сам ДПП, как правило, в состоянии провести эффективную самопрезентацию перед работодателем и в итоге удовлетворить все стороны: работодатель получит ценного специалиста, специалист — достойную работу, а рекрутер — вознаграждение за успешно реализованный подбор. Но рекрутер зачастую боится допустить ДПП до прямых переговоров с заказчиком, чтобы стороны не могли договориться между собой без учета интересов посредника, в результате — проигрывают все участники процесса.

Рекрутер, придерживающийся пассивных методов подбора, не стремится выяснить причины отказа, а старается обеспечить достижение результата, предлагая большое количество соискателей. Так, в ситуации работы по позициям немассового подбора, как, например, должность ДПП, рекрутер высылает

резюме очередного соискателя через месяц после предыдущего и «вдруг» узнает, что вакансия закрылась 2 недели назад или заказчик изменил требования по заявке.

Неумение рекрутера аргументировано вести переговоры с работодателем с целью повышения продуктивности процесса — основная проблема подбора персонала с помощью компаний-посредников. Так, если заказчик, стереотипно ориентируется на привлечение специалиста только мужского пола с высшим техническим образованием, опытом работы в западных компаниях аналогичной сферы деятельности — от 5 лет и при этом предлагает доход, на порядок ниже рыночного, рекрутер должен ознакомить заказчика с результатами мониторинга рынка труда и предложить оптимальные варианты поиска необходимого и достаточного специалиста. Например, изменение условий по зарплате или снижение входных ограничительных требований к кандидату по полу или опыту. Невозможность преодолеть феномен «некомпетентности рекрутера» формирует негативную установку у профессионального ДПП о работе со всеми компаниями-посредниками в вопросах подбора. Более того, данная установка срывает у ДПП уже в роли заказчика, когда он обращается к посредникам как к дополнительным ресурсам привлечения персонала. Ведь все рекрутеры, которые непрофессионально работали с ДПП как с соискателем, автоматически попадают в его «черный список» нежелательных провайдеров кадровых услуг.

Около 40% вакансий в HR-сфере предлагается на рынке труда компаниями-работодателями напрямую. Основные сложности здесь — **феномен «неопределенности запроса»** и неоднозначность выбора лица, которому можно поручить первичный подбор на вакансию ДПП. Размытость запроса характер-

на для компаний, реализующих start-up-проект по управлению персоналом, так как они не знают, что должна представлять собой кадровая служба в их компании и каким должен быть необходимый и достаточный для них HR-специалист. В такой ситуации в компании нет лиц, профессионально реализующих функцию рекрутера, поэтому подбором ДПП может заниматься любой специалист — от генерального директора до секретаря или сотрудника службы безопасности. В ситуации неудовлетворенности работой имеющегося в компании HR-подразделения, неопределенность запроса возрастает. Обычно запрос формулируется следующим образом: «У нас в компании все уже есть, в том числе и HR-руководитель, хотим что-то новое, а что точно — не знаем. Предложите Ваши варианты». Подбор в этом случае нельзя поручить ни имеющемуся ДПП, ни тем более его подчиненным, поэтому им занимаются «надежные доверенные лица», которые могут обеспечить соблюдение конфиденциальности информации.

Еще один вариант подбора ДПП — открытый поиск замены работающего специалиста, когда есть обоюдная договоренность о замене или специалист уже уволился с занимаемой должности. Если в таком подразделении есть рекрутеры, то подбор ДПП поручается именно им, то есть потенциальные подчиненные должны объективно выбрать себе руководителя. Очевидно, что при таком подходе к подбору, не может быть найден специалист, эффективный с точки зрения бизнес-процессов, так как рекрутеры будут подсознательно оценивать «удобность» начальника, а не его уровень профессионализма и возможность продуктивной работы в интересах компании. Одна из ярких иллюстраций такого варианта: после увольнения ДПП его заместитель претендует на соответствующее повышение в должности, но руко-

водитель компании по ряду причин не видит данного сотрудника на должности ДПП. При этом руководитель поручает поиск нового ДПП именно заместителю. В такой ситуации речь идет не только о подборе ДПП потенциальным подчиненным, но и о заведомом конфликте интересов. Наиболее вероятное развитие событий при феномене «конфликта интересов» — бесконечный поиск специалиста на должность ДПП в надежде, что «от безысходности» должность достанется заместителю, или привлечение слабого специалиста на должность ДПП с целью «поймать» его на непрофессионализме, а возможно, и «помочь ему ошибиться», чтобы на этом фоне занять интересующую должность.

В ряде компаний собеседование на позицию ДПП проводит его коллега по сфере деятельности и статусу — например, ДПП управляющей компании, когда речь идет о подборе в дочернюю компанию. Если на переговорах встречаются два профессионала, то беседа проходит как обмен профессиональными точками зрения и обсуждение нюансов и оттенков деятельности по управлению персоналом. При этом легкий налет потенциальной конкуренции скорее носит продуктивный характер. **Феномен «непродуктивного соперничества»** проявляется, когда ДПП-работодатель подходит к переговорам с позиции «есть две точки зрения — моя и неправильная» или его демотивирует несоответствие уровня зарплатных ожиданий соискателя и его собственного дохода. Ситуация может развиваться вплоть до открытого конфликта, основная цель которого — «поставить соискателя на место» и отказать ему по результатам встречи.

Кроме того, коллеги из HR-сферы зачастую не учитывают феномен «подготовленности к собеседованию» такого соискателя, как ДПП. И используют при подборе хорошо известные HR-специа-

листам техники проективных вопросов, стрессового интервью или просто открытой самопрезентации («расскажите что-нибудь о себе»). Также сомнительна эффективность использования при подборе ДПП психологических тестов (16ЛФ Р.Кэттелла, матрицы Дж.Равена, тест интеллекта Г.Айзенка и др.), тогда как использование тестов способностей, например, тест на выявление способности анализа числовой информации, тест на оценку способности логического анализа текстовой информации (SHL-тесты — тесты, разработанные английской консалтинговой компанией Saville & Holdsworth Ltd), может дополнить портрет соискателя и помочь в отсеивании лишних кандидатов.

Говоря о сложностях поиска работы специалистом HR-сферы, следует отдельно остановиться на феномене «**стереотипизации требований к кандидату**». На должность ДПП, как правило, требуются специалисты с высшим образованием — психологическим, техническим или экономическим. При этом гуманитарное образование выступает как дополнительное, а приоритетным является техническое. Преимуществом считается наличие ученой степени или степени MBA (от англ. *master of business administration* — мастер делового администрирования; программа высшего профессионального образования в сфере управления бизнесом). При этом программы MBA по стратегическому менеджменту и маркетингу, инвестиционному и проектному менеджменту необходимы в основном владельцам бизнеса или наемным управляющим. HR-специализация, как правило, включена в подобные программы как отдельный блок. Такие требования для должности ДПП — не более чем дань моде.

Опыт работы в HR-сфере на исполнительских должностях должен составлять не менее 3 лет, прежде чем специа-

лист начинает осваивать организационные и управленческие функции и дорастает до руководящей позиции. Опыт работы на должности ДПП должен составлять также не менее 3 лет, при этом для ряда сфер деятельности принципиально наличие опыта именно в соответствующей сфере (например, производство, торговля, нефть и газ, энергетика и машиностроение, банковская сфера, IT и телеком, страхование, недвижимость и др.). Также немаловажным аспектом является размер компании, в которой работает ДПП. Так, ДПП, имеющий опыт работы в компании, численностью до 300 человек, по мнению большинства работодателей, не сможет быть эффективным в компании с численностью ок. 1000 человек. У кандидата, не имеющего опыт работы в западной или международной компании, практически нет шансов попасть на работу в такую компанию, вне зависимости от профессиональной компетентности и уровня знания требуемого иностранного языка.

По ряду требований соискателю вообще сложно соответствовать установкам работодателя. Так, наличие подчиненных — необходимое требование для руководящей должности, тогда как для позиции ДПП в единственном лице — это недостаток, так как такой кандидат привык организовывать работу других сотрудников и скорее всего не готов выполнять задачи самостоятельно. Что касается статуса соискателя на должность ДПП во время поиска работы, то поиск работы до увольнения из компании — признак нелояльности кандидата, а поиск работы в течение длительного времени после увольнения (например, более 3 месяцев) — признак невостребованности кандидата. При этом вариант смены работы через 3–6 месяцев (период испытательного срока) в связи с осознанием неправильности сделанного выбора также воспринимается крайне не-

гativamente. Встречаются и более нелепые установки: кандидат в возрасте 33 лет для одной компании оказался слишком «старым», так как возрастное ограничение по вакансии составляет 30 лет, а для другой компании — слишком «молодым», так как, по их мнению, ДПП становится профессиональным специалистом и руководителем не ранее 40 лет. Но если возраст — дело поправимое, то стереотипы в отношении пола кандидата выглядят как дискриминация. Приоритет кандидатов мужского пола в компаниях производственной или строительной направленности можно оправдать спецификой персонала и коммуникативного процесса в таких организациях, но вот подобное ограничение, например, в сфере консалтинга объяснить трудно.

Специалист в HR-сфере должен знать все аспекты деятельности по управлению персоналом, иметь навыки постановки работы подразделения, внедрения системы управления персоналом в целом, в том числе свободно оперировать профессиональным тезаурусом — не только общепринятым, но и применяемым в данной организации. Так, если C&B (от англ. *compensation and benefits* — система компенсаций и льгот) — это устоявшаяся аббревиатура, то некоторые другие сокращения требуют дополнительной расшифровки: КДП — «кадровое делопроизводство», СУП — «система управления персоналом» и т.д.

Одна из ключевых проблем подбора персонала компаниями-работодателями — **феномен «отсутствия обратной связи»** о результатах переговоров. Эта тенденция касается не только промежуточных результатов конкретной встречи или деловой переписки, но и получения ответа об окончательном решении по кандидатуре соискателя. По описанным выше причинам работодатель боится принять неправильное или поспешное реше-

ние, поэтому предпочитает не принимать его вовсе и максимально оттягивает предоставление однозначного ответа. Так, первичные переговоры могут начаться в ноябре, затем следует период «информационной блокады», в феврале переговоры возобновляются с повышенным энтузиазмом, как будто предыдущая встреча была на прошлой неделе, и затем снова «наступает тишина». При этом работодатель не принимает в расчет тот факт, что соискателя нельзя долго «удерживать в базе данных» и что при последующей активизации работы по вакансии он может быть уже не заинтересован в поиске работы. В ряде случаев работодатель не считает нужным в принципе «тратить время» на сообщение результатов встречи кандидату, с которым не планируется продолжение переговорного процесса, что негативно влияет на имидж компании-работодателя.

Причиной прекращения переговорного процесса также выступает постановка работы по вакансии на неопределенный период, что характерно для компаний с размытым запросом на подбор. **Феномен «зависания вакансии»** может быть внешне завуалирован. Речь идет о поддержании контакта с соискателем и/или посредником со стороны работодателя и в то же время об избегании принятия окончательного решения по выбору кандидата на вакансию.

Приведем пример срабатывания данного феномена в российской телекоммуникационной компании. Введение должности ДПП в данной компании связано с необходимостью решения таких HR-задач, как: оптимизация системы премирования сотрудников, разработка системы корпоративного обучения и развития, внедрение системы оценки персонала, создание общего информационного пространства для внутренних коммуникаций сотрудников, подбор персонала под планирующиеся проекты. Решение кад-

ровых вопросов до настоящего момента находилось в зоне ответственности финансового директора (ФД). В связи с расширением задач подразделения по управлению персоналом вводят новую должность ДПП, которая по оргструктуре находится в подчинении у генерального директора (ГД). Кадровое агентство (КА) рекомендует на позицию ДПП соискателя Z, когда принятие решения по другим кандидатам находится на финальной стадии. От лица компании собеседование проводят ГД и ФД. Уровень профессионализма и личностные характеристики соискателя Z производят позитивное впечатление, и его включают в список финальных кандидатов. Окончательное решение по кандидатам планируется принять в ближайшие 2 недели. На данном этапе переговоров соискатель Z проявляет высокий интерес к работе в компании и подтверждает представителю КА готовность участвовать в продолжение переговоров. Обмен обратной связью по договоренности с телекоммуникационной компанией проводится через КА.

Наряду с данным соискателем на позицию ДПП претендуют также два кандидата «по рекомендации» — со стороны владельцев данной компании и со стороны руководства материнской компании. Эта информация о других претендентах неизвестна соискателю Z. Основными преимуществами данного соискателя являются: наличие успешного опыта решения HR-задач, готовность к ненормированной работе на результат и чувствительность к «политическим» моментам, которыми отличается корпоративная культура телекоммуникационной компании. Что касается кандидатов «по рекомендации», то их интересует возможность работы на статусной позиции под опекой рекомендодателя с наименьшим вложением времени и сил в реализацию поставленных задач. ГД и ФД от-

дают приоритет соискателю Z, но не знают, как обосновать свой выбор перед владельцами и руководством материнской компании. ФД, как основное лицо, заинтересованное в принятии правильного решения по кандидату, организует повторную встречу с кандидатом Z, чтобы до конца убедиться в правомерности своих выводов о его соответствии должности ДПП в данной компании. ГД также присутствует на встрече, ведет одностороннюю беседу с соискателем, ответы на вопросы и уточнение информации об условиях работы он предоставляет ФД. Соискатель Z презентует проект бизнес-плана по решению HR-задач, который удовлетворяет стороны переговорного процесса. ФД более подробно раскрывает соискателю Z специфику работы в компании и сложности, с которыми придется столкнуться в работе. Так, планируется переподчинить ДПП два подразделения, руководители которых являются «рекомендованными» специалистами и привыкли подчиняться ГД напрямую. Существует также проблема сверхкомфортности условий работы в компании, отсутствия здоровой конкуренции. Внедрение системы бонусов по результатам оценки результативности работы в такой ситуации должно вызвать сопротивление со стороны персонала всех уровней и т.п.

ФД выдает соискателю Z положительную обратную связь о его кандидатуре на данном этапе собеседования и в качестве контрольного озвучивает срок принятия решения еще в 2 недели (до конца месяца). При обмене обратной связью с представителем КА, соискатель Z начинает высказывать свои сомнения по поводу вакансии. Его смущает неготовность ГД вести двусторонние переговоры, делегирование основной части переговоров ФД, то есть лицу равному по статусу ДПП, большое количество «политических» сложностей в работе компании, перенос сроков принятия ре-

шения. Представитель КА, со своей стороны, подтверждает высокую заинтересованность компании в кандидатуре соискателя Z. Он делится с соискателем информацией о наличии двух кандидатов «по рекомендации» и просит набраться терпения и дождаться принятия решения.

Дата предоставления окончательной обратной связи еще 2 раза переносится по инициативе телекоммуникационной компании под эгидой необходимости проведения повторных встреч с кандидатами «по рекомендации». Наконец, представитель КА сообщает соискателю Z о переносе срока принятия решения на середину следующего месяца, так как «ГД сейчас в командировке, а когда он вернется, то ФД уже уйдет в отпуск». Для принятия окончательного решения необходимо одновременное присутствие ГД и ФД. При этом, по уверению представителя КА, ФД просил извиниться перед соискателем за задержку в принятии решения и не воспринимать эту ситуацию как форму отказа. Наоборот, речь идет о высокой заинтересованности телекоммуникационной компании в соискателе Z. ФД выразил надежду, что в итоге все форс-мажорные обстоятельства будут урегулированы в пользу соискателя Z. На этом этапе переговоров соискатель полностью разуверился в продуктивности продолжения переговорного процесса с данной компанией, о чем и сообщил представителю КА. При этом он не возражал по поводу возможности предоставления ему обратной связи, если такая будет получена — из интереса узнать, каково будет развитие событий.

Как видно из приведенного примера, тенденция к «зависанию вакансии» не всегда очевидна соискателю, скорее ее можно косвенно предположить по отсутствию четкой обратной связи от работодателя в течение длительного периода времени при активном запросе о резуль-

татах встречи со стороны кандидата. Прогнозируя варианты развития событий в описанном примере, можно утверждать, что принятие положительного решения по соискателю Z не гарантирует успешное решение вопроса по его выходу на работу в телекоммуникационную компанию. Это связано со сформировавшейся у кандидата установкой неоправданных ожиданий и недоверия озвученным ранее решениям. Кроме того, каждая следующая встреча с компанией не только не была направлена на привлечение кандидата, но вселяла в него всю большую неуверенность в правильности выбора. Представитель КА в данной ситуации пытался выступить в качестве фасилитатора (от англ. *facilitate* — облегчать, содействовать, помогать), но ограничения в полномочиях не позволили ему довести ситуацию до продуктивного разрешения. Наряду с положительным ответом по рассмотрению кандидатуры соискателя Z, адекватным решением для телекоммуникационной компании также мог выступить своевременный отказ соискателю в данном предложении. Очевидно, что феномен «зависания вакансии» является существенным препятствием на пути поиска работы специалистом в HR-сфере.

Сталкиваясь в процессе поиска работы с такими разными и сложными феноменами, ДПП пытается преодолевать их, используя свои внутренние личностные ресурсы, опираясь на наработанные профессиональные навыки в области управления персоналом и свою профессиональную интуицию. Описанные феномены, помноженные на дефицит на рынке труда не только хороших специалистов в области управления персоналом, но и достойных предложений о работе, а также на временной период поиска работы, приводят к *личностным и профессиональным кризисам* данного специалиста.

Сначала следует выделить **кризис «неожиданного отказа работодателя»**. Данный кризис наступает не при каждом отказе работодателя соискателю. Речь идет о долгосрочных переговорах по вакансии, которые могут длиться несколько месяцев и включают разные уровни собеседований, тестирование знаний, способностей и навыков, заполнение кейсов, участие в отборочных деловых играх, написание проектов бизнес-плана и т.п. Переход на каждый следующий уровень собеседования и положительная обратная связь от работодателя формирует у соискателя ожидание успешного завершения переговоров. Эта установка укрепляется по мере приближения к финальному этапу отбора. При этом важным условием является наличие у специалиста высокой мотивации на работу в данной компании. Когда пройдены все этапы отбора, работодатель вдруг по непонятным причинам затягивает принятие окончательного решения, и после нескольких недель ожидания соискатель получает отказ по вакансии, не всегда четко обоснованный и аргументированный. Фрустрация возникает из-за несоответствия ожиданий соискателя, сформированных под воздействием долгосрочного позитивного подкрепления со стороны работодателя, и полученной в итоге обратной связи. Ситуация неопределенности перед принятием решения усиливает эффект. В итоге у специалиста появляется негативная установка по отношению к компаниям с многоступенчатым процессом отборочных процедур и недоверие к промежуточной обратной связи. Этот кризис наиболее «легкий» из описанных в данном исследовании, так как не влечет за собой глубинных личностных переживаний и состояние специалиста, его настрой подлежит сравнительно быстрому восстановлению.

Кризис «невостребованности на рынке труда» связан с возникновением

у специалиста ощущения отсутствия объективной необходимости в специалистах высокого профессионального уровня в сфере управления персоналом. Работодатели в основном ориентируются на специалистов исполнительского уровня, решающих только поставленные руководством задачи и не проявляющих лишнюю инициативу. Наиболее востребованы такие направления HR-деятельности, как: рекрутинг, оплата и мотивация труда, кадровое делопроизводство. Реализация других направлений или не актуальна, или осуществляется через привлечение компаний-провайдеров кадровых услуг. Соискатели, настроенные на стратегическое управление персоналом, вызывают недоверие или недоумение. Работодатели готовы рассматривать на руководящие HR-позиции и специалистов более высокого класса, при этом предлагая им уровень оплаты труда, заведомо заниженный по сравнению с требованиями рынка. Кризис «невостребованности» сопровождается глубокими личностными переживаниями, специалист подвергает сомнению правильность выбранного им профессионального пути, уровень своего профессионализма в HR-сфере, вероятность удачного поиска «своей компании» и «своего руководителя», который оценит не только его компетенции, но и личностный потенциал. Выход на новую работу, к сожалению, не нивелирует сразу все последствия данного кризиса. Только новые профессиональные достижения, положительная обратная связь от руководства и уровень оплаты труда, адекватный портфолио специалиста, постепенно смогут помочь ему преодолеть кризис.

Если успешный поиск новой работы затягивается во времени, то кризис «невостребованности» может перерасти в **кризис «пресыщения процессом поиска работы»**. Данный кризис усугубляет состояние специалиста и сопровождается

ся демотивированностью на процесс поиска работы, нежеланием уделять время этому процессу, признаками хронического утомления, апатией, депрессией. У соискателя вызывает раздражение необходимость вести телефонные переговоры о работе, он ищет повод, чтобы отказаться от встречи с потенциальным работодателем, избегает общения с компаниями-посредниками, учитывая низкую вероятность продолжения переговоров на уровне заказчика. Специалист демонстративно избегает обсуждения вопроса поиска работы со своими знакомыми и коллегами, так как ему тяжело «признаваться в собственной несостоятельности и неуспешности». Нарочитый уход от решения актуальной проблемы делает кризис крайне деструктивным как для личного, так и для профессионального развития специалиста. Нахождение в ситуации переживания данного кризиса длительный период (более 6 месяцев) может привести к серьезным профессиональным деформациям, поэтому необходимо организовывать периоды «принудительной релаксации» специалиста во время поиска работы.

Отдельное внимание следует обратить на **кризис «профессионального самоопределения»**. Как указывалось ранее, руководитель HR-подразделения находится под постоянным психологическим прессингом: руководитель компании реализует через него непопулярные у персонала решения; руководители, занимающиеся стратегическим развитием компании, возлагают на него ответственность за неэффективную работу своих подразделений; персонал в целом редко по достоинству оценивает преимущества своей работы, быстро привыкая к внедряемым мотивационным схемам — таким, как: социальный пакет, корпоративные скидки, система бонусов и льгот, корпоративные мероприятия и т.п., и в большей степени фокусируется на не-

удовлетворенности процедурами контроля и оценки результативности деятельности как таковыми. Одним из проявлений невозможности преодолеть растущее напряжение является смена специалистом профессиональной деятельности, уход из профессии как неготовность продолжать борьбу за деятельность в HR-сфере. В такой ситуации он выбирает смежную сферу деятельности, где его навыки могут быть полезны и эффективны при условии освоения новой специфики работы — например, сфера работы с клиентами, организация выставок и т.п. При смене деятельности специалист зачастую бывает готов пойти даже на понижение должности и зарплаты. Такой кризис можно скорее расценивать как продуктивный в отличие от двух предыдущих деструктивных кризисов, так как он открывает новые профессиональные и личностные горизонты перед специалистом. Тем не менее, необходимыми условиями здесь являются наличие уверенности в себе, мобильности, открытости новому и определенной самодостаточности специалиста, решившего сменить профессиональную сферу, а также учет возрастных особенностей, позволяющих не выходить за рамки востребованности на рынке труда.

Подведем некоторые итоги нашего исследования. Основная гипотеза исследования подтвердилась: чем выше профессиональная компетентность специалиста по управлению персоналом, тем сложнее ему найти работу, адекватную его профессиональному уровню и ожиданиям в HR-сфере. Это связано с двояким влиянием уровня профессионализма специалиста на его установки и поведенческие модели в процессе поиска работы. Кроме того, в пользу правомерности гипотезы выступают феномены и кризисы специалиста по управлению персоналом, выявленные в процессе исследования.

Итак, к психологическим особенностям процесса поиска работы профессионалом в сфере рекрутмента можно отнести следующие феномены:

- 1) феномен «неопределенности запроса»,
- 2) феномен «стереотипизации требований к кандидату»,
- 3) феномен «пассивного подбора»,
- 4) феномен «крупной брендовой корпорации»,
- 5) феномен «некомпетентности рекрутера»,
- 6) феномен «формирования самопрезентации, соответствующей представлению третьего лица о позиции»,
- 7) феномен «подготовленного специалиста»,
- 8) феномен «конфликта интересов»,
- 9) феномен «непродуктивного соперничества»,
- 10) феномен «неумения продать соискателя работодателю»,
- 11) феномен «зависания вакансии»,
- 12) феномен «отсутствия обратной связи».

В процессе исследования были выявлены следующие профессиональные кризисы специалиста в области управления персоналом, сопровождающиеся глубокими личностными переживаниями:

- 1) кризис «неожиданного отказа работодателя»,
- 2) кризис «невостребованности на рынке труда»,
- 3) кризис «пресыщения процессом поиска работы»,
- 4) кризис «профессионального самоопределения».

По результатам исследования были разработаны прикладные рекомендации для профессионала в сфере рекрутмента, осуществляющего поиск работы:

- 1) Специалисту необходимо провести **серьезную психологическую подго-**

товку к процессу поиска работы. Речь идет не столько о формировании текста резюме, работающего на основную цель — привлечение внимания работодателя, о выделении ключевых критериев поиска работы и планировании процесса поиска и отбора вакансий. Соискателю важно сформировать установку: «поиск работы — это работа», которая требует вложения временных, финансовых и человеческих ресурсов для ее эффективного выполнения. Также нужно сформировать готовность к длительности поиска работы, определив оптимистичный, реалистичный и пессимистичный сроки нахождения новой работы. Необходимо нацелиться на продуктивный процесс поиска работы, учитывая при этом высокую вероятность взаимодействия с некомпетентными специалистами в области подбора. Во время поиска работы следует избегать формирования неоправданных ожиданий о результатах переговоров, стремиться не делать преждевременных выводов — как негативных, так и позитивных.

2) Отдельно следует остановиться на **планировании этапов процесса поиска работы.** В каждой рабочей неделе следует выделить: дни размещения резюме или обновления даты его публикации, временные интервалы для поиска вакансий, дни телефонных переговоров и планирования собеседований, дни участия в собеседованиях и даты активного запроса обратной связи от работодателя. Важно выбрать оптимальный ритм участия в собеседованиях, например, не более 1 встречи в день. Если необходимо участвовать в двух встречах в день, следующий день целесообразно сделать «выходным» от собеседований. Участие в трех и более собеседованиях в день снижает эффективность их прохождения соискателем. Не стоит забывать, что прохождение собеседования — стрессовая ситуация, даже для «подготовленного

специалиста». Также важно выделить отдельное время для анализа тенденций рынка труда.

3) Для оптимизации процесса необходимо постоянно **использовать новые ресурсы поиска работы**. Речь идет об участии в профильных выставках и конференциях, обмене информацией в профессиональных сообществах и блогах. Отдельно стоит сказать о применении метода «холодных самопродаж». Соискатель рассылает резюме с соответствующим сопроводительным письмом потенциальным работодателям, которые в настоящий момент не занимаются поиском HR-специалиста. После рассылки таких писем проводятся телефонные переговоры с потенциальными лицами, принимающими решение, с целью сформировать заинтересованность в личной встрече с соискателем. В среднем статистика организации собеседований по факту «холодных самопродаж» — 1:10. Что касается результативности данного метода поиска работы, то она сопоставима с эффективностью метода хедхантинга, то есть затраченные ресурсы несравнимо превышают полученный результат, но если договоренность достигается, то на очень выгодных условиях.

4) Эффективно **чередовать методы активного и пассивного поиска работы**. При активном поиске работы проводится ежедневный мониторинг ситуации на рынке труда, по факту предоставления резюме, осуществляются телефонные переговоры со всеми заинтересовавшими работодателями, активно собирается обратная связь об уже проведенных собеседованиях. При пассивном поиске работы достаточно еженедельного обновления даты размещения резюме и ожидания откликов работодателей. Такая смена методов поиска работы позволяет оптимально распределить физическую и психологическую нагрузку, чередовать режимы труда и отдыха. Для профилак-

тики возникновения кризиса «пресыщения процессом поиска работы» необходимо планировать и реализовывать периоды «принудительной релаксации» специалиста во время поиска работы — например, отдых в течение 7–10 дней через каждые 2 месяца поиска работы.

В качестве перспективного прикладного направления деятельности HR-специалиста по оптимизации процесса поиска работы можно выделить направление, условно названное нами, **«тюнинг персонала»** (от англ. *tuning* — настройка). Основная задача модернизации автомобилей, откуда и берет происхождение понятие «тюнинг», — выделить автомобиль и его хозяина из массы серийных аналогов и улучшить его эргономические характеристики. Так, говоря о «тюнинге персонала» мы имеем в виду выделение индивидуальных конкурентных преимуществ данного специалиста на рынке труда, наиболее продуктивное применение его знаний и навыков на практике, формирование привлекательного социального фасада и выработку навыков успешной самопрезентации соискателя. С точки зрения компании-работодателя, наличие такого персонала в штате компании повышает конкурентоспособность самой организации. При этом «тюнинг персонала», с одной стороны, может выступать как одно из направлений деятельности провайдеров кадровых услуг, с другой — как ключевая составляющая психологической самоподготовки HR-специалиста к процессу поиска работы.

Проблема профессиональной самореализации специалиста связана с его профессиональным становлением, личностным ростом, поиском своего места в профессии, осознанием уровня востребованности на рынке труда. Исследование этой проблемы именно через приз-

му ситуации поиска работы — с ее конфликтами, сложностями и кризисами — позволяет, на наш взгляд, наиболее ярко увидеть те закономерности и психологические особенности, с которыми связана самореализация специалиста в области управления персоналом. Поиск работы профессионалом в сфере рекрутмента — тернистый путь, который заставляет HR-специалиста по-новому взглянуть на сделанный ранее профессиональный выбор, свои достижения и неудачи, оценить успешность карьеры и перспективы дальнейшего развития, способствует переоценке жизненных ценностей, расстановке приоритетов профессиональных и личностных интересов в течение жизни.

Среди направлений оптимизации процесса поиска работы HR-специалистом следует выделить не только необходимость построения системы профессиональной подготовки и переподготовки специалистов в этой области, но и уделить особое внимание вопросам повышения культуры переговорного процесса при подборе HR-персонала, увеличения значимости профессии на рынке труда и в структуре организации, формирования единых стандартов профессионального соответствия занимаемой должности в сфере управления персоналом.

Литература

1. *Афони́на М.* Современный рекрутмент: бизнес и люди // *Кадровый вестник.* 2000. № 6.
2. *Боярский А.И.* Охотники за головами. Начало. — М.: Вершина, 2006. 216 с.
3. *Василевская О.В., Фальков А.И.* Искусство трудоустройства. — М.: Комитет труда и занятости Правительства г. Москвы, 1998.
4. *Волкова Т.* Рекрутмент: трудоустройство или менеджмент? Анализ работодателя // *Управление персоналом.* 2001. № 9.
5. *Геберт Д., Розенитиль Л. фон.* Организационная психология. Человек и организация / Пер. с нем. — Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2006. 624 с.
6. *Дуракова И.Б.* Управление персоналом: отбор и найм. Исследование зарубежного опыта. — М.: Центр, 1998.
7. *Жув Д., Массони Д.* Подбор персонала. — СПб.: ИД «Нева», 2003. 96 с.
8. *Кабаченко Т.С.* Психология в управлении человеческими ресурсами: Учебное пособие. — СПб.: Питер, 2003. 400 с.
9. *Коул Дж.* Управление персоналом в современных организациях. — М.: ООО «Вершина», 2004. 352 с.
10. *Коханов Е.Ф.* Отбор персонала и введение в должность. — М., 1996. 128 с.
11. *Кристофер Э., Смит Л.* Тренинг в рекрутменте. — СПб.: Питер, 2002. 224 с.
12. *Крымов А.А.* Вы — управляющий персоналом. Профессия? Ремесло? Судьба? — М.: Бератор-Пресс, 2003. 384 с.
13. *Литвинцева Н.М.* Психологические аспекты подбора и проверки персонала. — Интел-Синтез, 1997.
14. *Магура М.И., Курбатова М.Б.* Современные персонал-технологии — М.: ООО «Журнал «Управление персоналом», 2003. 388 с.
15. *Мелия М.* Бизнес — это психология. Психологические координаты жизни современного делового человека. 3-е изд. доп. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 352 с.
16. *Психология менеджмента /* Под ред. проф. Г.С.Никифорова. 2-е изд. — Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2002. 556 с.
17. *Тарасов В.К.* Персонал-технология: отбор и подготовка менеджеров — М., 1989.

Флоровский С.Ю.

МАКИАВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР РЕГУЛЯЦИИ СОВМЕСТНОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗЛИЧНОГО ОРГАНИЗАЦИОННО-КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА

Представлены результаты социально-психологических исследований личностной детерминации совместной управленческой деятельности (СоУД) руководителей предприятий с различными типологическими характеристиками организационной культуры. Подтверждена гипотеза о существовании в системе личностной регуляции СоУД общих и специфических факторов и механизмов. Первые связаны с содержанием российского менталитета и традициями национальной деловой культуры (в данном случае ее «южнороссийского варианта»), вторые — обусловлены особенностями культуры организаций, производными от содержания «доминанты» их основной деятельности (в нашем исследовании — производственной или торговой).

Показано, что макиавеллистические установки руководителей принадлежат к категории личностных регуляторов управленческого взаимодействия, которые являются наиболее чувствительными к содержанию организационно-культурного контекста осуществления совместной управленческой деятельности, а функциональный вклад этих установок в регуляцию управленческих интеракций опосредствуется действием механизма психологического (ценностного) обмена, выражающегося в преимущественной поддержке менеджерским сообществом тех руководителей, структурно-уровневые характеристики макиавеллистических установок которых оказываются наиболее релевантными содержанию актуальных для организации задач и направленности перспектив ее развития.

Ключевые слова: совместная управленческая деятельность, управленческое взаимодействие, культура организации, личность руководителя, макиавеллистические установки.

Совместная управленческая деятельность (СоУД) руководителей высшего и среднего статусно-должностных рангов (топ и мидл-менеджеров), сфокусированная на регуляции межгруппового взаимодействия структурных подразделений и/или организационных подсистем, представляет собой один из важнейших синергетических механизмов функционирования и развития организации как целостного субъекта социально-экономической активности. Формой ситуационной реализации и центральным психологическим процессом СоУД выступает управленческое взаимодействие руководителей [1; 8; 9].

Интегральная эффективность СоУД, ее процессуальные и результативные ха-

рактеристики в значительной степени опосредуются представлениями руководителей о природе человека и человеческих отношений [10; 14; 18]. Одним из смысловых центров этой системы представлений выступают взгляды менеджеров относительно допустимости-недопустимости манипуляций в межличностных отношениях. Степень приверженности человека той точке зрения, что окружающими людьми можно и нужно манипулировать, в западной социальной психологии и персонологии, как правило, обозначается при помощи понятий «макиавеллизм» или «макиавеллистические установки личности» [2; 3]. Подчеркивается градуальный характер этих установок, их большая или меньшая вы-

раженность у всех представителей человеческой популяции [20].

В сфере организационно-управленческой психологии макиавеллизм нередко рассматривается в качестве значимого основания прогнозирования поведения руководителей и сотрудников; большая или меньшая макиавеллистичность (манипулятивность) руководителей и сотрудников трактуется и как одна из важнейших характеристик культуры организации [5; 7; 17; 19]. Однако, несмотря на солидную традицию изучения феномена макиавеллизма, многие вопросы продолжают оставаться открытыми. В частности, малоисследованной оказывается проблема функционального вклада макиавеллистических установок в регуляцию взаимодействия и совместной деятельности людей в контексте стабильных функционально-ролевых и интерперсональных отношений в локальных группах или сообществах существующих внутри организации. Практически неизвестно и то, какое влияние оказывает уровень макиавеллистичности индивида на степень его приемлемости со стороны социально-организационного окружения в качестве партнера по повседневным деловым контактам и члена ин-группы. Особый интерес изучение подобных вопросов представляет в тех случаях, когда уровень макиавеллистических установок социального окружения оказывается явно «смещенным» в ту или другую сторону как, например, это имеет место в управленческих сообществах, субкультура которых — на фоне других представленных в организации групп и общностей — отличается существенно большей макиавеллистичностью [13; 16].

В данной работе обсуждаются результаты проведенного нами в 2001–2006 гг. эмпирического исследования регулирующего влияния макиавеллистических установок руководителей на интегральные характеристики осуществляемой

ими СоУД: продуктивность-непродуктивность, легкость-трудность и общую эффективность взаимодействия. Данное исследование выполнялось в рамках проекта по изучению личностной регуляции СоУД в фирмах и компаниях с различными типологическими характеристиками организационной культуры. В качестве важнейшей типологической характеристики нами рассматривалась отраслевая принадлежность организации (в нашем случае — промышленность и торговля), поскольку именно она в первую очередь определяет организационную структуру, содержание и технологию деятельности, преобладающие принципы и способы взаимодействия сотрудников и руководителей, психологической проекцией которых и оказывается культура организации [4; 6; 7; 10; 17; 19].

Проверялась гипотеза о наличии в системе личностной регуляции СоУД общих и специфических факторов и механизмов. Первые из них связаны с содержанием российского менталитета и традициями национальной деловой культуры, вторые — обусловлены особенностями культуры организаций, производными от содержания «доминанты» их основной деятельности (в нашем исследовании — производственной или торговой).

Операциональная проверка выдвинутой гипотезы предполагала изучение стабильности-вариативности регулирующего влияния на совместную управленческую деятельность со стороны личностных характеристик субъектов этой деятельности — руководителей ведущих уровней управления организациями. Стабильная воспроизводимость значимых корреляционных связей личностных свойств руководителей с интегральными характеристиками СоУД во всех анализируемых организациях — вне зависимости от их отраслевой принадлеж-

ности — рассматривалась нами как основание для категоризации этих свойств в качестве *общих* детерминант совместной управленческой деятельности. Индикатором *специфического* характера личностной детерминации СоУД выступала повторяемость аналогичных корреляционных взаимозависимостей лишь в организациях определенного типа.

В роли респондентов выступали руководители высшего и среднего звена пяти производственных и четырех торговых фирм г. Краснодара и Краснодарского края (149 и 98 человек, соответственно). Использовались разработанная В.В.Знаковым шкала макиавеллизма [3] и авторская методика оценки эффективности общения в условиях совместной управленческой деятельности [8, с. 132–142]. Также проводилось индивидуальное и групповое интервьюирование руководителей, осуществлялся анализ конкретных ситуаций управленческого взаимодействия.

Дифференциация вошедших в нашу выборку предприятий с точки зрения особенностей их организационной культуры осуществлялась при помощи опросников Г.Хофштедта — Д.Боллинже и К.Камерона — Р.Куинна. Первый из них давал возможность оценить четыре параметра культуры организаций: соотношение индивидуалистических и коллективистических ценностей; дистанцию власти; стремление к избеганию или принятию неопределенности; мужественность-женственность [14]. Второй опросник позволял определить удельный вес в культуре организации четырех «ценностных доминант»: клановой, адхократической, рыночной и бюрократической [4]. Ряд других характеристик организационной культуры — ее «парадигматическая ориентация» [11], скорость обратной связи и степень риска осуществляемой деятельности [12], предрасположенность к тем или иным

«культурным дисфункциям» [15] выявлялись путем экспертного оценивания.

Обследованные нами фирмы и компании значительно различались между собой по следующим характеристикам организационной культуры:

- степени ориентированности на парадигму «закрытой» организации (больше выражена в производственных фирмах);

- превалированию бюрократической (производственная сфера) или рыночной направленности (сфера торговли) на фоне одинаковой выраженности клановой ориентации;

- скорости обратной связи (выше в торговых компаниях) при одинаково невысокой степени риска деятельности;

- уровню приверженности коллективистическим культурным ценностям (выше в производственных организациях);

- величине дистанции власти (меньше в торговых фирмах);

- толерантности к неопределенности (ниже на производственных предприятиях);

- соотношению маскулинных и фемининных культурных установок (культура производственных организаций более «мужественна», нежели культура торговых компаний);

- преобладанию определенных вариантов культурных дисфункций: компульсивно-бюрократических, параноидных и депрессивных в производственных организациях и демонстративных (истероидных) — в торговых.

Макиавеллистические установки и совместная управленческая деятельность руководителей производственных организаций. Менеджеры-производственники оказались менее макиавеллистичными в сравнении с руководителями торговых предприятий. Степень их макиавеллистичности может быть охарактеризована как «средняя» и «средне-

высокая», в то время как у управленцев из торговли она является преимущественно «высокой» и «средневысокой». При этом весьма умеренная степень макиавеллистичности топ и мидл-менеджеров производственных предприятий резко контрастирует с невысокой макиавеллистичностью руководителей первичного звена, специалистов и рабочих.

Имеет место тенденция положительного влияния *общего уровня макиавеллистичности* управленцев производственных организаций на их повседневное интерперсональное взаимодействие. Наиболее сензитивной к этому влиянию оказывается содержательная сторона СоУД — ее продуктивность-непродуктивность. Однако полученные нами коэффициенты корреляции достигают «порога значимости» ($p < 0,05$) лишь в одной организации; в других случаях уровень достоверности оказывается в пределах 0,06–0,11 (Табл. 1).

В то же время, управленческое взаимодействие в системе отношений «руководитель-руководитель» оказывается под более жестким регулирующим влиянием со стороны *парциальных макиавеллистических установок* его индивидуальных субъектов.

Деловое взаимодействие воспринимается как *«легкое и продуктивное»* в том случае, если партнеры склонны считать большинство достигших высокого положения в обществе людей не порядочными и небезупречными в нравственном отношении и при этом, — на уровне своего личного выбора, — предпочитать высокое социальное положение, пусть и достигнутое нечестным путем, скромному положению и честности.

Снижение степени субъективной затрудненности (без какой-либо значимой связи с продуктивностью-непродуктивностью) совместной управленческой деятельности выражено тем более отчетливо, чем в большей степени топ и мидл-

менеджеры проявляют убежденность в том, что неизлечимо больные люди с их собственного согласия могут быть подвергнуты эвтаназии; полагают, что для большинства людей вопросы собственности и благосостояния более значимы, чем жизнь и здоровье их близких; а также не считают, что человек должен делать что-либо, только если он уверен в моральной оправданности и нравственной правильности своих действий.

Более разнообразны по своей психологической природе установки, оказывающие регулирующее влияние на уровень *продуктивности* повседневного управленческого взаимодействия руководителей. Они связаны с двумя «жизненными темами» — взглядами на природу человека и представлениями о способах взаимодействия с другими людьми в связи с решением своих насущных проблем и «самопродвижением». Репутация руководителей в качестве продуктивных партнеров по совместной управленческой деятельности оказывается тем выше, чем более явно менеджеры отказывают большинству людей в смелости и полагают невозможным достижение высокой самоотдачи человека в труде без принуждения со стороны. Также с точки зрения членов управленческого коллектива их деловые интеракции осуществляются тем продуктивнее, чем в большей степени партнеры считают лучшим способом получения чего-либо от других людей сообщение им того, «что они хотят услышать», а лесть «нужным людям» — «проявлением мудрости».

Можно констатировать, что фактором фасилитации совместной деятельности руководителей выступает предпочтение членами управленческих сообществ прагматических подходов к решению жизненных проблем над этически ориентированными. Повышению же продуктивности повседневных деловых интеракций топ и мидл-менеджеров про-

Таблица 1

Взаимосвязь интегральных характеристик управленческого взаимодействия с общим уровнем макиавеллизма и локальными макиавеллистическими установками руководителей производственных организаций

МАКИАВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ	Характеристики взаимодействия		
	легкость– трудность	продуктивность– непродуктивность	общая эффективность
Общий уровень макиавеллистичности	19 / 31	22 / 45	19 / 38
Лучший способ получать от людей что тебе надо – говорить им то, что они хотят услышать (2)		27 / 49	
Человек должен делать что-либо, только если он уверен, что это морально оправданно, то есть правильно с нравственной точки зрения (3*)	–53 / –29		
В общем-то, люди не хотят работать в полную силу без принуждения со стороны (8)		17 / 60	
Лучше занимать скромное положение и быть честным, чем быть порядочным и нечестным (9*)	–67 / –30	–53 / –27	–59 / –28
Большинство из тех, кто достиг высокого положения в обществе, являются порядочными и безупречными в нравственном отношении людьми (11*)	–60 / –28	–49 / –27	–55 / –31
Большинство людей – смелые (14*)		–61 / –19	
Льстить нужным людям – значит проявлять мудрость (15)		22 / 59	
Неизлечимо больные люди с их согласия могут быть умерщвлены (19)	22 / 47		
Большинство людей легче забывают о смерти собственных родителей, чем о потере своей собственности (20)	29 / 49		

Условные обозначения:

Полужирный шрифт – наличие значимых корреляционных связей ($p < 0,05$) во всех организациях (или не менее четырёх из пяти производственных фирм и трёх из четырёх – торговых);

Светлый (обычный) шрифт – наличие значимых корреляционных связей в большей части обследованных организаций (не менее трех из пяти производственных фирм и двух из четырех – торговых).

Примечания: 1. В этой и следующей таблице приведены только значимые корреляционные взаимозависимости (за исключением данных по общему уровню макиавеллизма). 2. В скобках указаны порядковые номера высказываний в тексте опросника. 3. Звездочкой обозначены «обратные» пункты, согласие с которыми отражает немакиавеллистический характер социальных установок субъекта.

изводственных организаций способствуют установки, акцентирующие негативные стороны «природы человека» и манипулятивные способы социального взаимодействия.

Выявленные направленность и структура регулятивного влияния макиавеллистических установок руководителей на осуществляемую ими совместную деятельность по управлению организацией становятся понятными в контексте решаемых менеджментом производственных предприятий задач и тех ресурсов, которыми он в этой связи располагает.

По мнению руководителей, вошедших в нашу выборку производственно-коммерческих фирм, наибольшее количество актуальных проблем их организаций связано с внешней средой («отлаживание» и оптимизация производственно-потребительских связей, взаимоотношения с конкурентами, а также с различными административными и контролирующими структурами). Решение этих вопросов, как правило, требует гибкости, дипломатичности, умения производить необходимое впечатление и тому подобных качеств, положительно коррелирующих с макиавеллистичностью. Работа с вышеназванными проблемами является прерогативой ведущих руководителей предприятий, каждый из которых, как правило, курирует определенную подсистему внешних связей и взаимоотношений. Сбои в работе с внешними связями организации, допускаемые тем или иным управленцем, автоматически ведут к увеличению «коммуникационной нагрузки» на других руководителей, что закономерно создает этому менеджеру репутацию «малопродуктивного» и «трудного» партнера по совместной деятельности. В то же время управленческие сообщества анализируемых организаций испытывают трудности с рекрутированием новых членов, способных эффективно решать «внешне-средовые» про-

блемы. Это связано с характерной для рассматриваемых предприятий невысокой макиавеллистичностью персонала и, в частности, таких его категорий как руководители первичного звена и ведущие специалисты, составляющих основу «кадрового резерва». Вероятно, отчасти поэтому замещение должностей руководителей среднего и высшего звена в этих фирмах на практике осуществляется обычно не из числа «резервистов». Следует отметить, что речь не идет о предпочтении топ и мидл-менеджерами производственных организаций в качестве партнеров по управленческому взаимодействию «законченных манипуляторов». Для «вхождения» в круг управленческой элиты организации, сохранения и упрочения своего положения в нем оказывается достаточной сколь-либо явная выраженность макиавеллистических установок с несколько большей акцентировкой некоторых из них.

Макиавеллистические установки и совместная управленческая деятельность руководителей торговых организаций. Суммарный уровень макиавеллизма оказался индифферентным с точки зрения регуляции совместной управленческой деятельности руководителей структурных подразделений торговых-коммерческих фирм. *Общая макиавеллистичность* управленцев крайне слабо коррелирует с формальными и содержательными аспектами их делового взаимодействия (значения r варьируют в диапазоне от $-0,14$ до $0,17$). Таким образом, независимо от большей или меньшей склонности к макиавеллизму, топ и мидл-менеджеры торговых компаний с равной вероятностью могут квалифицироваться своими коллегами как «легкие» и «трудные», «продуктивные» и «непродуктивные» партнеры по взаимодействию.

Как и в производственных организациях, более определенный функциональный вклад в регуляцию деловой интерак-

ции «торговых» управленцев вносят *парциальные макиавеллистические установки*. Однако в отличие от управленческих сообществ производственно-коммерческих структур, действие названных регуляторов имеет не столь однозначный характер. Выявляются два типа локальных мак-установок: одни из них содействуют упрочению репутации менеджеров как эффективных партнеров по совместной управленческой деятельности, другие же, наоборот, обуславливают функционально-ролевое отторжение руководителей со стороны их коллег. Причем количественное соотношение этих установок оказывается приблизительно одинаковым (Табл. 2).

Характерной особенностью анализируемой части «детерминационного поля» управленческого взаимодействия в торговых организациях (по сравнению с производственными компаниями) является существенно большее количество локальных макиавеллистических установок, регулирующее влияние которых распространяется в равной мере как на формальные (легкость-затрудненность), так и на содержательные (продуктивность-непродуктивность) составляющие деловых интеракций руководителей. При этом оптимизация повседневных менеджерских контактов оказывается функцией сложного «переплетения» как «про-макиавеллистических», так и «анти-макиавеллистических» установок партнеров по деловому взаимодействию.

К первой категории принадлежат:

- понимание честности как не самой лучшей политики в большинстве жизненных ситуаций;
- представление о том, что большинство людей не желает работать в полную силу без принуждения со стороны;
- признание невозможности быть человеком «хорошим во всех отношениях».

Вторую категорию установок образуют:

- допущение раскрытия перед другими людьми истинной причины своих действий не только в том случае, когда это оказывается полезным и выгодным с эгоистической точки зрения;

- несогласие с использованием в качестве инструмента достижения своих целей в межличностном общении высказывания окружающим «того, что они хотят услышать».

Склонность полагать, что «человек, полностью доверяющий кому-то другому, напрашивается на неприятности», однозначно выступает в роли фактора содействующего росту продуктивности повседневных деловых контактов руководителей в трех из четырех обследованных нами торговых фирм (в четвертой значения положительного коэффициента корреляции почти достигают «порога статистической достоверности» $p < 0,05$). Однако в отношении формальной стороны управленческого взаимодействия регулятивные эффекты данного представления руководителей оказываются полярными: в управленческих сообществах двух торговых фирм взаимодействие с носителями обсуждаемого убеждения воспринимается как «продуктивное и легкое», в двух других — как «продуктивное, но излишне затрудненное».

Среди установок, чье регулирующее влияние сфокусировано на *формальной стороне* совместной управленческой деятельности, снижению «цены» достигаемых в этой деятельности результатов в основном способствуют немакиавеллистские по своей природе представления. Снижение затрудненности деловых контактов между топ и мидл-менеджерами торговых организаций оказывается связанным с приверженностью партнера следующим взглядам и представлениям:

- предпочтением при обращении к другим людям открывать истинную при-

Таблица 2

Взаимосвязь интегральных характеристик управленческого взаимодействия с общим уровнем макиавеллизма и локальными макиавеллистическими установками руководителей торговых организаций

МАКИАВЕЛЛИСТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ	Характеристики взаимодействия		
	легкость – трудность	продуктивность – непродуктивность	общая эффективность
Общий уровень макиавеллистичности	-14 / +08	-12 / +17	-11 / +14
Открывать другим истинную причину своих действий нужно только в том случае, если это полезно для тебя (1)	-50 / -22	-59 / -31	-53 / -23
Лучший способ получать от людей что тебе надо – говорить им то, что они хотят услышать (2)	-67 / -19	-61 / -34	-62 / -17
В общем-то, все люди порочны, и когда-нибудь это обязательно проявляется (5)	29 / 53		
Честность – лучшая политика в любых ситуациях (6*)	-56 / -31	-67 / -36	-57 / -28
В общем-то, люди не хотят работать в полную силу без принуждения со стороны (8)	32 / 62	27 / 54	26 / 58
Когда просишь кого-либо сделать что-то для тебя, лучше сказать о настоящей причине, по которой тебе это необходимо, чем придумывать более веские аргументы (10*)	29 / 51		
Человек, полностью доверяющий кому-то другому, напрашивается на неприятности (12)	-44 / +51	36 / 59	07 / 57
Можно быть человеком хорошим во всех отношениях (16*)	-63 / -38	-69 / -34	-63 / -37
Неправы те, кто считает, что большинство людей являются простаками, которых легко обвести вокруг пальца (17*)	32 / 53		
Большинство людей легче забывают о смерти собственных родителей, чем о потере своей собственности (20)	-55 / -25		

чину своих просьб, а не изобретать какие бы то ни было «веские аргументы»;

- убежденностью в том, что большинство людей не являются простаками, которых легко обмануть;

- склонностью полагать, что для большинства людей вопросы жизни и здоровья их близких более значимы, нежели вопросы связанные с личной собственностью и благосостоянием.

Единственным макиавеллистическим «вкраплением» в число социальных установок, фасилитирующих управленческое взаимодействие, оказывается склонность руководителей полагать большинство людей «порочными по натуре» и рассматривать проявление этих пороков как обязательное событие, являющееся лишь «вопросом времени».

Локальных макиавеллистических установок, регулятивные функции которых были бы избирательно «привязаны» только к *содержательной стороне* деловых интеракций, в управленческих сообществах торговых фирм не выявилось.

Как и в производственных организациях, специфическими с точки зрения регуляции управленческого взаимодействия руководителей торговых компаний оказались макиавеллистические установки связанные с двумя содержательными «темами»: представлением о природе человека и предпочитаемыми стратегиями построения социального взаимодействия.

Однако в отличие от управленческих сообществ производственно-коммерческих структур, где повседневное взаимодействие руководителей протекает тем успешнее, чем в большей мере партнеры склонны ориентироваться на макиавеллистический вариант осмысления и решения вышеназванных проблем, регулирующее влияние рассматриваемых нами категорий социальных установок имеет не столь однозначный характер. Выявляются два типа локальных установок: одни из них содействуют успешному протеканию деловых контактов и упрочению репутации менеджеров как «результативных» и «легких» партнеров по совместной управленческой деятельности, другие же, наоборот, оказывают деструктивное влияние на систему менеджерских интеракций и обусловливают функционально-ролевое отторжение руководителей (выступающих носителями подобных установок) со стороны их коллег. Причем количественное соотношение этих установок оказывается приблизительно одинаковым.

Различия между производственными и торговыми компаниями выступают еще более отчетливо если учесть то обстоятельство, что уровневые характеристики макиавеллистичности их ведущих

руководителей оказываются сосредоточенными в первом случае в области средних значений, а во втором — в зоне высоких. Поэтому отрицательные связи, выявляемые между интегральными характеристиками управленческого взаимодействия и некоторыми локальными установками его индивидуальных субъектов, свидетельствуют не столько об «антимакиавеллизме» топ и мидл-менеджеров торговых фирм, сколько об их предрасположенности занимать скорее «умеренно макиавеллистическую» позицию по вышеперечисленным вопросам.

Следует отметить, что проявление подобных склонностей оказывается своеобразным «психологическим дефицитом» на ведущих иерархических уровнях торгово-коммерческих структур, что, — в свою очередь, — провоцирует хроническую «коммуникативную усталость» руководителей от манипулятивной гиперизоциренности системы повседневного управленческого взаимодействия. Вероятно, не случайно в качестве одной из наиболее желательных трансформаций управленческой культуры в их организациях руководителям торговых фирм видится изменение стиля повседневного общения топ и мидл-менеджеров в направлении большей «прозрачности», открытости, доверительности (с характерной оговоркой: «насколько это возможно»). Целесообразность этих изменений чаще всего связывается респондентами с необходимостью более эффективного противодействия внешнему давлению, являющемуся следствием усиливающейся конкурентной борьбы на рынке «продвигаемых» товаров и оказываемых услуг.

Таким образом, выявляются некоторые закономерности включения макиавеллистических установок личности в регуляцию повседневного делового взаимодействия в «аппаратах управления» организаций, представляющих собой

достаточно однородные по уровню макиавеллистичности социальные группы. Функциональный вклад рассматриваемой нами категории социальных установок ведущих руководителей организаций в регуляцию их совместной управленческой деятельности и детерминацию «партнерской приемлемости» опосредствуется действием механизма психологического (ценностного) обмена, выражающегося в преимущественной поддержке управленческим сообществом тех руководителей, структурно-уровневые характеристики макиавеллистических установок которых оказываются наиболее релевантными содержанию актуальных для организации задач и направленности перспектив ее развития.

Литература

1. Журавлев А.Л. Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). — М., 2004.
2. Знаков В.В. Макиавеллизм и феномен вранья // Вопросы психологии. 1999. № 6. С. 59–70.
3. Знаков В.В. Методика исследования макиавеллизма личности. — М., 2000.
4. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры / Пер. с англ. — СПб., 2001.
5. Новиков В.В. Современная социальная психология и развитие организаций // Социальная психология — XXI век. Т. 2. — Ярославль, 1999. С. 141–150.
6. Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А.Л.Журавлев, Е.В.Шорохова. — М., 2001.
7. Свенцицкий А.Л. Психология управления организациями. — СПб., 1999.
8. Флоровский С.Ю. Совместная управленческая деятельность и общение руководителей: Личностные факторы и механизмы регуляции. — Краснодар; Ярославль, 2000.
9. Флоровский С.Ю. Личностная регуляция совместной управленческой деятельности руководителей: роль организационно-культурного контекста // Вестник Университета (Государственный университет управления). Серия «Социология и управление персоналом». 2007. № 12(38). С. 112–116.
10. Шейн Э. Организационная культура и лидерство: Построение. Эволюция. Совершенствование / Пер. с англ. — СПб., 2002.
11. Constantine, L.L. (1989). Teamwork Paradigms and The Structured Open Team // Proceedings: Embedded systems Conference. San Francisco.
12. Deal, T.E., Kennedy, A.A. (1983). Culture: A New Look Through Old Lenses // Journ. of Applied Behavioral Science. № 19. P. 498–505.
13. Donaldson, G., Lorsch, J.W. (1983). Decision Making at the Top. NY.
14. Hofstede, G.H. (1997). Cultures and Organizations: Software of the Mind. NY.
15. Kets de Vries, M.F.R., Miller, D. (1984). The Neurotic Organization. Diagnosing and Revitalizing Unhealthy Companies. NY.
16. Kotter, J.P. (1988). The Leadership Factor. NY.
17. Leavitt, H.J., Bahrani, H. (1988). Managerial Psychology: Managing Behavior in Organizations. Chicago — London.
18. Pettigrew, A.M. (1979). On Studying Organizational Cultures // Administrative Science Quarterly. Vol. 24. P. 570–581.
19. Weick, K. (1979). The Social Psychology Of Organizing. Reading, MA.
20. Wilson, D.S., Near, D., Miller, R.R. (1996.). Machiavellianism: A synthesis of the evolutionary and psychological literatures // Psychological Bulletin. Vol. 119. No. 2. P. 285–299.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Будякова Т.П. — кандидат психологических наук, заведующая кафедрой психологии, Елецкий государственный университет им. И.А.Бунина. г. Елец.

Григорьева Е.В. — преподаватель кафедры психологии и социологии Псковского Вольного института.

Гусева Т. — аспирантка кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ.

Дорфман Л.Я. — доктор психологических наук, профессор, Пермский государственный институт искусства и культуры.

Карпов А.А. — соискатель кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ.

Клюева Н.В. — доктор психологических наук, профессор, Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова.

Козлов В.В. — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ, первый вице-президент МАПН.

Косов А.В. — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и организационной психологии КГПУ им. К.Э.Циолковского.

Лидерс А.Г. — кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии МГУ им. М.И.Ломоносова. г. Москва.

Мазур Ю.О. — соискатель кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ. г. Омск.

Матюшкова С.Д. — психолог, УО Витебский государственный университет им. П.М.Машерова. г. Витебск, Республика Беларусь.

Мокринская Н.В. — ассистент кафедры психологии, Елецкий государственный университет им. И.А.Бунина. г. Елец.

Момот В.А. — доктор психологических наук, директор Всероссийского центра медико-социальной реабилитации инвалидов. г. Геленджик.

Новиков В.В. — доктор психологических и экономических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии ЯрГУ, Президент МАПН, Заслуженный деятель науки РФ.

Познанская А.П. — выпускница факультета психологии МГУ им. М.И.Ломоносова.

Радина Н.К. — кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии Нижегородского государственного педагогического университета, профессор кафедры психологии Нижегородского института менеджмента и бизнеса. Нижний Новгород.

Сапожникова О.А. — старший преподаватель кафедры философии Ивановского химико-технологического университета (ИГХТУ). г. Иваново.

Соколова И.Ю. — доктор педагогических наук, профессор кафедры послевузовской психологической подготовки Института теории образования Томского государственного педагогического университета.

Тарова С.А. — ассистент кафедры психологии, Елецкий государственный университет им. И.А.Бунина. г. Елец.

Флоровский С.Ю. — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления факультета управления и психологии Кубанского государственного университета, член-корреспондент Международной Академии Психологических Наук (МАПН). г. Краснодар.

Щеколдина А.А. — психолог. г. Москва.